

7с (Дар)
Д 73

7с (Дар)
Д 73

ДАГЕСТАНСКИЙ ФИЛИАЛ АН СССР
ОРДЕНА ПОЧЕТА
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ
ИМ. Г. ЦАДАСЫ

ДРЕВНЯЯ И СРЕДНЕВЕКОВАЯ АРХИТЕКТУРА ДАГЕСТАНА

Сборник статей

ДРЕВНЯЯ
И
СРЕДНЕВЕКОВАЯ
АРХИТЕКТУРА
ДАГЕСТАНА

Махачкала 1989

Памяти
известного археолога-кавказоведа

КОТОВИЧА
Владимира Герасимовича

СОСТАВИТЕЛЬ

кандидат исторических наук М. С. ГАДЖИЕВ

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР

кандидат исторических наук А. И. ИСЛАММАГОМЕДОВ

РЕЦЕНЗЕНТЫ:

кандидат исторических наук Г. С. ФЕДОРОВ, Р. Г. МАГОМЕДОВ

На материалах раскопок поселений и городищ в сборнике рассматриваются вопросы формирования и развития архитектуры в Дагестане в древности и в средние века. Исследуются памятники оборонительной, культовой, гражданской, бытовой архитектуры, их декоративная система, строительные надписи. В научный оборот вводятся новые обширные материалы.

Сборник рассчитан на археологов, историков, этнографов, искусствоведов, а также всех интересующихся древней и средневековой историей и археологией Дагестана и Кавказа.

Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН

instituteofhistory.ru

146981

В. Г. КОТОВИЧ

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

Предлагаемый сборник статей посвящен памяти Владимира Герасимовича Котовича, внесшего большой вклад в изучение древней и средневековой археологии Дагестана.

Памятники древней архитектуры, являясь одним из важнейших компонентов материальной культуры, представляют собой источник ценнейшей информации о жизни создавшего их общества. Возникая в соответствии с потребностями и возможностями общества, обеспечивая необходимые для жизненных процессов материальные условия и являясь одним из факторов, направляющих эти процессы, они всегда ярко отражают свою эпоху. Памятники древнего зодчества дают представление не только о развитии производительных сил, строительной техники, организации ремесла, но и о социальном и идеологическом облике древнего населения, политической истории и эстетических нормах эпохи. Все это определяет то важнейшее место, которое отводится памятникам архитектуры — будь то рядовое жилище или грандиозное фортификационное сооружение, небольшая древняя стоянка или огромное городище — в исследовании процессов социально-экономического и культурно-исторического развития общества. Это объясняет и пристальное внимание к ним археологов, по крупицам реконструирующих прошлое народа.

Первые архитектурно-археологические работы в Дагестане были проведены уже в начале 1920-х гг. комплексной экспедицией, руководимой проф. Н. Ф. Яковлевым. Археологическим отрядом экспедиции, возглавляемым проф. А. С. Башкировым, были обследованы Дербент, городища Торпах-кала, Армен-кала, Кастель, Махачкалинское. В 20-х гг. изучением архитектурных памятников Дербента занимались Е. А. Пахомов и П. Спасский. Работы этого и последующего времени носили по большей части разведывательный характер. В 1936—1939 гг. Северо-Кавказской экспедицией ИИМК АН СССР, руководимой А. П. Кругловым и М. И. Артамоновым, был открыт ряд древних и средневековых поселений в горном и приморском Дагестане, исследованы памятники архитектуры Дербента. Тогда же Е. А. Пахомов (в 1937 г.) и М. И. Исаков (в 1941 г.) вновь обследовали городище Торпах-кала.

Широкие работы по выявлению древних бытовых памятников развернулись в Дагестане в 50-х гг. силами археологов Института ИЯЛ Дагестанского филиала АН СССР. Д. М. Атаевым, В. Г. Котовичем, В. М. Котович, В. И. Канивцом, Н. Д. Путинцевой, Д. М. Костюченко, а также К. А. Бредэ, Р. М. Мунчаевым, В. И. Марковиным были открыты многочисленные бытовые памятники, представляющие почти все исторические эпохи на территории

Дагестана. Особо следует отметить деятельность в этом направлении М. И. Пикуль и М. И. Исакова, выявивших большое количество древних и средневековых поселений, среди них таких, как Чиркатинское, Макинское, Аркаское, Таргу, Герменчик, Тенг-кала и др. Важное значение имели проведенные В. Г. Котовичем обследования поселений эпохи ранней бронзы в Приморском Дагестане (Великент, Мамай-кутан). В числе памятников, подвергшихся раскопкам в этот период и давшим ценный материал по истории древней архитектуры Дагестана, необходимо назвать Сигитминское (раскопки 1956—1957 гг. В. И. Кашица и Г. М. Бурова) и Мекегинское (раскопки В. Г. Котовича, 1958—1959 гг.) поселения эпохи ранней бронзы, Верхнегуннбское (раскопки 1958—1959 гг. В. М. Котович) и Ирганайские (раскопки 1958—1960 гг. Д. М. Атаева и М. Н. Погребовой) поселения эпохи средней бронзы, Нижнесигитминское (раскопки 1956—1958 гг. К. А. Бредэ), Аркаское (раскопки 1957 г. М. И. Пикуль) и Макинское (раскопки 1959 г. и 1961 г. М. И. Пикуль) поселения эпохи раннего железа.

В силу слабой изученности бытовых археологических памятников большинство исследований по древней и средневековой истории и археологии Дагестана базировалось, главным образом, на материалах погребальных комплексов. На недостаточную изученность древних поселений и городищ и необходимость их исследований было указано в резолюции научной сессии, посвященной археологии Дагестана, в которой приняли участие видные археологи-кавказеды страны (г. Махачкала, май 1959 г.).

Восполнить этот пробел было призвано развертывание с начала 60-х гг. широких археологических работ, направленных как на проведение стационарных раскопок поселений и городищ, так и на выявление новых бытовых памятников. Начало их активному изучению было положено деятельностью Приморской археологической экспедиции (руководитель В. Г. Котович), исследовавшей в 1960—1964 гг. городище Урцки и открывшей целый ряд древних и раннесредневековых бытовых памятников. В 1963—1966 гг. Горной экспедицией, возглавляемой Д. М. Атаевым, было подвергнуто раскопкам средневековое Аркаское городище, а в 1967 г. им были начаты раскопки Андрейаульского городища. Большое внимание отводилось и изучению древнейших архитектурно-археологических объектов Дагестана: экспедицией под руководством М. Г. Гаджиева исследовались Гинчинские поселения эпохи энеолита и раннежелезного времени, Чиркейское поселение, поселения Галгалатли I и II бронзового века, а в 1963—1964 гг. В. М. Котович были продолжены раскопки Верхнегуннбского поселения. Наряду с раскопками, велась работа по выявлению новых бытовых памятников, их систематизации. В частности, только в 1965 г. В. Г. Котовичем преимущественно в Южном Дагестане было открыто более 20 средневековых поселений и городищ (среди них городища Шахсенгер, Арал, Гугнеце, Чирага и др.). В 1966 г. вышла в свет книга М. И. Исакова «Археологические памятники

Дагестана», в которой было зафиксировано большое количество архитектурно-археологических объектов.

Важный этап в изучении древних и особенно средневековых поселений наметился с начала 70-х гг., когда их исследованием занялись практически все экспедиции Института ИЯЛ. С 1971 г. и по настоящее время ведет работы Дербентская археологическая экспедиция под руководством А. А. Кудрявцева. В 1983 г. экспедицией было положено начало регулярным подводным исследованиям в акватории древнего порта Дербента. С 1971 по 1978 гг. с небольшими перерывами Гамринской экспедицией, возглавляемой В. Г. Котовичем, исследовалось городище Таргу, отождествляемое с одноименным «гуннским городом». В 1971—1975 гг. Горная экспедиция (нач. М. Г. Гаджиев) проводила раскопки и разведки на территории Левашинского плато, где было открыто и обследовано 15 городищ албанского и раннесредневекового времени. Северо-Дагестанская экспедиция, руководимая М. Г. Магомедовым, в 1971—1974 гг. провела раскопки Верхнечирюртовского городища, отождествляемого его исследователем с ранней хазарской столицей Беленджером, а в 1975—1979 гг. — Андрейаульского городища, сопоставляемого с раннесредневековым городом Вабандар. В конце 70-х — начале 80-х гг. М. Г. Гаджиевым были исследованы поселения эпохи ранней и средней бронзы в Приморском Дагестане (Великент, Мамай-кутан, Геметюбе I и II). В этот же период экспедицией О. М. Давудова раскапывались поселение Ачи-су конца II — нач. I тыс. до н. э., святилище VIII—VII вв. до н. э. у сел. Хосрех, поселение Ганзир албанского времени, раннесредневековое городище Шахсенгер. В 1980—1982 гг. Х. А. Амирхановым были проведены новые раскопки Чохского поселения, открывшие древнейшие на территории Дагестана жилые сооружения. В 1980 и 1982 гг. экспедицией под руководством Л. Б. Гмыря велись исследования раннесредневекового Агачкалинского поселения, а в 1985 г. начаты раскопки Паласа-сыртского поселения IV—VI вв. В 1986 г. новостроечной экспедицией (нач. М. Г. Гаджиев) было возобновлено изучение Ирганайского поселения эпохи средней бронзы.

В результате археологических изысканий 50-х—80-х гг. накоплен огромный по масштабу и своей научной значимости материал, позволяющий в настоящее время представить историю архитектуры Дагестана с древнейших времен до средневековья включительно. Итоги раскопок древних поселений и городищ, памятников культового и оборонительного зодчества легли в основу монографических и диссертационных исследований, многочисленных статей, посвященных как отдельным архитектурно-археологическим объектам, изучению архитектуры, строительной техники древнего и средневекового Дагестана, так и освещению многих проблем социально-экономического и культурно-исторического развития Северо-Восточного Кавказа.

Настоящий сборник является первым изданием, специально посвященным строительному делу и архитектуре древнего и сред-

невекового Дагестана, в основу которого легли материалы археологических раскопок. Справедливости ради следует отметить большую значимость работ архитекторов, этнографов, искусствоведов, востоковедов, археологов по изучению уникальных памятников оборонительной, культовой, гражданской архитектуры средневекового Дагестана, дошедших до наших дней в своем почти первозданном облике и, к великому сожалению, нещадно разрушающихся на наших глазах.

В сборник вошли статьи, посвященные изучению памятников оборонительной, культовой, гражданской архитектуры, жилых и хозяйственно-бытовых сооружений широкого хронологического диапазона — от эпохи ранней бронзы до средневековья включительно. В них рассматриваются вопросы истории архитектуры, развития и уровня строительного дела, планировки и топографии поселений, хронологии памятников, их декоративного убранства.

Сборник открывается статьей М. Г. Гаджиева, в которой исследуются древнейшие архитектурные памятники Дагестана периода сложения и развития раннеземледельческих культур, прослеживается процесс смены круглопланной архитектурной традиции прямоугольной на рубеже эпохи ранней и средней бронзы.

Статья О. М. Давудова посвящена изучению жилых и хозяйственных сооружений Ганзирского поселения албанского времени.

Изучению средневековых оборонительных сооружений Дагестана отводится внимание в статьях М. С. Гаджиева и М. Г. Магомедова. В первой исследуется сырцовая фортификация V в. цитадели Дербента, прослеживаются связи с оборонительной архитектурой Переднего Востока, Закавказья, Средней Азии, Северного Причерноморья. Во второй приводится обзор укрепленных поселений Дагестана X—XIV вв., рассматриваются вопросы развития оборонительной архитектуры, освещается проблема взаимосвязи процесса развития фортификации с социально-экономическим развитием дагестанского общества.

В статье Л. Б. Гмыря характеризуются жилища, хозяйственно-бытовые постройки Паласа-сыртского поселения IV—VI вв. н. э.

Исследованию оборонительных, культовых сооружений, памятников гражданской архитектуры Дербента VIII—XIII вв., процесса становления и развития зодчества одного из крупнейших средневековых городов Кавказа, его связей с архитектурой Закавказья, Ближнего и Среднего Востока посвящена статья А. А. Кудрявцева.

В статье Д. М. Атаева, М. С. Гаджиева и М. Д. Сагитовой исследуются интересные средневековые культовые сооружения Аркаского городища — две мечети, возникшие, очевидно, на месте первоначально существовавших церквей.

Анализу уникальных памятников эпиграфического орнамента, их месту и роли в декоративной системе архитектурных сооружений XIV—XV вв. сел. Кубачи посвящена статья М. М. Маммаева.

Заключают сборник заметка Т. М. Айтберова, посвященная переводу надписи XV в. о строительстве минарета в сел. Дарваг, и статья А. К. Аликберова, которая вводит в научный оборот че-

тыре строительные куфические надписи XI—XIII вв., недавно обнаруженные на поселении Уна и в сел. Кала, Рутул, Хив.

Материалы сборника дают определенное представление об архитектуре древнего и средневекового Дагестана, ее истоках и развитии. Представляется, что статьи сборника вызовут интерес как у специалистов — археологов, историков, этнографов, искусствоведов, востоковедов, так и у широкого круга читателей, интересующихся древней историей и культурой народов нашей республики.

Публикацией этого сборника дагестанские археологи выражают свое уважение и признательность светлой памяти Владимира Герасимовича Котовича — ученого и человека.

М. Г. Гаджиев

О ЖИЗНЕННОМ И ТВОРЧЕСКОМ ПУТИ ВЛАДИМИРА ГЕРАСИМОВИЧА КОТОВИЧА

31 мая 1979 г. в расцвете творческих сил после тяжелой болезни ушел из жизни известный археолог-кавказовед, неутомимый исследователь Дагестана Владимир Герасимович Котович.

Владимир Герасимович Котович родился 25 сентября 1925 года в г. Первомайске Одесской области в семье старого большевика — активного участника Великой Октябрьской революции и гражданской войны. Детские и юношеские годы Владимира Герасимовича завершились рано, как у большей части советской молодежи начала 40-х годов, судьбу которой круто изменила суровая Великая Отечественная война.

Студент I курса геолого-разведочного факультета Казахского горно-металлургического института В. Г. Котович в самом начале 1943 года ушел в ряды Советской Армии. Окончив в марте 1943 года артиллерийское училище, он защищал Родину в боях на 2-м Украинском фронте. Гвардии младшему лейтенанту В. Г. Котовичу не было еще 18 лет, когда он командиром взвода противотанковой артиллерии участвовал в тяжелых боях в «Ясско-Кишиневской» операции. Несмотря на тяжелое ранение, которое получил в одном из боев, он оставался в строю вплоть до окончания войны. За мужество, проявленное в боях, В. Г. Котович был награжден орденом Красной Звезды и медалями.

В 1947 году В. Г. Котович поступил на исторический факультет Ленинградского государственного университета, где приобрел первые навыки научно-исследовательской работы и полевых археологических исследований. Здесь В. Г. Котович окончательно избрал себе специальность — археология, которой он посвятил всю свою жизнь.

В 1952 году, окончив университет, В. Г. Котович приехал в Дагестан, где стал одним из организаторов самостоятельных археологических исследований Дагестанского филиала АН СССР, одним из пионеров изучения древнейшего прошлого наших народов. С этого времени В. Г. Котович навсегда связал свою жизнь с Дагестаном, ставшим для него второй родиной. Он проникся большой симпатией и глубоким уважением к историческому прошлому народов Дагестана, его древней культуре; ревностно защищал его подлинное место и роль в древней истории Кавказа, вклад дагестанских народов в создание материальных и духовных

ценностей древнего Кавказа, страстно отстаивал его приоритет в ряде достижений, открытий в области культуры, экономики.

Творческая биография В. Г. Котовича как ученого сложилась в Институте истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР, в котором он прошел путь от младшего научного сотрудника до заведующего сектором археологии. Здесь в полной мере раскрылись его острый ум и аналитическое мышление, способности быстро и точно оценить и обобщить факты материальной культуры, видеть за ними историю народа — ее создателя, его умение правильно определить историческую перспективу того или иного явления, склонности к широким историческим обобщениям и дар научного предвидения. Начало научной деятельности В. Г. Котовича совпало со временем, когда Дагестанский филиал АН СССР от содействия в организации археологических работ, проводившихся в Дагестане центральными научными учреждениями, перешел к созданию собственных местных кадров археологов и организации самостоятельных археологических исследований. В. Г. Котович вместе с М. И. Пикуль, Р. М. Мунчаевым был участником и организатором первых полевых отрядов и экспедиций Института истории, языка и литературы. В поисках остатков прошлого В. Г. Котович изучил почти весь Дагестан: и приморскую равнину и южный Дагестан, степи севера и особенно горный Дагестан, который до этого времени оставался практически не исследованным в археологическом отношении и являлся белым пятном на археологической карте Кавказа. Им были открыты и исследованы сотни древних и средневековых памятников, благодаря изучению которых в новом свете предстала перед нами древняя история и культура народов Дагестана.

Научные интересы В. Г. Котовича не замыкались в рамках одной узкой темы, он был ученым широкого профиля. Его одинаково интересовали проблемы древней истории и средневековья, истории материальной культуры и социально-экономических отношений, этнической истории.

Главные научные интересы В. Г. Котовича первого периода работы были связаны с изучением каменного века. Благодаря его усилиям в горном Дагестане, где не было известно ни одного местонахождения или стоянки каменного века и отрицалась даже возможность их существования, было выявлено до 30 таких памятников. Посвященная их изучению работа «Каменный век Дагестана» была успешно защищена В. Г. Котовичем в 1962 г. как кандидатская диссертация. Изданная в 1964 году книга В. Г. Котовича «Каменный век Дагестана» явилась одним из лучших монографических исследований, посвященных каменному веку Кавказа. Эта работа позволила говорить о целой ранее неизвестной эпохе в истории края.

Открытия В. Г. Котовича окончательно опровергли господствовавшую в науке до середины 50-х годов точку зрения, что заселение горных районов Дагестана произошло сравнительно поздно, что даже в бронзовом веке проникновение в горы было

случайным эпизодическим явлением. Работы Владимира Герасимовича по каменному веку не только открыли новую страницу в древнейшей истории Дагестана, но и осветили важные аспекты предистории Восточного Кавказа в целом. Открытие палеолита в горном Дагестане было оценено научной общественностью как одно из важнейших достижений первобытной археологии нашей страны.

Большое место в исследованиях В. Г. Котовича занимали проблемы древней экономики. Как известно, в 50-х годах в археологической литературе всеобщее признание имела схема, ставящая хозяйственное освоение горного Дагестана в зависимость от развития полукочевого скотоводства. По этой схеме использование альпийских пастбищ в летнее время года привело к появлению в горах постоянного населения, хозяйство которого базировалось на овцеводстве. В работах В. Г. Котовича была показана несостоятельность этой по существу миграционной теории о происхождении населения горного Дагестана. В опубликованных им в 60-х годах статьях была раскрыта неправомочность прежних оценок хозяйственной деятельности горцев как чисто скотоводческой и путей хозяйственного освоения горного Дагестана, доказывалось, что возникновение в горном Дагестане оседлой жизни связано с переходом местного населения к производящему хозяйству, основанному прежде всего на земледелии, и что это было обусловлено общим для всего Кавказа подъемом производительных сил в конце каменного века.

Продолжая свои исследования в этой области, В. Г. Котович археологическими материалами обосновал правоту взглядов выдающегося советского биолога акад. Н. И. Вавилова, считавшего Дагестан вместе с Закавказьем одним из очагов происхождения культурных растений, и поставил вопрос о возможности отнесения Дагестана вместе с Закавказьем к числу первичных очагов земледелия, что подтверждается новейшими археологическими открытиями в Дагестане.

Сложной проблеме — времени и путям возникновения железной металлургии на территории Кавказа — были посвящены В. Г. Котовичем специальные исследования, в которых предложено принципиально новое их решение. До недавнего времени господствовало представление, будто племена Северо-Восточного Кавказа позже, чем племена других областей Кавказа, освоили железную металлургию и, следовательно, отставали от них в своем историческом развитии, а также будто племена Кавказа в целом переняли это открытие у населения Северного Причерноморья. В острой полемике по этим вопросам В. Г. Котович отстаивал кавказский приоритет в освоении этого важнейшего технического достижения человечества.

На основе анализа большого фактического материала он доказывал несостоятельность прежних оценок темпов культурного развития Дагестана накануне освоения железной металлургии. Для этой цели им была проделана скрупулезная работа по раз-

работке новой периодизации памятников эпохи поздней бронзы и раннего железа Северо-Восточного Кавказа. Особая заслуга принадлежит В. Г. Котовичу в предпринятом в этой связи определении нового исторического места каякентско-хорочоевской культуры Северо-Восточного Кавказа, хронология которой в течение уже многих лет является остро дискуссионным вопросом кавказской археологии. Определение нового исторического места и удешевление хронологии этой культуры позволило наметить иную, чем прежде казалось, историческую перспективу развития местных племен накануне освоения железа.

Все эти вопросы нашли подробное свое освещение в изданном посмертно монографическом исследовании В. Г. Котовича «Проблемы культурно-исторического и хозяйственного развития населения древнего Дагестана» (М.: Наука, 1982), являющемся крупным вкладом в изучение первобытной археологии не только Дагестана, но и Кавказа в целом.

Много внимания уделял В. Г. Котович разработке проблемы возникновения и развития древних городов Дагестана, их структуры и роли в истории раннесредневековых государственных образований. По существу с его именем связано начало археологического изучения дагестанского города. Поворотными в этом отношении оказались многолетние полевые исследования большого коллектива сотрудников Приморской археологической экспедиции, работавшей под руководством В. Г. Котовича. Раскопки Урцекского городища — остатков крупного города албанского и раннесредневекового времени и фронтальные разведки, производившиеся этой экспедицией, положили фактически начало археологическому изучению древних и средневековых городов Дагестана. В своих работах, посвященных проблеме урбанизации Дагестана, В. Г. Котович прослеживал процессы возникновения и становления древнего и средневекового города Дагестана.

Целая серия статей и докладов посвящена им средневековой тематике, в особенности наиболее спорным ее вопросам. Таковы его работы о местоположении древних городов Беленджера, Семендера, Варачана и Таргу, о роли Прикаспийского пути в истории Дагестана, о маршрутах арабских походов на Кавказ в VII—VIII вв., об этнической принадлежности раннесредневековых культур Дагестана и др.

Полное перечисление всех общих и частных научных вопросов, которыми был занят В. Г. Котович, заняло бы немало места. Но можно смело сказать, что в археологии Дагестана трудно найти сколько-нибудь крупную проблему, в разработку которой В. Г. Котович не внес бы свой вклад.

Активное участие принимал В. Г. Котович в написании и издании обобщающих коллективных трудов, посвященных истории народов Дагестана и Северного Кавказа. Им написаны главы и разделы «Очерков истории Дагестана» в 2-х томах, вышедших в свет в 1957 году, четырехтомной «Истории Дагестана», вышедшей в издательстве «Наука» в 1967 г. В последние годы жизни

В. Г. Котович являлся куратором, руководителем глав и одним из членов большого авторского коллектива по написанию четырехтомной «Истории народов Северного Кавказа с древнейших времен до наших дней», первый том которой вышел в свет в 1988 г.

Большие организаторские способности проявил В. Г. Котович как основатель и руководитель сектора археологии Института ИЯЛ, уделяя большое внимание подготовке высококвалифицированных научных кадров для дагестанской археологии. Он оказывал большую помощь молодым дагестанским археологам, проявляя постоянный интерес к их нуждам, делам и научным исследованиям, многие дагестанские археологи получили навыки полевых археологических исследований в экспедициях, руководимых В. Г. Котовичем. Ему они во многом обязаны своим творческим ростом.

СПИСОК ТРУДОВ В. Г. КОТОВИЧА

1. Чохская стоянка — первый памятник каменного века в горном Дагестане // УЗ ИИЯЛ. Махачкала, 1957. Т. III.
2. Эпоха раннего железа // Очерки истории Дагестана. Махачкала, 1957. Т. 1. § 4; Дагестан в составе Кавказской Албании // Там же. § 5; Дагестан в III — V вв. н. э. // Там же. § 6.
3. Некоторые итоги изучения каменного века в Дагестане // Тез. докл. на науч. сес. Ин-та ИЯЛ им. Г. Цадасы Даг. фил. АН СССР, посвящ. археологии Дагестана. Махачкала, 1959.
4. Новые археологические памятники Южного Дагестана // Материалы по археологии Дагестана. Махачкала, 1959. Т. I.
5. Археологическое изучение Дагестана за 40 лет // УЗ ИИЯЛ. 1960. Т. VIII. (Совместно с Н. Б. Шейховым).
6. Археологические работы в горном Дагестане // Материалы по археологии Дагестана. Махачкала, 1961. Т. II.
7. К вопросу о древнем земледелии и скотоводстве в горном Дагестане // УЗ ИИЯЛ. 1961. Т. IX.
8. Некоторые данные о средневековых памятниках горного Дагестана // Материалы по археологии Дагестана. Т. II. (Совместно с Р. М. Мунчаевым, Н. Д. Путинцевой).
9. Каменный век Дагестана: Автореф. дис. . . . канд. ист. наук. Л., 1962.
10. Каменный век Дагестана: [Монография]. Махачкала, 1964.
11. Новые данные о раннесредневековых городах Дагестана // Материалы сес., посвящ. итогам археол. и этногр. исслед. 1964 г. в СССР. Баку, 1965.
12. О хозяйстве населения Дагестана в древности // СА. 1965. № 3.
13. [Выступление на сессии по этногенезу осетинского народа] // Происхождение осетинского народа. Орджоникидзе, 1967.
14. Каменный век // История Дагестана: В 4 т. М., 1967. Т. I. Гл. I; Древнейшие земледельцы и скотоводы // Там же. Гл. II; Медно-бронзовый век // Там же. Гл. III. Совместно с М. Г. Гаджиевым, В. М. Котович (Гл. III).
15. Раскопки в Кулинском районе горного Дагестана // АО — 1968. М., 1969. (Совместно с М. Г. Магомедовым, М. М. Маммаевым).

16. Об историческом месте каякентско-хорочоевской культуры // Тез. докл. Всесоюз. науч. сес., посвящ. итогам полевых археол. и этногр. исслед. 1970 г. Археол. секции. Тбилиси, 1971.

17. Из глубины веков // Памятники отечества. М., 1972. (Совместно с М. Г. Магомедовым, О. М. Давудовым, А. Р. Шихсаидовым, П. М. Деби-ровым, М. М. Маммаевым).

18. Работы в Прикаспийском Дагестане // АО — 1971 г. М., 1972. (Совместно с В. М. Котович, С. М. Магомедовым).

19. [Рецензия] // СА. 1972. № 2. Рец. на кн.: Кушнарева К. Х., Чубини-швили Т. Н. Древние культуры Южного Кавказа. Л., 1970. (Совместно с М. Г. Гаджиевым, В. М. Котович).

20. Археологические работы на территории средневекового княжества Хам-рин // Материалы сес., посвящ. итогам экспедиц. исслед. в Дагестане в 1971 — 1972 гг. Махачкала, 1973. (Совместно с В. М. Котович, С. М. Магомедовым).

21. Находки древних бронзовых топоров в Дагестане // Кавказ и Восточная Европа в древности. М., 1973. (Совместно с В. М. Котович).

22. Раскопки на городище Таргу // АО — 1972. М., 1973. (Совместно с Л. Б. Гмыря, В. М. Котович, С. М. Магомедовым).

23. Археологические данные к вопросу о местоположении Семендера // Древности Дагестана. Махачкала, 1974.

24. О местоположении раннесредневековых городов Варачана, Беленджера и Таргу // Там же.

25. Основные этапы социально-экономического развития раннеземледельческого населения Дагестана // Формы перехода от присваивающего хозяйства к производящему и особенности развития общественного строя: Тез. докл. конф. М., 1974.

26. О времени и путях возникновения железной металлургии на Кавказе // Пятое Крупновские чтения по археологии Кавказа. Махачкала, 1975.

27. Об этнической принадлежности раннесредневековых катакомбных захоронений Прикаспийского Дагестана // Там же.

28. Работы на городище Таргу // АО — 1974. М., 1975. (Совместно с Л. Б. Гмыря, В. М. Котович, С. М. Магомедовым).

29. Исследования на городище Таргу // АО — 1975. М., 1976. (Совместно с В. М. Котович, С. М. Магомедовым, Р. Н. Мирзоевым, М. М. Расуловой).

30. О кавказском происхождении биметаллических мечей с прямым перекрестьем // VI Крупновские чтения в Краснодаре: Тез. докл. по археологии Сев. Кавказа. М., 1976.

31. О некоторых особенностях расселения и социального устройства населения Дагестана в албанский и раннесредневековый периоды // Материалы сес., посвящ. итогам экспедиц. исслед. в Дагестане в 1973 — 1975 гг. Махачкала, 1976.

32. Некоторые вопросы древней металлургии меди в связи с проблемой зарождения железной металлургии на Кавказе // СА. 1977. № 3.

33. Археологические данные к древней истории Прикаспийского пути // Проблемы археологии. Л., 1978. Вып. 2.

34. К определению исторического места каякентско-хорочоевской культуры // Памятники эпохи бронзы и раннего железа в Дагестане. Махачкала, 1978.

35. К характеристике этноисторической ситуации в Прикаспийском Дагестане в V — VII вв. // VIII Крупновские чтения. Нальчик, 1978.

36. Некоторые итоги работ на городище Таргу // Материалы сес., посвящ.

146481

итогах экспедиц. исслед. в Дагестане в 1976—1977 гг.: Тез. докл. Махачкала, 1978. (Совместно с М. М. Абдуллаевым, В. М. Котович, Р. Н. Мирзоевым, М. М. Расуловой).

37. О времени и путях широкого распространения железа на Северном Кавказе // Изв. Сев.-Кавказ. науч. центра высш. шк. Обществ. науки. Ростов-н/Д., 1978. № 3.

38. О происхождении «кабардино-пятигорских» или «киммерийских» биметаллических кинжалов и мечей // Памятники эпохи бронзы и раннего железа в Дагестане. Махачкала, 1978.

39. Богатые погребальные комплексы из сел. Ираги и Калкии // IX Крупновские чтения. Элиста, 1979. (Совместно с О. М. Давудовым).

40. К вопросу о маршрутах арабских завоевательных походов в Дагестан в середине VII — первой половине VIII в. // Тез. докл. к конф., посвящ. 20-летию со дня организации Даг. фил. ГО СССР. Махачкала, 1979. Вып. XII.

41. О древнем обряде срубных захоронений в Дагестане и на Кавказе // IX Крупновские чтения. Элиста, 1979. (Совместно с В. М. Котович).

42. Раскопки городища Таргу // АО — 1978. М., 1979. (Совместно с В. М. Котович, М. М. Расуловой).

43. Археологические исследования на городище Таргу // Материалы сес., посвящ. итогам экспедиц. исслед. в Дагестане в 1978—1979 гг.: Тез. докл. Махачкала, 1980. (Совместно с В. М. Котович).

44. О периодизации и хронологии памятников поздней бронзы — раннего железа на Северо-Восточном Кавказе // СА. 1980. № 4. (Совместно с О. М. Давудовым).

45. О процессе урбанизации в древнем Дагестане // Древние и средневековые археологические памятники Дагестана. Махачкала, 1980.

46. Утамышские курганы // Северный Кавказ в древности и в средние века. М., 1980. (Совместно с В. М. Котович, С. М. Магомедовым).

47. Проблемы культурно-исторического и хозяйственного развития населения Дагестана в древности. М., 1982.

48. Городище Таргу // Древние и средневековые поселения Дагестана. Махачкала, 1983. (Совместно с В. М. Котович, Б. М. Салиховым).

49. Из истории Дагестана в середине VII — перв. пол. VIII в. // Новое в археологии Северного Кавказа. М., 1986.

50. Древнейшие земледельцы и скотоводы Северного Кавказа // История народов Северного Кавказа с древнейших времен до наших дней. М., 1988. Т. I. Гл. II. (Совместно с Р. М. Мунчаевым, В. В. Бжания, М. Г. Гаджиевым).

51. Земледельческо-скотоводческие племена в эпоху бронзы // Там же. Гл. III. (Совместно с М. Г. Гаджиевым, В. И. Марковинным, В. М. Котович, И. М. Чеченовым, В. И. Козенковой).

52. Разложение первобытно-общинного строя и возникновение первых государственных образований // Там же. Гл. IV. (Совместно с В. Б. Виноградовым, Н. В. Анфимовым, Б. М. Кереевым).

53. Археологические исследования в Дагестане // Комсомолец Дагестана. 1953. 25 июня.

54. Раскопки Гонобского могильника // Даг. правда. 1956. 11 сент.

55. К вопросу о каменном веке Дагестана // Даг. правда. 1957. 16 янв.

56. Первые люди на территории Дагестана // Комсомолец Дагестана. 1958. 15 янв.

57. Некоторые вопросы древней истории горного Дагестана // Даг. правда. 1959. 21 янв.

58. Древнейший город Дагестана: Семендер или Варачан? // Даг. правда. 1961. 29 янв.

59. Находка трехтысячелетней давности // Сов. Дагестан. 1965. № 2.

60. Новости древнего мира // Даг. правда. 1966. 7 сент.

61. Тайна древней гробницы // Сов. Дагестан. 1966. № 5.

62. Это ново // Даг. правда. 1967. 16 мая. Рец. на кн.: Дебиров П. М. Резьба по камню в Дагестане. М.: Наука, 1966.

63. Загадка Утамышского кургана // Даг. правда. 1971. 24 февр. (Совместно с С. Магомедовым).

64. Сквозь толщу лет: Рассказы руководителей археол. экспедиций Ин-та ИЯЛ Даг. ФАН СССР Котович В. М., Гаджиева М. Г., Магомедова М. Г. об археол. сезоне 1970 г. // Сов. Дагестан. 1971. № 1.

65. Тайна Утамышских курганов // Сов. Дагестан. 1973. № 6.

66. Над чем работают археологи Дагестана // Сов. Дагестан. 1975. № 6.

67. Вклад археологов // Наука и религия. 1977. № 5.

68. Из глубины веков // Даг. правда. 1977. 26 июня. (Совместно с О. М. Давудовым).

69. Сокровища древнего Дагестана // Известия. 1977. 29 июля.

70. Ред.: Атаев Д. М. Нагорный Дагестан в раннем средневековье: (По материалам археол. раскопок Аварии). Махачкала, 1963.

71. Ред.: Исаков М. И. Археологическая карта Дагестана. Махачкала, 1966.

72. Ред.: Гаджиев М. Г. Из истории культуры Дагестана в эпоху бронзы (могильник Гинчи). Махачкала, 1969.

73. Ред.: Древности Дагестана. Махачкала, 1974.

РУКОПИСНЫЕ РАБОТЫ

1. Разведка у с. Великент (Дербентский р-н) // РФ ИИЯЛ. 1953. Ф. 27. Оп. 1. Д. 7.

2. Дагестан в III—V вв. н. э. // РФ ИИЯЛ. 1953. Ф. 27. Оп. 1. Д. 4. 87 л.

3. Первобытно-общинный строй в Дагестане. Разделы: 1. Дагестан и Кавказская Албания. 2. Дагестан в III—V вв. н. э. // РФ ИИЯЛ. Ф. 27. Оп. 1. Д. 5. 1954. 26 л.

4. Палеолит Дагестана // РФ ИИЯЛ. 1954. Ф. 27. Оп. 1. Д. 6. 19 л.

5. Период военной демократии в Дагестане. (Конец I тыс. до н. э. — V в. н. э.) // РФ ИИЯЛ. 1955. Ф. 27. Оп. 1. Д. 9. 27 л.

6. Палеолитические местонахождения Дагестана (по материалам 1953 и 1954 гг.) // РФ ИИЯЛ. 1955. Ф. 27. Оп. 1. Д. 10. 30 л.

7. Палеолитические местонахождения Дагестана // РФ ИИЯЛ. 1955. Ф. 27. Оп. 1. Д. 11. 44 л., 12 табл.

8. Чохская мезолитическая стоянка // РФ ИИЯЛ. 1956. Ф. 27. Оп. 1. Д. 2. 124 л., 21 табл.

9. Мезолит Дагестана // РФ ИИЯЛ. 1957. Ф. 27. Оп. 1. Д. 3. 71 л.

10. Ругуджинские стоянки каменного века // РФ ИИЯЛ. 1958. Ф. 27. Оп. 1. Д. 12. 77 л., 9 табл.

11. Палеолитические и неолитические местонахождения в Дагестане // РФ ИИЯЛ. 1959. Ф. 27. Оп. 1. Д. 15. 82 л., 5 табл.

12. История народов Дагестана. Т. I. Гл. I. § 1: Каменный век Дагестана // РФ ИИЯЛ. 1961. Ф. 27. Оп. 1. Д. 17. 15 л.
13. Каменный век Дагестана: (Канд. диссертация) // РФ ИИЯЛ. 1961. Ф. 27. Оп. 1. Д. 18. 278 л., 50 табл.
14. История народов Дагестана. Т. I. Гл. I. § 2: Новый каменный век (неолит) и начало эпохи металла // РФ ИИЯЛ. Ф. 27. Оп. 1. Д. 20. 35 л.
15. Урцекское городище — памятник раннесредневековой культуры Дагестана. Т. I. Гл. I: Политическая обстановка в Приморском Дагестане в период существования Урцекского городища // РФ ИИЯЛ. 1963. Ф. 27. Оп. 1. Д. 22. 173 л.
16. Урцекское городище — памятник раннесредневековой культуры Дагестана. Т. II. Гл. IV: Хозяйство // РФ ИИЯЛ. 1964. Ф. 27. Оп. 1. Д. 46. 39 л.
17. Социально-экономический строй Дагестана в древности и средневековье // РФ ИИЯЛ. 1965. Ф. 27. Оп. 1. Д. 23. 110 л.
18. Урцекское городище — памятник раннесредневековой культуры Дагестана. Т. I. Гл. I. § 1: Исследование раннесредневековых городищ — закономерный этап в развитии дагестанской археологии // РФ ИИЯЛ. 1966. Ф. 27. Оп. 1. Д. 43. 31 л.
19. Урцекское городище — памятник раннесредневековой культуры Дагестана. Т. I. Гл. II: Раскопки северного сектора цитадели // РФ ИИЯЛ. 1966. Ф. 27. Оп. 1. Д. 44. 41 л.
20. Урцекское городище — памятник раннесредневековой культуры Дагестана. Т. I. Гл. IV: О местоположении раннесредневековых городов Прикаспийского Дагестана // РФ ИИЯЛ. 1966. Ф. 27. Оп. 1. Д. 45. 49 л.
21. Бытовые памятники эпохи раннего железа на территории Дагестана. Введение. Гл. I: Эволюция бытовых памятников на территории Дагестана с древнейших времен до эпохи раннего железа // РФ ИИЯЛ. 1967. Ф. 27. Оп. 1. Д. 36. 212 л.
22. Бытовые памятники эпохи раннего железа на территории Дагестана. Гл. II: Характеристика бытовых памятников эпохи раннего железа и их структуры // РФ ИИЯЛ. 1968. Ф. 27. Оп. 1. Д. 37. 190 л.
23. Бытовые памятники эпохи раннего железа на территории Дагестана. Гл. III: Материальная культура. § 1: Об особенностях дагестанской культуры переходного периода от эпохи бронзы к эпохе раннего железа // РФ ИИЯЛ. 1969. Ф. 27. Оп. 1. Д. 27. 99 л.
24. Бытовые памятники эпохи раннего железа на территории Дагестана. Гл. III: Материальная культура. § 2: К вопросу об историческом месте и хронологии каякентско-хорочоевской культуры. § 3: О времени и путях возникновения железной металлургии в Дагестане // РФ ИИЯЛ. 1970. Ф. 27. Оп. 1. Д. 28. 177 л.
25. Бытовые памятники эпохи раннего железа на территории Дагестана. Гл. IV: К предистории древних городов Дагестана // РФ ИИЯЛ. 1971. Ф. 27. Оп. 1. Д. 31. 473 л.
26. Отчетный доклад о результатах научно-исследовательской работы по теме: «Бытовые памятники эпохи раннего железа на территории Дагестана» // РФ ИИЯЛ. 1970. Ф. 27. Оп. 1. Д. 29. 24 л.
27. Возникновение классового общества и государственности в Дагестане.

Введение: Постановка проблемы становления классового общества и государственности в советской историографии и пути ее разрешения по данным письменных источников и археологическим материалам // РФ ИИЯЛ. 1972. Ф. 27. Оп. 1. Д. 32. 11 л.

28. Возникновение классового общества и государственности в Дагестане. Гл. I: Погребальный обряд как источник по истории социально-экономического развития дагестанского общества. (К обоснованию необходимости использования археологических материалов для освещения социально-экономического развития населения Дагестана в древности и средневековье) // РФ ИИЯЛ. 1973. Ф. 27. Оп. 1. Д. 33. 121 л.

29. История народов Северного Кавказа с древнейших времен до наших дней. Т. I. Материалы к II—III и IV главам // РФ ИИЯЛ. 1977. Ф. 27. Оп. 1. Д. 34. 82 л.

30. История народов Северного Кавказа с древнейших времен до наших дней. Т. I. Гл. II: Древнейшие земледельцы и скотоводы // РФ ИИЯЛ. 1978. Ф. 27. Оп. 1. Д. 35. 38 л.

31. Отчет о работе Южного отряда Дагестанской археологической экспедиции в 1953 г. // РФ ИИЯЛ. 1955. Ф. 27. Оп. 1. Д. 8. 104 л.

32. Отчет о работе горного отряда Дагестанской археологической экспедиции в 1955 г. // РФ ИИЯЛ. 1956. Ф. 27. Оп. 1. Д. 1. 11 л., 43 табл.

33. Отчет о работе 1-го горного отряда Дагестанской археологической экспедиции в 1956 г. // РФ ИИЯЛ. 1957. Ф. 27. Оп. 1. Д. 38. 76 л., 42 табл.

34. Отчет о работе 1-го горного отряда Дагестанской археологической экспедиции в 1957 г. // РФ ИИЯЛ. 1958. Ф. 27. Оп. 1. Д. 40. 112 л., 50 табл.

35. Отчет о работе 1-го горного отряда Дагестанской археологической экспедиции в 1958 г. // РФ ИИЯЛ. 1959. Ф. 27. Оп. 1. Д. 13. 72 л., 78 табл.

36. Отчет о работе 2-го Чиркейского отряда Дагестанской археологической экспедиции в 1959 г. // РФ ИИЯЛ. 1960. Ф. 27. Оп. 1. Д. 41. 66 л., 47 табл.

37. Отчет о работе Приморского отряда Дагестанской археологической экспедиции в 1960 г. // РФ ИИЯЛ. 1961. Ф. 27. Оп. 1. Д. 16. 71 л., 48 табл.

38. Отчет о работе Приморского отряда ДАЭ в 1961 г. // РФ ИИЯЛ. 1962. Ф. 27. Оп. 1. Д. 47. 93 л., 81 табл. (Совместно с Д. М. Атаевым, А. И. Абакаровым, К. А. Бредэ, В. М. Котович, Н. Д. Путинцевой).

39. Отчет о работе Приморской археологической экспедиции ИИЯЛ в 1962 г. // РФ ИИЯЛ. 1963. Ф. 27. Оп. 1. Д. 39. 96 л., 103 табл. (Совместно с А. И. Абакаровым, Д. М. Атаевым, В. М. Котович, М. Г. Магомедовым, М. М. Маммаевым.)

40. Отчет о работе Приморской археологической экспедиции ИИЯЛ в 1963 г. // РФ ИИЯЛ. 1964. Ф. 27. Оп. 1. Д. 49. 76 л., 78 табл. (Совместно с А. И. Абакаровым, М. Г. Магомедовым, М. М. Маммаевым.)

41. Отчет о работе Приморской археологической экспедиции ИИЯЛ в 1964 г. // РФ ИИЯЛ. 1965. Ф. 27. Оп. 1. Д. 42. 107 л., 19 табл. (Совместно с А. И. Абакаровым, М. Г. Магомедовым, М. М. Маммаевым.)

42. Отчет о работе 3-го Разведочного отряда Дагестанской археологической экспедиции в 1965 г. // РФ ИИЯЛ. 1966. Ф. 27. Оп. 1. Д. 24. 54 л., 25 табл.

43. Отчет о работе 1-го отряда Дагестанской археологической экспедиции

в 1966 г. // РФ ИИЯЛ. 1967. Ф. 27. Оп. 1. Д. 25. 33 л., 89 табл. (Совместно с О. М. Давудовым).

44. Отчет о работе 1-го горного отряда Дагестанской археологической экспедиции в 1967 г. // РФ ИИЯЛ. 1968. Ф. 27. Оп. 1. Д. 26. 76 л., 33 табл.

45. Отчет о работе Горной археологической экспедиции ИИЯЛ в 1968 г. // РФ ИИЯЛ. 1969. Ф. 27. Оп. 1. Д. 30. 71 л., 28 табл. (Совместно с М. М. Мамаевым).

46. Отчет о работе Гамринской археологической экспедиции ИИЯЛ в 1971—1972 гг. // РФ ИИЯЛ. 1972. Ф. 27. Оп. 1. Д. 48. 80 л., 114 табл. (Совместно с В. М. Котович, С. М. Магомедовым).

47. Отчет о работе Гамринской археологической экспедиции ИИЯЛ в 1974—1975 гг. // РФ ИИЯЛ. 1978. Ф. 27. Оп. 1. Д. 50. 35 л., 54 табл. (Совместно с В. М. Котович).

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН**

instituteofhistory.ru

М. Г. Гаджиев

ПОСЕЛЕНИЯ И ЖИЛИЩА ДАГЕСТАНА ЭПОХИ РАННЕЙ БРОНЗЫ

(к истории древней архитектуры)

Вопрос об истории древних поселений и жилищ не является новым в историографии Дагестана (1, 2, 3). Однако источниковая база для ее разработки до сравнительно недавнего времени оставалась весьма узкой, и поэтому многие вопросы, связанные с историей поселений и жилищ, взаимоотношением типов жилищ и другие, не могли быть освещены с достаточной полнотой и решены с необходимой убедительностью. Кроме того, история древнейших поселений и жилищ слабо была разработана и в масштабах всего Кавказа.

За последние двадцать пять лет в этой области сделано немало. Неизмеримо расширился фактический материал о древних поселениях и жилищах Кавказа, появился ряд работ, в том числе и специальных, посвященных как в целом данной проблеме, так и частным ее вопросам, методологии и методике изучения древних поселений и жилищ. Таково, в частности, исследование А. И. Джавахишвили, посвященное строительному делу и архитектуре поселений Южного Кавказа в V—III тыс. до н. э. (4), в котором подводится итог изучению древней архитектуры Кавказа и ее связи с архитектурой Ближнего Востока. Ценные сведения и суждения об истории древнейших поселений и жилищ Кавказа содержатся в работах О. М. Джапаридзе, Р. М. Мунчаева, Т. Н. Чубинишвили, К. Х. Кушнарева, И. Г. Нариманова, О. А. Абибуллаева, А. Торосян и др. Следует отметить также исследования Советско-иракской экспедиции на раннеземледельческих поселениях Северной Месопотамии, обобщенные Р. М. Мунчаевым и Н. Я. Мерпертом, важные для понимания истории древней жилой архитектуры Кавказа (5).

Специальное изучение древнейших поселений и жилищ Дагестана, вопросов типологии, топографии и планировки поселений, истории древних жилищ имеет важное значение для понимания процесса культурно-исторического развития населения всего Северо-Восточного Кавказа в период сложения и развития раннеземледельческих культур.

Рассмотрение этих вопросов начнем с изложения фактического материала о поселениях эпохи ранней бронзы. Дальнейшее расселение раннеземледельческих племен привело к интенсивному заселению и освоению в эпоху ранней бронзы всех благоприят-

ных для развития земледельческо-скотоводческого хозяйства районов как в горной зоне Северо-Восточного Кавказа, так и в Приморской низменности. Плотность заселения горной зоны была достаточно высокой, о чем свидетельствует, в частности, археологическая карта Андийской котловины (Ботлихский район), где на сравнительно небольшой территории сейчас известно пять поселений эпохи ранней бронзы и один могильник*. Конечно, не все горные районы изучены в равной степени и одинаково представлены на современной археологической карте. Отчасти это объясняется и тем, что древнейшие поселения горной зоны трудно поддаются учету, т. к. они совершенно не имеют внешних признаков и обнаруживаются большей частью, как правило, случайно. По этой причине даже целенаправленные разведки не всегда дают желаемые результаты. Поэтому существующее положение не отражает реальной картины плотности заселения региона, а является следствием неравномерности его археологического изучения. Но даже имеющиеся данные достаточно ярко свидетельствуют о том, что, в частности, горный Дагестан в рассматриваемое время был широко освоен земледельческо-скотоводческим населением. Были заселены уже не только горные речные долины, освоенные еще в энеолите, но и горные плато, склоны и вершины гор, где наряду с сезонными стойбищами, возникшими в энеолите, появляются фундаментальные поселения, рассчитанные на долговременное обитание.

1 Поселения и жилища горного Дагестана

Сезонные (временные) поселения, о которых мы судим по известному уже Чинна, продолжавшему функционировать и в бронзовом веке (рис. 1), Чирката, занимавшему пещеру и небольшой склон перед нею на высоте ок. 2500 м над уровнем моря (6, с. 250—253), Ашали II, расположенному на вершине и крутом склоне горы, своим происхождением связаны со скотоводческим хозяйством. Особенности организации последнего в горных условиях предопределили необходимость в временных стоянках пастухов на местах отгона скота на пастбища в летнее время. Такие поселения часто располагались в местах, непригодных для обживания в зимнее время. Здесь не требовались фундаментальные каменные дома, необходимые для постоянного обитания; пастухи, обслуживающие стада в короткий летний период, жили в пещерах, под навесами или в легких постройках, как это засвидетельствовано этнографической действительностью. Только сезонное их обживание, отсутствие интенсивной жизни, разнообразной бытовой деятельности исключали возможность накопления сколько-нибудь значительных культурных слоев. Однако в том случае, когда подобные поселения устраивались в местах, где возможно террасное земле-

* Для сравнения укажем, что на этой же территории в настоящее время находится столько же селений.

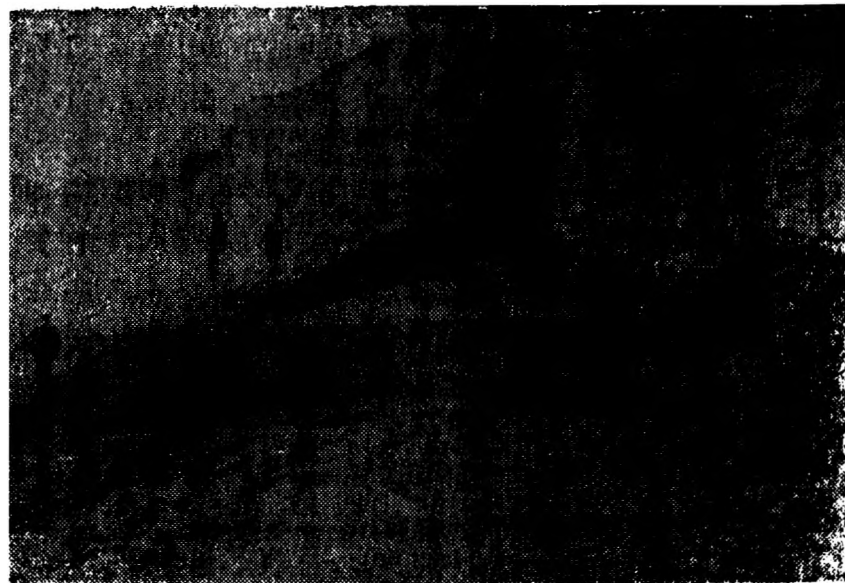

Рис. 1. Местонахождение поселения Чинна

делие, они впоследствии могли перерасти в постоянные. В этом проявляется одна из закономерностей развития отгонного скотоводства на Кавказе, при котором, как это убедительно показано Б. Б. Пиотровским, очень важна роль мобильных скотоводческих групп населения в первоначальном хозяйственном освоении и постоянном заселении высокогорий (7).

Постоянные поселения в горной зоне большей частью располагались в естественно укрепленных местах — мысах, на гребнях и склонах гор, скальных платформах на высоте до 2000 м над уровнем моря. Появление и дальнейшее функционирование постоянных поселений подобного рода являются следствием постепенного земледельческого освоения высокогорий, сложения террасного земледелия, являвшегося важнейшей экономической предпосылкой и гарантией для постоянного проживания высоко в горах больших групп населения.

Выбор конкретного места для постоянных поселений зависел от целого ряда факторов, среди которых первое место занимало наличие необходимых для земледелия площадей, в частности естественно выровненных участков или горных склонов, пригодных для формирования террасного земледелия; важное значение имели также существование источников воды, возможности аккумуляции дневного солнечного тепла (солнечные склоны), естественная защищенность. Фактор обороны играл далеко не последнюю роль при выборе мест для поселений.

По своей планировке постоянные поселения горной зоны представляли собой обычные горные селения со ступенчато располо-

женными друг над другом горизонтальными рядами домов. Наиболее исследованным и показательным поселением такого рода является Чиркейское (8, с. 15—23).

Чиркейское поселение находится на левом берегу Сулака (теперь Чиркейского водохранилища) у оставшегося под водой бывш. с. Старый Чиркей. Поселение расположено на горе Тад Шоб — останце древней террасы высотой 70—100 м в виде треугольника, вытянутого с запада на восток, с обрывистыми крутыми склонами. Останец представляет собой созданную самой природой естественную крепость, куда можно было проникнуть по крутым тропинкам и скальным ступенькам. Обитатели поселения пренебрегли всеми неудобствами, чтобы обезопасить себя. Верхняя площадка горы площадью около 5 га (длина треугольной площади — 500 м, ширина средняя — 100 м) делится как бы на две части проходящей по средней линии ложбинкой, переходящей в восточной части горы в овраг. Остатки древнего поселения выявлены в северной части горы на склоне, обращенном на юг, в сторону оврага.

На поселении исследовано ок. 1500 м² площади, на которой выявлены остатки более 20 построек* (рис. 2). В основном они сосредоточены в восточной части горы над оврагом на склоне и узкой продолговатой площадке. Остатки каменных домостроений располагались тремя ступенчато возвышающимися друг над другом рядами на частично врезанных в склон искусственных террасах, закрепленных с нижней стороны подпорными стенами.

Чиркейское поселение застроено почти стандартными домами, состоящими из круглопланного жилого помещения, к которому, как установлено в ряде случаев, пристраивали небольшие передни — сени. Опишем остатки одного из хорошо сохранившихся жилых помещений, погибшего, как установлено в процессе раскопок, в результате пожара. Помещение круглопланной формы было заполнено завалом камней вперемешку с землей толщиной 40 см от обвалившихся стен. Под завалом на всей площади помещения выявлена прослойка глины толщиной 4—6 см, под которой находились обгорелые балки, прутья и другие культурные остатки. Судя по этим данным, перекрытие помещения было плоским и состояло из рядов параллельно сложенных балок, перекрытых настилом из тонкого хвороста, вероятно, засыпавшимся землей и замазывавшимся глиной. Такого рода перекрытия, по-видимому, опирались на центральные столбы, установленные на опорные камни. Диаметр помещения 5,20 м. Стены возведены из известняковых камней с естественными и нередко специально обработанными плоскими прямоугольными гранями. Стена сохранилась на высоту 1 м, толщина ее 0,6—0,7 м. Вход в помещение, как и во всех дру-

Рис. 2. Чиркейское поселение

гих круглоплановых постройках, находился с южной стороны. Он представлял собой конически суживающийся внутрь коридор длиной ок. 2 м, шириной на выходе 1,7 м, внутри, со стороны помещения, — 0,9 м, образованный специально расширенными у входа стенами. Углы дверного проема изнутри имеют вертикальные пазы для дверей шириной 10 см. Напротив дверного проема у стены находилось подпрямоугольное каменное возвышение — лежанка длиной 2,2 м, шириной 1,75 м, а вдоль всей стены восточной половины помещения располагалась сложенная из камней лавка длиной 7,2 м, шириной — 0,5 м, обмазанная глиной. В углу, между лежанкой и лавкой, находилась округлая яма диаметром 0,7 м, глубиной 0,3 м, обмазанная глиной. Яма была заполнена обуглившимся зерном. В центре помещения располагался круглый вкопанный в землю очаг (диаметр — 0,5 м, глубина — 0,35 м) с обмазанной

* Поселение исследовано новостроечной Чиркейской археологической экспедицией Института ИЯЛ в 1965, 1966 гг. под руководством автора. См.: Гаджиев М. Г., Абакаров А. И., Магомедов М. Г., Маммаев М. М., Федоров Г. С. Отчеты об археологических исследованиях в зоне строительства Чиркейской ГЭС в 1965, 1966 гг. // РФ ИИЯЛ. № 227.

стенкой и широким глиняным бортиком, приподнятым над полом (рис. 3).

В западной половине помещения находились два крупных (высота — 0,65—0,70 м) сосуда-хранилища, вкопанных в землю и закрытых тонкими камешными плитами. Под венчиками сосудов имелось по 1—2 отверстия, служивших, по-видимому, для вентиляции.

Рис. 3. Чиркейское поселение. Круглопланное жилище

Описанный интерьер, различаясь в некоторых незначительных деталях, повторяется во всех исследованных жилищах Чиркейского поселения. К подобным жилищам пристраивались небольшие сени овальной или неправильной угловатой в плане формы (рис. 4), в которых, как правило, находились двухчастные печи с разделенными горизонтальными топочными и обжигательными камерами и сводчатыми перекрытиями. Такой свободно стоящий дом, конструктивно не связанный с другими подобными же рядом находящимися домами, характерен и для других поселений горного Дагестана — Мекеги, Галгалатли I.

Мекегинское поселение (9, л. 7—11; 10, л. 11—33), находящееся в области внешних предгорий Дагестана на восточной окраине сел. Мекеги (Левашинский район), расположено на левом берегу глубокого каньонообразного ущелья. Оно занимает вершину и восточный склон невысокого продолговатого мыса (500×80 м), огражденного с севера и востока каньонами Мекегинского ущелья,

с юга — неглубоким оврагом. Западная сторона полого спускается и завершается крутым склоном. Это придает поселению естественно укрепленный характер. В верхнем горизонте культурного слоя (общая толщина слоя 2 м) обнаружены остатки овального каменного (угловатого) сооружения, пристроенного к круглому в плане помещению (ввиду ограниченности вскрытой площади последнее было исследовано лишь частично). В углу пристройки, как и в Чиркес, располагалась двухчастная печь. В нижнем горизонте выявлена часть небольшого круглопланного помещения диаметром ок. 4 м и центральным углубленным в пол круглым очагом (8, с. 6—7).

Рис. 4. Чиркейское поселение круглопланное жилище с прямоугольной пристройкой

Поселение Галгалатли (8, с. 31, 32) находится, в отличие от Чиркейского и Мекегинского, во внутреннем горном Дагестане, в Андийской котловине. Оно расположено на горе Галгалатли, доминирующей над котловиной. Поселение занимало гребень горы и крутой его склон, обращенный на ЮЮЗ. Исследовано 220 м² его площади, на которой вскрыты остатки 7 округлых в плане каменных жилищ, расположенных тремя горизонтальными рядами, ступенчато возвышавшимися друг над другом (в нижнем и средних рядах — по 3 жилища, в верхнем — 1). Дома в условиях крутого склона (40°) строились, как в Чиркес, на искусственных террасах, наполовину врезанных в склон. От всех построек сохранились только участки дугообразных стен с пристроенными к ним лавками, обмазанными глиной. Стены закреплялись с внутренней стороны каменными тумбами — контрфорсами (Рис. 5). Остатки обгорелых балок и положение крупных тонких каменных плит над

Рис. 5. Поселение Галгалатли. Остатки стены круглопланного жилища

ними в одном из таких построек позволили реконструировать для дома Галгалатли плоское перекрытие из каменных плит, настланных на деревянные балки. Чтобы иметь более полное и конкретное представление о жилой архитектуре, охарактеризуем остатки одного из домов, раскопанных в нижнем ряду (Рис. 6). От него сохранился участок дугообразной стены протяженностью около 7 м и ограниченная ею сегментовидная часть пола. Диаметр жилища ок. 6 м, на глубину 2 м оно врезано в склон. Наиболее сохранившийся участок стены достигает 2-метровой высоты. Стена, сложенная однорядной кладкой из хорошо подобранных, иногда и обработанных камней, скрепленных глиняным раствором, прислонена к вертикальному срезу склона. С внутренней стороны она укреплена «контрфорсом» шириной 1 м, выступающим от поверхности стены на 0,4—0,6 м. По обе стороны от него вдоль дугообразной стены сооружены обмазанные сверху каменные лавки шириной 0,4—0,7 м, высотой 0,4—0,6 м. В южной части помещения к лавке пристроено прямоугольное возвышение длиной 1,5 м, шириной 0,8 м, высотой 0,4 м. Сверху оно покрыто плоскими плитами. В центре возвышения находилась ямка, заполненная крупноразмолотым зерном, рядом с которой лежала крупная зернотерка. Тут же рядом на лавке вдоль стены находились развалы крупных тарных сосудов с обуглившимся зерном. Судя по всему, это был специально оборудованный для хозяйственных целей уголок, где хранились продукты, производился размол зерна и готовилась

Рис. 6. Поселение Галгалатли. Остатки жилища

пища. Недалеко от возвышения располагались также вырытые в полу два обычных круглых очага.

Для понимания процесса эволюции горских поселений и жилищ важное значение имеют строительные остатки Сигитминского поселения — единственного раскопанного полностью бытового памятника эпохи ранней бронзы (11; 12, с. 158—159). Оно находилось на границе предгорий и степей, на правом берегу Сулака к югу от с. В. Чирюрт. Поселение расположено на горе Сигитма и занимает ок. 500 м² у ее гребня и северного склона. Скалистая гряда почти отвесно обрывается к югу и круто падает к северу. Местность представляет собой хорошо укрепленное природой надежное убежище на труднодоступной скале. По своей планировке оно также представляло собой обычное горное поселение. Строения располагались по склону горы в два ряда таким образом, что верхний ряд ступенчато возвышался над нижним. Верхний ряд состоял из трех жилищ и двух площадок, служивших, по мнению исследователей поселения, основаниями жилищ или легких навесов. В нижнем ряду располагалось два жилища. Жилище и площадка являлись смежными и по существу составляли один комплекс. Они в плане имели формы, близкие к квадратам с закругленными углами, и в разной степени углублены в скалу. Входы в жилища

расположены с южной стороны. Одно из жилищ верхнего ряда было углублено южным краем в скалу на 1 м. В плане оно имело не вполне правильную форму, близкую к квадрату ($4 \times 3,6$ м) с закругленными углами. Стены возведены из камня. Кровли, по-видимому, поддерживались столбами, закрепленными в углублениях в скале. Внутри жилища у входа стены находились двухчастная печь и лежанка, высеченная в скале.

Интересен комплекс строительных остатков в верхнем ряду построек. Первоначально помещение занимало скальное углубление неправильной трапециевидной формы с закругленными углами размером $5-4 \times 3,8$ м. В нем находились две обычные двухчастные печи. Позднее оно было разделено стеной на две части, соединенные дверным проемом. В дальнейшем домостроение занимало не только углубление, но и прилегающий с востока более высокий участок скалы. В целом комплексе построек состоял уже из 2-х смежных камер и возвышенного участка скалы, расположенного к востоку от них. В западной камере в углу находилась обычная двухчастная печь, а в восточной камере, в центре — круглый очаг, аналогичный чиркейскому (Рис. 7).

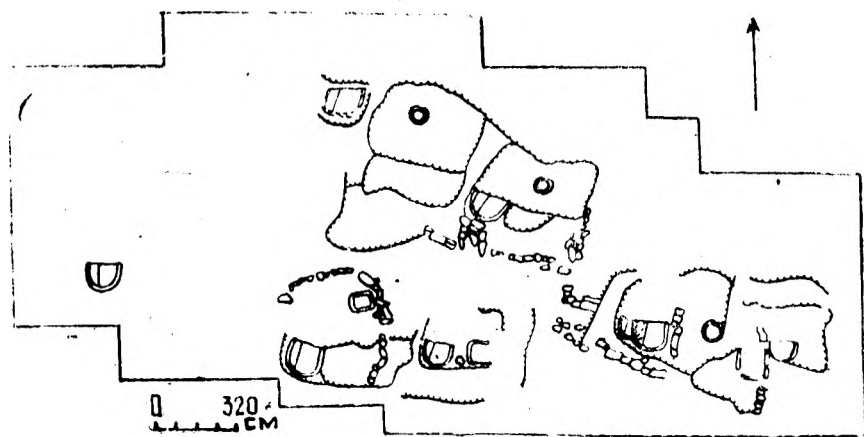

Рис. 7. Сигитминское поселение. Остатки жилых сооружений

Как видим, в архитектурно-планировочном отношении Сигитминское поселение характеризует уже иную строительную традицию, отличную от строительной традиции, имевшей место на более ранних поселениях горного Дагестана (Мекеги, Галгалатли, Чиркей). Основным конструктивным элементом сигитминского дома являлось сооружение из прямых стен, но имеющее закругленные углы. В жилом помещении обычной становится наземная двухчастная пристенная печь, а центральный углубленный в пол очаг,

характерный для круглопланных построек, хотя еще сохраняется, теряет свое прежнее значение (на поселении их было всего 3 против 16 двухчастных печей). Но все же на Сигитминском поселении первоначально основным типом домостроения был свободно стоящий дом, состоящий из жилого помещения и примыкающего к нему двора-площадки. И только на позднем этапе обживания в результате перестроек впервые в истории архитектуры горного Дагестана появляются смежные двух-трехкамерные постройки.

2 Поселения и жилища в Приморской низменности

Что касается приморского Дагестана, наши полевые исследования в целом подтвердили и вместе с тем существенно дополнили и внесли определенные коррективы в сложившиеся представления о характере древних поселений и жилищ этой зоны. В эпоху ранней бронзы здесь были распространены поселения двух типов: поселения, расположенные на естественных возвышениях, и искусственные холмы, образовавшиеся в результате длительного накопления больших толщ культурных слоев как следствие постоянной и интенсивной человеческой деятельности (1, с. 31, 32). Весьма прозорливым оказалось высказанное Р. М. Мунчаевым еще предположительно на основе ограниченных данных раскопок А. П. Круглова на Каякентском поселении мнение о распространении в приморском Дагестане круглопланных жилищ (1, с. 31, 32).

Каякентские поселения (Геметюбе I и II), находящиеся на правом берегу р. Гамри-озень в 4 км к востоку от с. Каякент, располагались на второй речной террасе: Геметюбе I — на продолговатом холме с плоской вершиной (длина 175 м, ширина — 50 м, высота 10 м), а Геметюбе II — на холме округлой формы тоже с плоской вершиной (50×40 м, высота 10 м). Оба холма отделены друг от друга и от окружающей местности (террасы) широкими седловинами, образованными в результате древних эрозионных процессов (рис. 8). Значительное поднятие верхних площадок холмов от уровня террасы, частями которой они являются, объясняется нарастанием культурного слоя. Древнейшие жилые сооружения, выявленные на обоих поселениях, представляли собой зауглубленные в землю круглоплановые сооружения (полуземлянки). Одно из таких жилищ, исследованных на поселении Геметюбе II, имело округлую форму ($3,20 \times 3,40$ м) и было заглублено в землю на 0,50 м. Уже на раннем этапе заселения холмов были распространены стационарные центральные очаги совершенно такого же типа, что и на поселениях горной зоны.

Позднее появляются и наземные постройки. На поселении Геметюбе II они имели круглую в плане форму, глинобитные полы и центральные круглые очаги. Стенки жилищ, по-видимому, возводились из дерева и плетня (рис. 9).

Дальнейшее развитие домостроительства в приморском Дагестане характеризуют строительные остатки верхних слоев Геме-

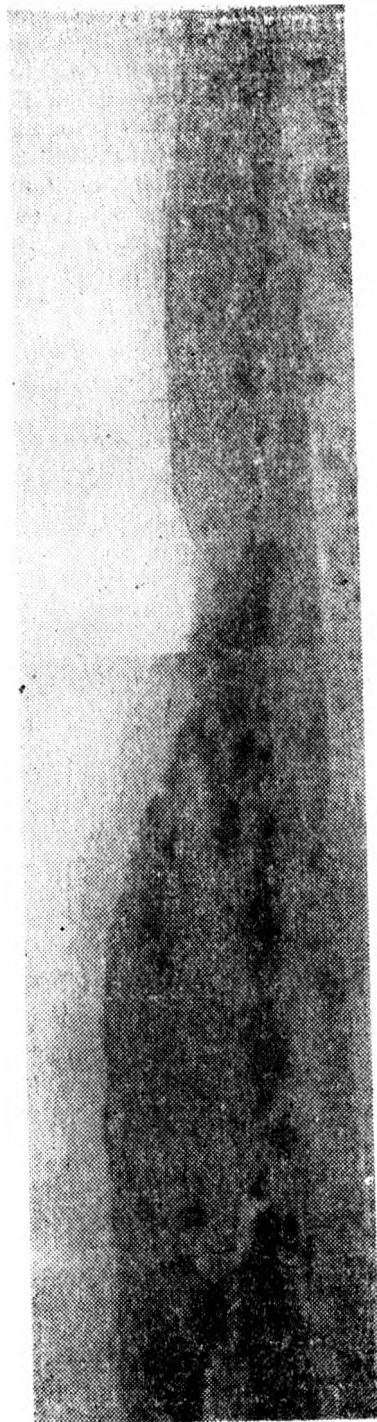

Рис. 8. Каякентские поселения Геметюбе I и II

Рис. 9. Поселение Геметюбе II. Часть жилища

тюбе I и Великентского поселения. Во втором слое Геметюбе I дома строились уже из камня и имели круглую в плане форму. Такая архитектурная традиция, судя по трем горизонтам перекрывавших друг друга овальных каменных стен на Геметюбе I, существовала здесь на протяжении достаточно длительного времени.

На заключительном этапе функционирования Геметюбе I в развитии архитектуры и строительного дела происходят радикальные

перемены. Каменные постройки круглого плана сменяются глубокими землянками прямоугольной формы, вырытыми на глубину всей толщи культурного слоя поселения. Неожиданным является также появление нового строительного материала — сырцового кирпича, совершенно необычного для местной строительной традиции. Им обкладывались стенки землянок. Перекрытия подобных сооружений, возможно, опирались на деревянные столбы, устанавливавшиеся по углам, закрепив их в специальные ямы (рис. 10).

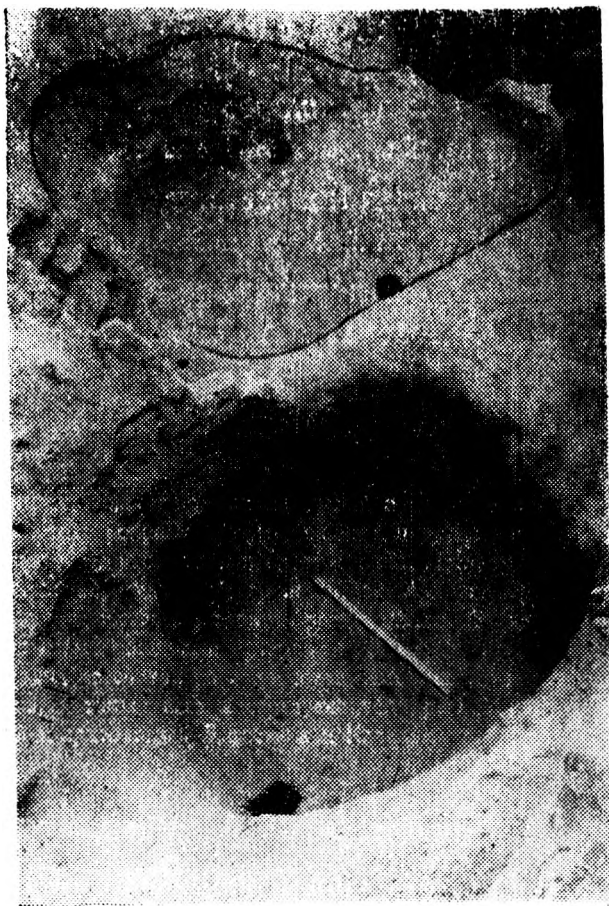

Рис. 10. Поселение Геметюбе I. Землянки

Эти сведения о развитии строительного дела и архитектуры в приморском Дагестане дополняют данные раскопок Великентского поселения, находящегося южнее каякентских, на окраине с. Великент в 25 км севернее Дербента. Здесь в бронзовом веке обживались 3 естественных холма (рис. 11). Исследованный нами центральный холм образовался на краю древнекаспийской тер-

расы в процессе водной эрозии. Он находится на берегу р. Кубу-Чай, имеет продолговатую форму, вытянутую по линии СЗ — ЮВ (длина 175, ширина 150 м, высота ок. 10 м). Здесь выявлены остатки домостроений и других бытовых сооружений, соответствующих 2-му и верхнему слою Геметюбе I. Для 2-го слоя характерными являются круглопланные землянки, вырытые в материковой глине. Выявлены 4 землянки, из которых полностью исследованы две. Диаметр землянки 4 м, глубина 3,5 м, стенки вертикальные.

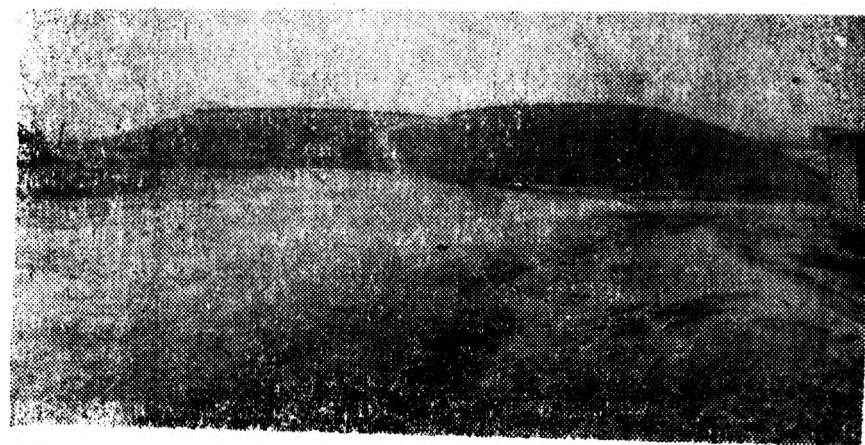

Рис. 11. Великентское поселение. Центральная холм

По краю пола землянки симметрично расположены четыре ямки, предназначавшиеся, по-видимому, для закрепления в них подпорных столбов, на которые опирались балки перекрытия. Вход в землянку, очевидно, находился на крыше, т. к. в их стенках проемы отсутствовали (рис. 12).

В верхнем горизонте Великента выявлены несколько необычные бытовые сооружения, непосредственно перекрывавшие землянки. Это многокамерный комплекс, состоящий из 3-х расположенных в один ряд квадратных помещений со смежными стенками. Стенки построены из сырцовых кирпичей, камня (речные голыши и зернотерки) и прутьев, обмазанных глиной. Причем несущие стены построены из камня и сырцовых кирпичей, смежные — из прутьев. Перекрытие также состояло из жердей, прутьев, обмазанных толстым слоем глины. Каждая из камер имела отдельный входной проем. Камеры были заполнены большим числом пережженных сосудов, стенки их также прокалены, исходя из чего предположительно они интерпретируются как гончарные печи. Однако совершенно не исключено, что мы в данном случае имеем дело с общим хранилищем (рис. 13). Важно отметить, что и здесь прослеживается в целом та же линия развития архитектуры, что и в Геметюбе I, от круглопланных сооружений к прямоугольным, правда, несколько своеобразно (глубокие землянки, ряды прямо-

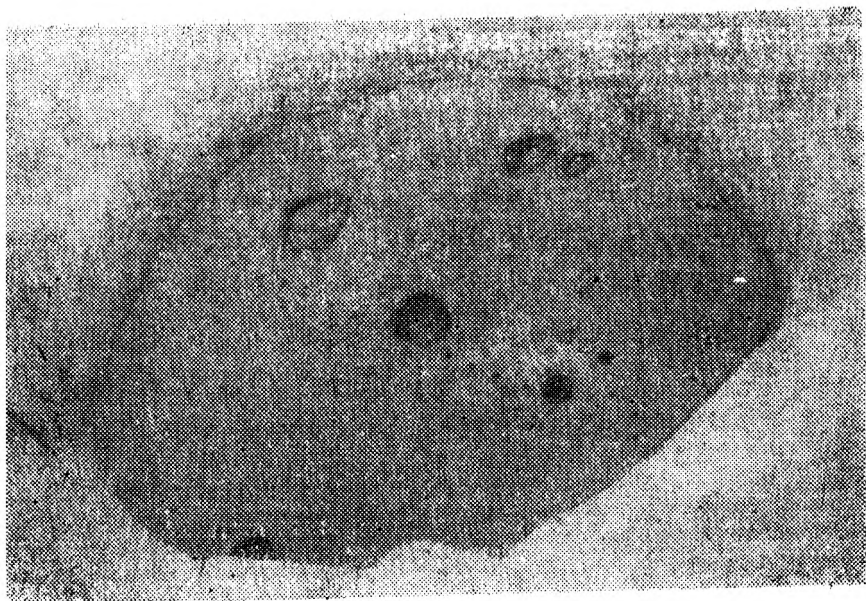

Рис. 12. Великентское поселение. Круглопланная землянка

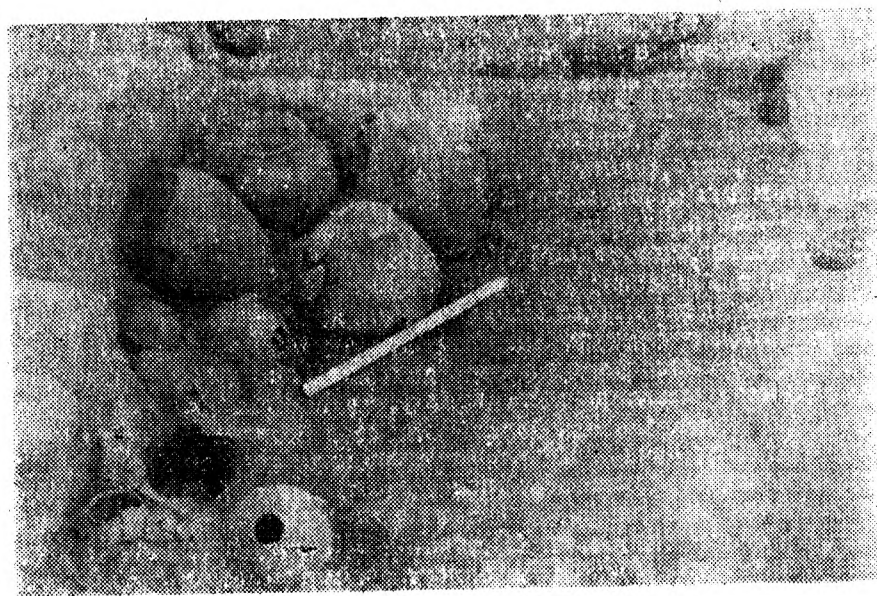

Рис. 13. Великентское поселение. Остатки прямоугольных построек

угольных построек и др.). Фиксируется также использование на позднем этапе развития строительного дела сырцового кирпича.

О планировке поселений приморского Дагестана ввиду ограниченности вскрытой на них площади (не более 100 м² на каждом поселении) у нас еще мало сведений. На раннем этапе развития домостроительства, судя по расположению центральных очагов в Геметюбе I в один ряд, здесь, как и в горном Дагестане, дома располагались рядами. Несколько скучены землянки в Великенте, но в верхнем слое постройки здесь располагались строго в ряд.

Таким образом, несмотря на отмеченные определенные локальные особенности, обусловленные характером естественно-географической среды, наличного строительного материала, поселения и жилища горной зоны Северо-Восточного Кавказа и Приморской низменности характеризуют в целом единую линию развития в регионе архитектуры и строительного дела.

Изложенный фактический материал свидетельствует о существовании на Северо-Востоке Кавказа в эпоху ранней бронзы достаточно развитой строительной традиции, выработанных принципов планировки как отдельных домостроений, так и поселения в целом. Основным элементом этой архитектуры являлось круглопланное жилое помещение с плоской крышей, опиравшейся на центральный столб, центральным углубленным в пол круглым очагом и лавкой, расположенной вдоль стены. К таким жилищам со стороны входа пристраивали небольшие передние овальных, угловатых или прямоугольных очертаний. В развитии этой архитектурной традиции поселения эпохи ранней бронзы занимают уже последнюю ступень. Предшествующую ступень характеризует поселение Гинчи, где, правда, круглопланные постройки сохранились хуже. Начало же этой традиции в горном Дагестане, как об этом свидетельствуют новейшие исследования Чохского поселения, где в верхнем слое было открыто круглопланное каменное жилище с центральным очагом и входным коридором, восходит к неолиту (VI тыс. до н. э.) (21, с. 97—100). Это говорит о существовании в горной зоне Северо-Восточного Кавказа еще в конце каменного века иного пути развития архитектуры и строительного дела, отличного от сырцовой круглопланно-купольной архитектуры шулавери-шомутепинской культуры Центрального и Восточного Закавказья или пещерных жилищ Западного Кавказа. Сказанное характеризует горную зону Северо-Восточного Кавказа как один из очагов сложения, длительного (на протяжении неолита, энеолита, начало бронзового века, VI—III тыс. до н. э.) и стабильного развития архитектуры круглопланных жилищ и строительной техники с широким использованием в качестве строительного материала камня. Эта традиция имела в Дагестане столь глубокие корни, что она проникла даже в такую традиционную и консервативную область культуры, каким является погребальный обряд (22, с. 25, 31). Развитие этой архитектурной традиции на Северо-Востоке Кавказа было прервано однажды и окончательно в конце эпохи ранней бронзы, когда на смену ей пришла новая

архитектурная традиция прямоугольных одиночных и в особенности смежных многоквартирных домов.* Начало смены архитектурной традиции фиксирует Сигитминское поселение, где в домостроительстве уже прямоугольного плана сохраняются некоторые черты древней традиции круглопланной архитектуры (закругленные углы комнат, сохранение еще однокомнатного дома с передней-двориком, центрального очага и др.), верхние горизонты построек Геметюбе I, Великента. Завершение процесса сложения новой архитектуры в горной зоне документирует Верхнегунибское поселение с его террасообразно расположенными горизонтальными рядами домов из прямоугольных смежных камер (2, с. 70—78). Смена архитектурной традиции, происходившая в Дагестане в конце эпохи ранней бронзы, отражает одну из сторон сложных этнокультурных процессов, происходивших на Северо-Восточном Кавказе на рубеже эпохи ранней и средней бронзы, завершившихся сложением новых археологических культур, несущих на себе яркие отпечатки иных культурных традиций.

Однако проблема этим не исчерпывается. Дело в том, что вопрос о взаимоотношении прямоугольных и круглоплановых жилищ далеко выходит за рамки первобытной археологии Северо-Восточного Кавказа. Он является по существу частью общей проблемы происхождения, развития, взаимоотношений двух архитектурных традиций в обширном кавказско-ближневосточном регионе (4, с. 344—371; 5, с. 143, 144, 194—196; 13, с. 303—340, 418—423). Круглопланная архитектура в принципе считается более примитивной по сравнению с прямоугольной и предшествует ей хронологически. Первые округлые в плане жилища возникли еще в палеолите и хорошо известны как в Азии и Африке, так и в Европе. В пределах Передней Азии они были распространены в самых различных эппалеолитических и финальнопалеолитических культурах от Восточного Средиземноморья до Месопотамии (кебарийская, натуфийская, зарзийская). Однако, когда полностью осуществился переход к производящему хозяйству, в особенности к земледелию, сложилась прочная оседлость, происходит кардинальный перелом и в домостроительстве, что было продиктовано, как считают, «потребностями создания сооружений больших размеров, объединяющих в себе комплексы жилых и хозяйственных помещений» (14, с. 9). Однако процесс перехода к новой архитектуре был весьма сложным и осуществлялся неодновременно, в разных регионах он имел свои особенности и отмечался неоднократными реминисценциями.

В период развития раннеземледельческих культур в Передней и Средней Азии А. И. Джавахишвили выделяет несколько крупных областей, отличающихся определенной строительно-архитектурной традицией (4, с. 276—371).

* В этой связи следует признать неточным прежнее представление о развитии древней жилой архитектуры Дагестана от прямоугольной к круглопланной и вновь к прямоугольной (2, с. 97—94; 3, с. 107—108).

От Средней Азии и Ирана до Малой Азии вплоть до конца VI тыс. до н. э. господствовала прямоугольная, преимущественно сырцовая архитектура. В Палестине в докерамическом неолите (Иерихон А) продолжалась местная мезолитическая натуфийская традиция круглопланной архитектуры, которая, однако, вскоре и здесь также сменилась прямоугольной*.

В Северном Месопотамии традиция прямоугольной сырцовой архитектуры, господствовавшая на раннеземледельческих поселениях в VII—V тыс. до н. э. (Телль Сотто, Умм Дабагия, Кюлли-тепе, Хассуна), в конце VI—V тыс. до н. э. была прервана круглопланной архитектурой халафской культуры (15; 5, с. 141—144, 194, 195), которая в какой-то степени в дальнейшем сосуществовала здесь в убейдское время с прямоугольной.

В Иране и на юге Средней Азии развитие единой архитектурной традиции прямоугольного плана было нарушено появлением круглоплановых домов дважды: в Средней Азии — в IV тыс. до н. э. под воздействием убейдской культуры, а в Северо-Западном Иране — в III тыс. до н. э. в результате распространения куро-аракской культуры, т. е. оба раза под воздействием внешних факторов (13, с. 418—423; 4, с. 352—353).

В Анатолии до эпохи ранней бронзы была известна архитектура только прямоугольного плана. Одной из важнейших областей, где от неолита до эпохи ранней бронзы господствовала архитектура прямоугольного плана, была и Сиро-Киликия. Только в период распространения халафской культуры в восточных областях Сиро-Киликии помимо прямоугольных появляются круглоплановые постройки, а в период Амука С (рубеж IV—III тыс. до н. э.) в Антиохии (пос. Джудейде) известно единственное круглопланное сырцовое сооружение, появление которого в среде прямоугольной архитектурной традиции предвосхищает сложение здесь кирбет-керамского археологического комплекса в результате распространения куро-аракской или восточно-анатолийской раннебронзовой культуры (4, с. 312—313, 353).

В Восточном Средиземноморье, как уже отмечалось, мезолитическая традиция круглопланной архитектуры в докерамическом неолите сменилась прямоугольной в результате воздействия, как полагают, анатолийской архитектуры. Однако в дальнейшем в период керамического неолита, халколита здесь порою наблюдается возвращение к старой традиции круглопланной архитектуры. Как отмечает А. И. Джавахишвили, эта устойчивость местной традиции, возрождавшейся при благоприятных условиях, способствовала появлению определенной реминисценции данной формы в III тыс. до н. э. в эпоху проникновения в Сирию и Палестину восточноанатолийских-южнокавказских элементов раннебронзовой культуры (4, с. 348).

* В протоземледельческих поселениях Северной Месопотамии и Иранского Курдистана (Малефаат, Гандж Дарех) также известны овальные землянки-жилища первых поселенцев, форма которых существенно не повлияла на последующее развитие здесь сырцовой архитектуры.

Особой областью развития раннеземледельческой культуры была также Юго-Восточная Европа. Здесь с VI до III тыс. до н. э. (Сескло, Старчево, Винча, Караново, культура линейно-ленточной керамики, Боян, Гумельница, Кукутепи-Триполье) в архитектуре господствовали прямоугольные дома, стены которых возводились главным образом из дерева, плетня, обмазанных глиной (16, с. 205—247).

Единственной областью в ареале раннеземледельческих культур Евразии, где с самого начала их возникновения, с VI до III тыс. до н. э., стабильно развивалась архитектура круглопланных жилых построек, было Центральное и Восточное Закавказье (4, с. 319). Круглопланный купольный дом из сырцового кирпича являлся единственным типом жилой архитектуры шомутепе-шулаверской культуры. В процессе сложения и развития куро-аракской культуры здесь, по мнению А. И. Джавахишвили, происходит смена строительной традиции и архитектуры, выразившаяся в центральной зоне Южного Кавказа (по верхнему и среднему течению р. Куры) сначала в появлении новых конструктивных и архитектурных элементов — плоской кровли и стен из плетня, обмазанных глиной, а затем — двухэлементного прямоугольного дома с передней — «портиком», а в южной (бассейн р. Аракса) — образовании смешанного архитектурного типа — круглопланного здания с прямоугольной пристройкой (4, с. 351).

Вопрос о связи между древней архитектурой Ближнего Востока и Кавказа стоит уже давно. Еще на заре изучения куро-аракской культуры Б. А. Куфтин сравнивал круглые дома этой культуры с халафскими толосами Арпачии (17, с. 114), с овальными жилищами Фессалии и высказал мысль об их связи с средиземноморским культурным миром (18, с. 28—29).

На более широком фоне рассматривал вопросы домостроительства куро-аракской культуры О. М. Джапаридзе. Отметив, что для нее, наряду с круглопланными, были характерны и прямоугольные дома, он поднимает вопрос об их взаимоотношении и в этой связи подчеркивает, что на ранней стадии круглопланные дома предшествовали прямоугольным или сосуществовали с ними, а в период развитой стадии ранней бронзы они уступили место прямоугольным (19, с. 256, 260).

Рассматривая проблемы куро-аракской культуры в связи со специальным исследованием древних поселений Северо-Восточного Кавказа, Р. М. Мунчаев подчеркивает, что для юго-западных районов распространения куро-аракской культуры, в отличие от восточных, где известны преимущественно круглые дома, характерны прямоугольные, что еще раз подтверждает факт существования у Южного Кавказа в период развития этой культуры тесных связей с Малой Азией и Средиземноморьем (1, с. 152).

Отмечая определенный параллелизм в архитектуре Кавказа и Средней Азии, связанный с распространением круглопланных домов, В. М. Массон указывает, что его можно было бы объяснить общим источником — убейдскими (восходящими к халафским)

влияниями на архитектуру столь отдаленных областей, если бы только не асинхронность убейдской и куро-аракской культур и тяготение последней не к месопотамско-иранскому, а малоазийскому культурному кругу. Поэтому он считает, что истоки круглых домов в куро-аракской культуре следует искать в Анатолии, если только эти дома не являются повторением предшествующих круглых в плане строений Закавказья (13, с. 423).

Открытие и широкое исследование в Закавказье в 60-х годах раннеземледельческой шомутепе-шулаверской культуры с его классической круглопланно-купольной сырцово-глинобитной архитектурой, предшествовавшей куро-аракской, значительно продвинули решение проблемы круглопланных домов и их взаимоотношений с прямоугольными в кавказско-ближневосточной археологии. Однако вопрос о древнейшем источнике круглопланных домов и взаимоотношении ранней круглопланной архитектуры Восточного Средиземноморья, Северной Месопотамии и Южного Кавказа окончательного решения еще не получил. К. Х. Кушнарера и Т. Н. Чубинишвили, исходя из того, что уже в древнейшем энеолитическом слое Кюль-Тебе у Нахичевани сосуществовали круглые и прямоугольные постройки, считают возможным говорить о заимствовании племени Южного Кавказа древних архитектурных традиций, складывавшихся «скорее всего под влиянием месопотамских центров, где в V—IV тыс. до н. э. встречаются одновременно круглые (Арпачия, Гавра) и прямоугольные (Хассуна, Гавра, Матар-ра) постройки» (20, с. 99).

Наиболее полно и специально исследовавший эти вопросы А. И. Джавахишвили, определив главные области строительно-архитектурной традиции Ближнего Востока, делает заключение, что в VI тыс. до н. э., когда здесь господствовала традиция прямоугольной архитектуры, на Южном Кавказе расцветает позднеэнеолитическая — энеолитическая шомутепе-шулаверская культура с присущей ей традицией круглопланно-купольной сырцовой архитектуры, прочно укоренившейся здесь в продолжение почти двух тысячелетий. Он подчеркивает, что ни в одной из раннеземледельческих культур Ближнего Востока круглопланно-купольная архитектура не имеет столь органически цельного характера, как на Южном Кавказе, где нет даже намека на знакомство с постройками прямоугольного плана. Поэтому он считает, что она имеет здесь глубоко местные корни и генетически не может быть увязана с какой-либо строительной традицией Передней Азии (4, с. 344—349). В период расцвета шомутепе-шулаверской культуры в архитектурной традиции Северной Месопотамии происходят резкие изменения, выразившиеся в неожиданном появлении и временном распространении здесь построек круглого плана халафской культуры и в этой связи ставится вопрос, не с Кавказом ли связано распространение в Северной Месопотамии в чуждой среде архитектурной традиции прямоугольного плана круглопланных купольных построек, так же, как их временное появление в дальнейшем (III тыс. до н. э.) в Северо-Западном Иране (Приурмийский

район) и Восточном Средиземноморье в периоды расцвета и территориальной экспансии куро-аракской культуры (4, с. 350, 352, 353). Однако, как указывают Р. М. Мунчаев и Н. Я. Мерперт, вопрос может стоять и иначе, а именно; круглопланная архитектура на энеолитических поселениях южнокавказского двуречья есть результат влияния строительной традиции Ближнего Востока, в частности халафской культуры, тем более что материалами архитектуры не исчерпываются возможности сопоставления древностей Южного Кавказа и Северной Месопотамии. В этой связи они указывают на наиболее показательную группу находок — керамику, свидетельствующую о влиянии халафской культуры на культуру энеолитического населения Закавказья (5, с. 195—196). Но может быть, как ставят вопрос Р. М. Мунчаев и Н. Я. Мерперт, «развитие и в Закавказье, и в Северной Месопотамии построек круглого плана связано со строительной архитектурной традицией какой-то третьей, неизвестной области» (5, с. 196), коей вполне могли быть в свете новых данных горные области Центрального и Восточного Кавказа.

Дальнейшая история архитектуры в Закавказье представляется более определенно. Появившиеся в Закавказье в конце IV — на рубеже IV—III тыс. до н. э. новые конструктивные и архитектурные элементы — плоская балочно-земляная кровля, опирающаяся на центральный столб, армированная деревянно-плетеным каркасом глиняная стена, а затем прямоугольное здания с «портиком» — привели к смене классической круглопланно-купольной архитектуры прямоугольной или прямоугольно-круглопланной, что, по мнению А. И. Джавахишвили, может быть связано с малоазийской традицией (4, с. 351, 364—371).

В свете сказанного строительное дело и архитектура поселений горного Дагестана предстают перед нами как весьма необычное явление. Будучи одним из центров кавказского очага круглопланной архитектуры, горный Дагестан характеризует ее своеобразное локальное развитие. С самого начала возникновения и становления архитектуры дома здесь, судя по неолитическому Чоху, представляли собой округлые постройки с центральным углубленным очагом, входным коридором и плоской крышей. Стены их возводились из необработанного камня, сложенного довольно искусно сухой кладкой. И в архитектурно-планировочном отношении, и по строительной технике они достаточно резко контрастируют с круглопланно-купольными ульеобразными сырцовыми домами шомутепе-шулаверской культуры, обнаруживают большее сходство с каменными домами протонеолитических поселений натуфийской культуры и докерамического неолита (Эйнан, Нахал-Орен, Иерихон А). Однако из-за большого территориального и хронологического разрыва эти параллели пока мало что дают для понимания генезиса архитектуры Северо-Восточного Кавказа, хотя их, очевидно, надо иметь в виду при решении вопросов о древних связях Кавказа и Ближнего Востока.

Истоки круглопланной архитектурной традиции и каменной

строительной техники поселений горного Дагестана эпохи ранней бронзы, как видно, восходит к этой местной неолитической архитектуре. Стабильно развиваясь на протяжении почти трех с половиной тысячелетий, она полностью определила облик древнейших поселений Северо-Восточного Кавказа и была сменена новой архитектурной формой лишь на рубеже эпохи ранней и средней бронзы. Причины смены традиций круглопланной архитектуры прямоугольной на Северо-Восточном Кавказе не совсем ясны. Быть может, в этом следует видеть отражение аналогичных процессов, происходивших на Южном Кавказе в период сложения куро-аракской культуры, когда, по мнению А. И. Джавахишвили, под воздействием малоазийского культурного мира круглопланно-купольная архитектура шулавери-шомутепинской культуры была сменена архитектурой прямоугольного плана.

Представляется вероятным, что появление на Северо-Восточном Кавказе новой архитектуры связано с Закавказьем, где архитектура прямоугольного плана господствовала в западном ареале куро-аракской культуры. В пользу этого говорит также появление в Приморском Дагестане одновременно с новой архитектурой нового строительного материала — сырцового кирпича, широко распространенного на юге, но совершенно чуждого для Северо-Восточного Кавказа, прилегающих к нему областей Северного Кавказа и Юго-Восточной Европы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мунчаев Р. М. Древнейшая культура Северо-Восточного Кавказа // МИА. М., 1960. № 100.
2. Котович В. М. Верхнегуньбское поселение. Махачкала, 1965.
3. Гаджиев М. Г. Из истории культуры Дагестана в эпоху бронзы. Махачкала, 1969.
4. Джавахишвили А. И. Строительное дело и архитектура поселений Южного Кавказа V—III тыс. до н. э. Тбилиси, 1974.
5. Мунчаев Р. М., Мерперт Н. Я. Раннеземледельческие поселения Северной Месопотамии. М., 1981.
6. Исаков М. И. Чиркатинские древности в Дагестане // СЛ. 1961. № 4.
7. Пиотровский Б. Б. Развитие скотоводства в древнейшем Закавказье // СЛ. 1955. Т. XXIII.
8. Гаджиев М. Г. Поселения горного Дагестана эпохи ранней бронзы // Древние и средневековые поселения Дагестана. Махачкала, 1983.
9. Котович В. Г., Котович В. М. Отчет о работе 1 горного отряда ДАЭ в 1958 г. // РФ ИИЯЛ. № 13.
10. Котович В. Г. Отчет о работе 2-го Чиркейского отряда ДАЭ // РФ ИИЯЛ. Д. 41. Л. 11—33.
11. Канивец В. И., Буров Г. М. Отчеты о полевых исследованиях в 1956, 1957 гг. // РФ ИИЯЛ. № 68, 69.
12. Канивец В. И. Дагестанская археологическая экспедиция 1956 г. // УЗ ИИЯЛ. Махачкала, 1957. Т. III.

13. Массон В. М. Средняя Азия и Древний Восток. М.; Л., 1964. С. 303—340, 418—423.

14. Лалин В. В. Об основной тенденции в развитии жилой архитектуры // Реконструкция древних общественных отношений по материалам жилищ и поселений. Л., 1974.

15. Бадер Н. О. Раннеземледельческое поселение Телль Сотто // СА. 1975. № 4.

16. Монгайт А. Л. Археология Западной Европы. М., 1973.

17. Куфтин Б. А. Урартский «колумбарий» у подошвы Арарата и куроаракский энеолит // Вестн. Гос. музея Грузии. Тбилиси, 1944. XIII — В.

18. Куфтин Б. А. Археологические раскопки 1947 г. в Цалкинском районе. Тбилиси, 1948.

19. Джапаридзе О. М. К истории грузинских племен на ранней стадии медно-бронзовой культуры. Тбилиси, 1961.

20. Кушнарева К. Х., Чубинишвили Т. Н. Древние культуры Южного Кавказа. Л., 1970.

21. Амирханов Х. А. Чохское поселение. М., 1987.

22. Гаджиев М. Г. Погребальные обряды раннеземледельческих племен Дагестана // Обряды и культы древнего и средневекового населения Дагестана. Махачкала, 1986. С. 29—37.

О. М. Давудов

ГАНЗИРСКОЕ ПОСЕЛЕНИЕ

На вершине горного отрога, опирающегося на западе в основание горной цепи «Гюннар»¹ и обрывающегося на востоке, юге и севере в крутые склоны, имеются остатки поселения (рис. 1). К западу от него в 100—150 м расположены развалины бывшего селения Ганзир Табасаранского района. На южном склоне и по краям платформы отрога встречаются скальные блоки правильных форм, возможно, сохранившиеся от укрепления поселения. Никаких других остатков оборонительных сооружений здесь найти нам не удалось, несмотря на то что были заложены траншеи на местах их возможного расположения. Нуждается в уточнении характер очертаний вала и рва, отмеченных ранее нами на западной пологой части платформы отрога (1, с. 104). Поверхность поселения продолжительное время использовалась под посевы. Микрорельеф изменился. Поэтому трудно установить очертания строительных остатков, в том числе фортификационных сооружений, на территории памятника. Само поселение расположено на труднодоступном месте и примыкает к крупному городищу Чичикар с мощной фортификационной системой. В окрестностях Ганзирского поселения расположены удобные для обработки пахотные земли и благоприятные летние и зимние пастбища. Лесистые склоны гор сами по себе представляют неисчерпаемую кормовую базу для скота. Поблизости от поселения в изобилии встречаются родники. Восточный и северный склоны горного отрога покрыты густой растительностью, кустарниками и деревьями. От подножия южного склона отрога начинаются обширные фруктовые сады. Благоприятны здесь и климатические условия.

Строительные остатки встречаются на поверхности самого отрога и на его южном и северном склонах.² Остатки гончарных печей, одновременных поселению, выявлены нами в 1,5 км к северо-западу от Ганзирского поселения, на западной окраине заброшенного селения, на краю террасы, используемой под пашню.

Вдоль ложбины, примыкающей к северному склону платформы, с востока на запад проходит колея древней дороги (рис. 1). Такая

¹ Гюннар, или Гуннар = Гуннуа, самоназвание табасаранцев (16, с. 43).

² Такие же по характеру и времени бытования памятники расположены на выступающих от горной системы мысах, в 5—6 км друг от друга, в урочищах Ахудуши, Ахумак вблизи сел. Ст. Экенди и Ст. Гюхрак.

же колея проходит севернее городища Чичикар. Она явно направляется в сторону Ганзирского поселения.

С целью уточнения характера памятника и его хронологии в центре Ганзирского поселения в 1977 году нами был заложен раскоп размером 18 кв. м (3×6 м), расширенный в 1979 году до 168 кв. м (12×14 м). Толщина культурного слоя здесь доходит до 0,85 м, а местами даже до 1 м и более. Он насыщен строительными остатками, обломками керамики и костей животных. Памятник однослойный. Вместе с тем некоторые строительные остатки перекрывают друг друга.

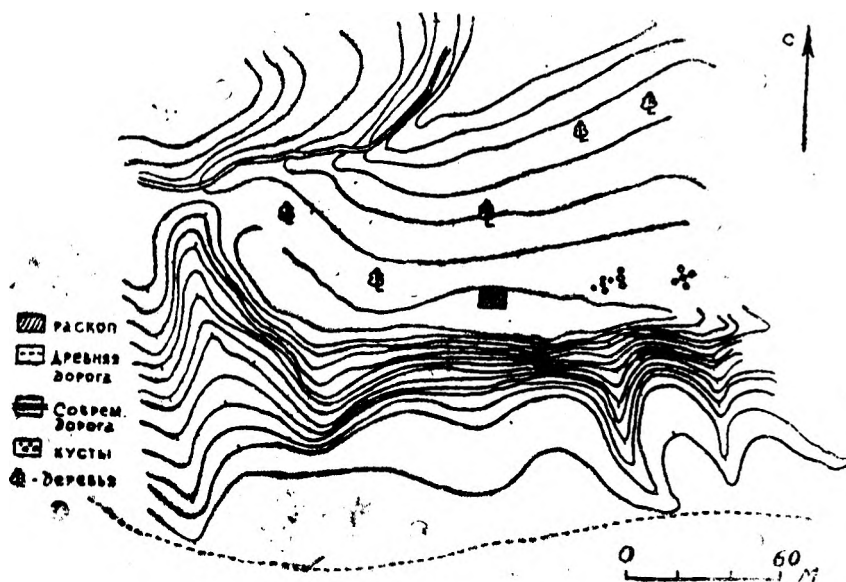

Рис. 1. План Ганзирского поселения

Здесь выявлен и изучен комплекс с жилыми и хозяйственными сооружениями. Он состоит из двух изолированных друг от друга, четырехугольных в плане жилых помещений, соединенных порогами с примыкающими к каждому из них дворами. Сам жилой комплекс-дом ориентирован стенами по сторонам света (рис. 2—5).

Южное помещение (№ 1) имело размеры 12,88 кв. м ($2,8 \times 4,6$ м). Позднее оно было разделено на две части турлучной перегородкой (рис. 2; 3). К этой перегородке с западной стороны примыкал очаг. У северной стены перегородка опиралась на основание стены из камня, где встречен пяточный камень для дверей. Возможно, здесь находился проход, связывающий оба отсека. Полы помещений в обоих отсеках глинобитные. В западном отсеке сохранилась вымостка части пола. У западной стенки выяв-

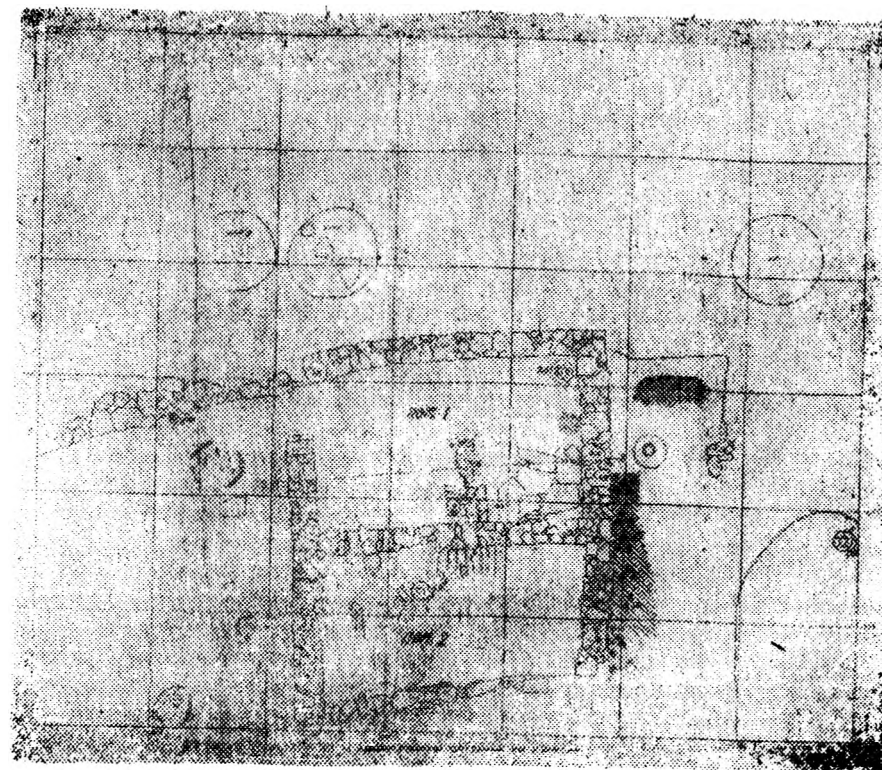

Рис. 2. План раскопа Ганзирского поселения

лены остатки второго очага в виде простой ямки с золой и рядом с ним в юго-западном углу — впущенный в землю узкогорлый серый лощеный горшок, перекрытый сверху небольшим камнем (рис. 6, 19). В восточном отсеке помещения очаг не встречен.

В заполнении этого помещения найдены камни, песчаниковые плиты от плоского перекрытия, угольки, один пяточный камень от порога, куски обмазки плетеньки, куски обмазки каменных стен со следами побелки, кости животных и обломки керамики. Наиболее выразительными были некоторые обломки кухонной, тарной и столовой посуды, в том числе и кувшины со сливными носиками.

В середине помещения № 1 выявлена яма № 6 с довольно плотно утрамбованным заполнением, содержащим угольки, обломки керамики и кости животных. Из большого количества обломков керамики наиболее выразительными были обломки серых лощеных горшков с шаровидными туловами, короткими шейками-перехватами и отогнутыми венчиками (тип на рис. 6, 12), таких же горшков, но с обмазанными туловами (тип на рис. 6, 14), тарных сосудов с цилиндрическими шейками и отогнутыми венчиками (тип на рис. 6, 16, 17). Один обломок столового сосуда был украшен разны-

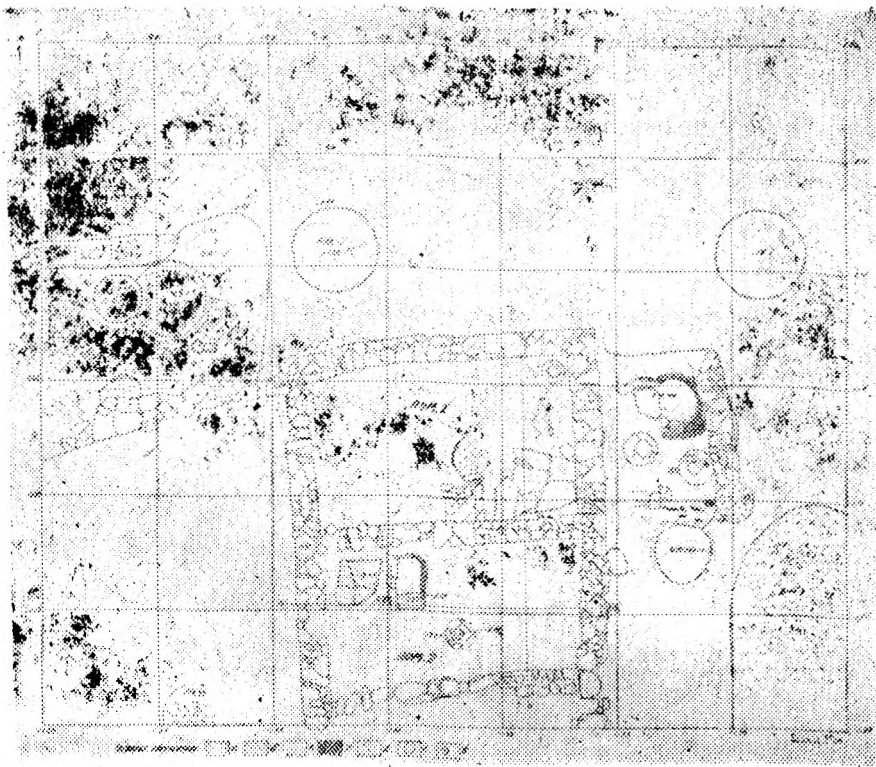

Рис. 3. План жилого комплекса после окончательной расчистки

ми широкими полосами. Среди основной массы серой керамики имеется пять обломков красного цвета, обломки днищ серых столовых и тарных сосудов, ручек сосудов, в том числе с тамгообразными знаками.

Само помещение № 1 связано порогом шириной 0,9 м с двором, расположенным восточнее (рис. 2). Значительная часть этого двора (кв. А — IV, Б — IV, Б — V) буквально усыпана тонкими песчаниковыми плитами: видимо, какая-то его часть была перекрыта плоской кровлей. Здесь найдены обломок керамического стержня со штрихованным овальным концом (рис. 7, 1), бусина, нижняя часть амфоровидного серого лощеного сосуда (рис. 6, 14а), серый лощеный кувшин (впущен в землю у южной ограды двора) со сливным носиком (рис. 7, 16) и большое количество обломков тарной, кухонной и столовой посуды. Здесь же найдено керамическое пряслице (рис. 7, 9) и обломок серой лощеной рифленной миски (рис. 6, 2). Среди керамики встречаются обломки бракованных пережженных сосудов.

В этом дворе перед порогом жилища № 1 выявлена колоколообразная мусорная яма (№ 7) глубиной 1,63 м, чуть юго-восточ-

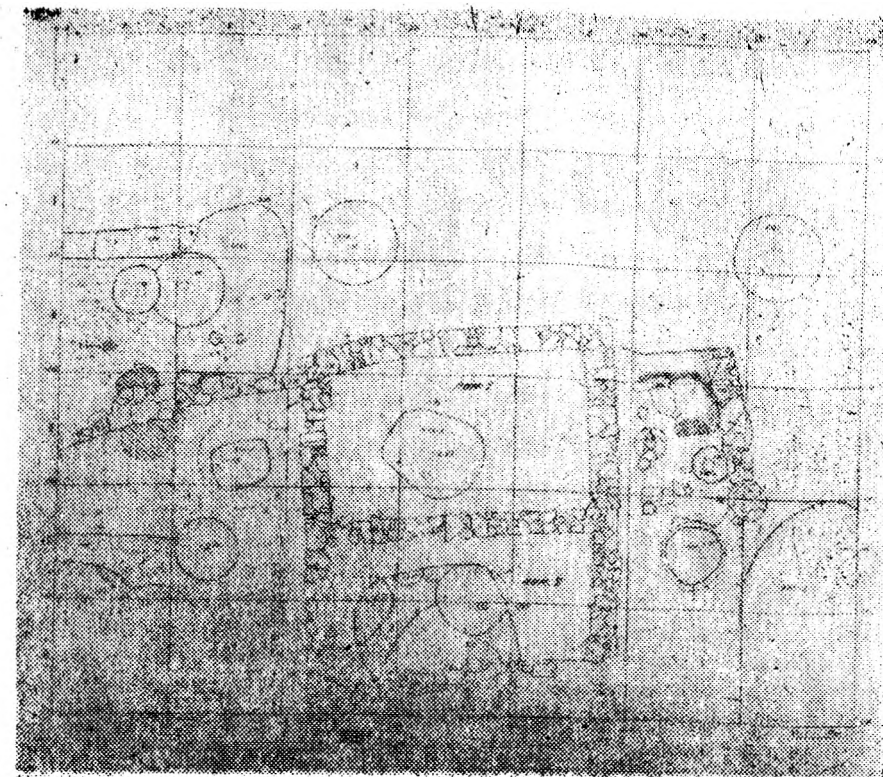

Рис. 4. План жилого комплекса с мусорными ямами

нее — другая яма (№ 3). На северном конце раскопа (кв. Б — VI) найдены остатки заброшенного тондыра, глубиной около 0,84 м, заполненного мусором и пережженной керамикой.

Среди керамики из ямы № 7 встречены обломки серых лощеных, изредка белых и розовых столовых и тарных сосудов, в том числе обломки бракованных, чаще пережженных сосудов в одном случае и просто высушенного, но не обожженного кувшина. Найдена и мергелевая бусина — разделитель (рис. 7, 2) и два миннаторных кувшина со сливными носиками (рис. 7, 10). В яме № 3, заполненной золой, встречены куски печной обмазки и большое количество обломков керамики и костей животных. Среди керамики наиболее выразительны некоторые обломки отдельных серых столовых лощеных, заглаженных тарных и кухонных сосудов (тип на рис. 6, 1, 4, 5, 8, 10, 14, 16, 17).

Северное помещение (№ 2), размером 4,6×2,24—2,60 м по своему характеру напоминает первое южное помещение. Оба они имеют близкий интерьер (рис. 2—5). Так, очаг северного помещения примыкал к южной стене в восточной половине комнаты. Он

Рис. 5. Фото жилых помещений №№ 1 и 2. Вид с юга

напоминает пристенный очаг с камнем в традиционных жилищах табасаранской народной архитектуры (2, с. 238). Под около этого очага вымощен песчаниковыми плитами (рис. 3). В центре помещения обнаружен крупный сосуд (рис. 3), и под ним — многократно перекопанная яма (№ 4), заполненная бытовым мусором, в том числе костями животных и фрагментами керамики (рис. 4; 5). У южной стенки расчищены остатки упавшей сверху печи и обожженной турлучной обмазки (рис. 2). Вход в это помещение не отмечен ни в одной из четырех стен. Возможно, он был оформлен сверху, через потолок, по приставной лестнице, как это принято до настоящего времени у табасаранцев. Возможно, оттуда же был доступ и к западному двору.

В заполнении этого помещения камней немного. Зато больше встречаются куски обмазки плетенки турлучной стены. Довольно много встречено и обломков керамики. Среди находок имеется обломок каменной вазы. Среди керамических находок ямы № 4 наиболее выразительны обломки обмазанных горшков с отогнутым венчиком и короткой шейкой-перехватом (тип на рис. 6, 14), жаровень-сковород (рис. 6, 11), крупных тарных сосудов с цилиндрическими или раструбовидными горлами (рис. 6, 16, 17 и тип на рис. 6, 16, 20), разнообразных кувшинов, в том числе со сливными носиками, с цилиндрическими раструбовидными горлами (рис. 7, 12, 13, 14, 17, 19), округлобких горшков (тип на рис. 6, 12), мисок с отогнутыми краями (рис. 6, 5, 6, 8, 1). Много найдено обломков

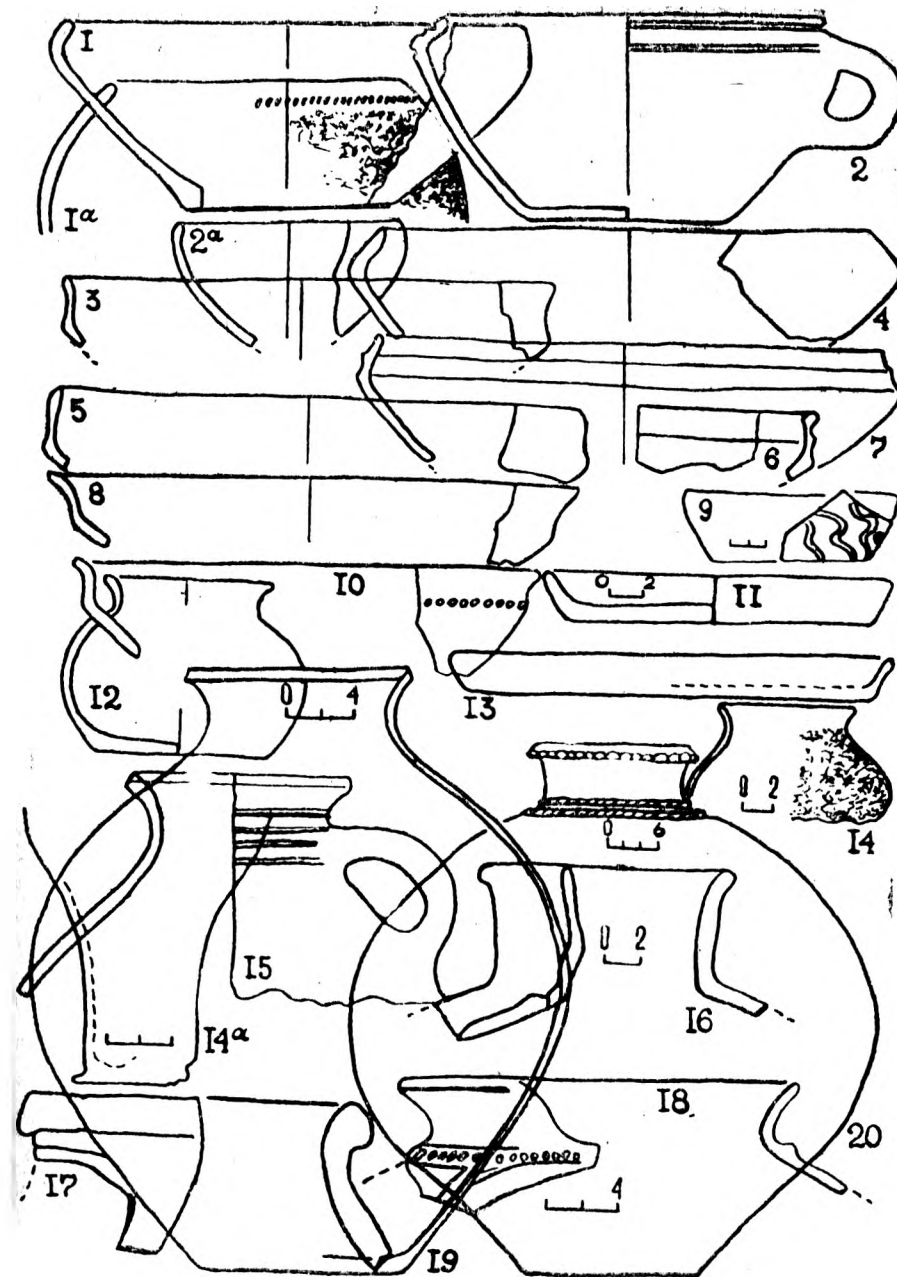

Рис. 6. Керамика из раскопа

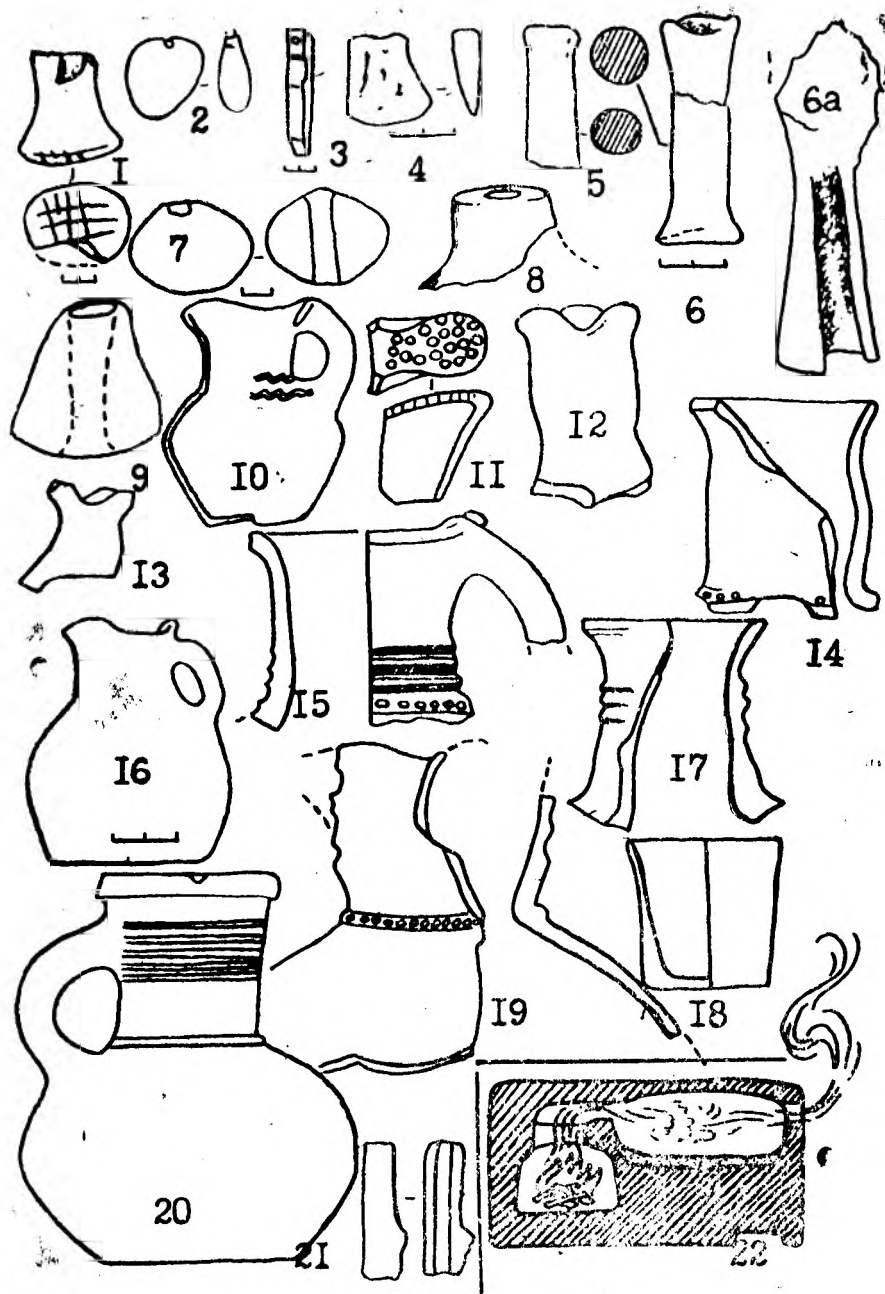

Рис. 7. Инвентарь из раскопа:

1, 4, 5, 6—21 — керамика; 2, 3 — камень; 6а — железо; 22 — реконструкция печи из западного двора.

разнообразных ручек сосудов. Среди находок, как и везде, много обломков бракованной, особенно пережженной керамики.

Западный дворик в отличие от восточного был намного меньше: около 2 м ширины и 5,5 м длины. Здесь к южной материковой стенке примыкала печь (рис. 7, 22), напоминающая традиционный для Табасарана «хар» (3, с. 34). С запада печь была ограждена каменной стеной, длиной 2,35 м. Около печи найден крупный серого цвета сосуд-хум со вздутым туловом и цилиндрическим горлом (рис. 6, 20). При дальнейшей чистке около печной территории найден и след от этого сосуда (рис. 4; 5).

К западной стене жилого комплекса примыкало небольшое глинобитное возвышение, длиной около 4 м, шириной до 0,6 м и толщиной 10—15 см. На нем были следы сильного огня. Это возвышение буквально было завалено фрагментированной серой керамикой. В основном она лощеная, но встречается и заглаженная. Последняя в основном тарная. Найдено и несколько обломков красной лощеной керамики. Возможно, красный цвет возник вследствие каления на свежем воздухе. Все они, как и собранные с территории дворика, не выразительны. Выразительные обломки происходят от округлобоких мисок с загнутыми внутрь краями (тип на рис. 6, 1, 2, 4); реберчатых с отогнутыми краями (тип на рис. 6, 10); рифленых (рис. 6, 6); сковород-жаровень (рис. 6, 13); разнообразных кувшинов с цилиндрическими горлами (тип на рис. 7, 14, 17) и со сливными носиками или ойнохоевидной формы (тип на рис. 7, 16, 19, 10, 12); горшков с лощеной (тип на рис. 6, 12) или обмазанной наружной поверхностью (тип на рис. 6, 14), а также от крупных тарных сосудов, близких в подавляющем большинстве случаев к сосуду, найденному около печи (рис. 6, 20). Среди обломков керамики имеется 28 ручек сосудов. В основном они круглые, петлевидные или ленточные. Одна ручка рифленая. На верху многих из них имеются тамгообразные знаки. Встречено довольно большое количество доньев сосудов со следами досок от гончарного круга и подсыпки (песка, соломы и золы). Интересна находка изображения животного с грубо моделированными головой и четырьмя последовательно расположенными ногами в виде заостренных к концам стержней (дл. 78 мм, диаметр тулова 14 см). Среди находок имеется и два точильных бруска из мергеля (38×108×19 мм; 55×10×25 мм).

В 1,6 м к северу от печи найдена колоколовидная яма, заполненная бытовым мусором, содержащим обломки костей и керамики. Над этой ямой найдены миниатюрный черный лощеный сосуд-мисочка с вертикальными краями и обломок черного лощеного сосуда. В самой яме встречены обломки разнообразных тарных сосудов, в том числе пережженных, бракованных. Вся остальная керамика представлена обломками серых и черных лощеных столовых, а также обмазанных и сглаженных кухонных сосудов. Среди находок выделяется черный лощеный кувшин с цилиндрическим горлом и воронкообразным устьем (рис. 7, 20).

После снятия глинобитного возвышения выяснилось, что перво-

начально печь была с севера ограждена стенкой таким образом, что образовался прямоугольный отсек в 4,5 кв. м. С этой стенкой, видимо, связаны отверстия от подпорок древнего проёма, выявленные на западном конце поперечной стены. Здесь же найдена и очажная яма, заполненная золой ($d=0,74$ м), а также древесными угольками. Под этим глиняным возвышением со следами огня и керамикой на уровне стены с поперечной стенкой найдены обломки лепного асимметричного горшка с короткой шейкой-перехватом, отогнутым венчиком и уплощенной сверху ручкой, соединяющей венчик с плечиками.

Стенки всего жилого комплекса на всех участках возведены по единой технике из малых и средних размеров колотых песчаниковых камней. Кладка двухрядная, регулярная с применением забутовки. Глиняного скрепляющего раствора, видимо, не применяли. Толщина стен достигает 45—50 см. В высоту они сохранились до 1 м и выше. Внутри жилищ завал был небольшим. Выше уровня стен он не встречен. Не исключено, что часть камней выбрана при обработке площади поселения под пашню. Вместе с тем мало камней найдено в помещении № 2. Зато много встречено обломков турлучной обмазки. Видимо, здесь в системе стен жилого комплекса широко применялись турлучные перегородки.

Южная стена, общая для двора и помещения № 1, впереплет связана с западной стенкой. Однако с западной и южной стенками помещения № 2 она соединена впритык. Южная стена помещения № 2 (или северная стена помещения № 1) связана с восточной стеной обоих помещений впереплет. Вместе с тем у нас нет основания для выводов о разновременности сооружения обоих помещений. Более того, северное помещение, видимо, было двухэтажное. Об этом свидетельствует упавшая сверху печь в помещении № 2 и отсутствие прохода в это помещение, а также в западный дворик.

На восточном конце раскопа южная стена всего жилого комплекса перекрывает мусорную яму, связанную с подпрямоугольным углублённым на 0,39 м в материк сооружением, расположенным южнее (кв. А — II, III, IV; Б — II, III). У северо-западной стенки этого сооружения выявлены отверстия от подпорных стоек турлучной стены. Из-под восточной стенки раскопа выступает многократно прокаленное красное пятно, видимо, очага. Это было жилое сооружение, стратиграфически расположенное ниже вышеописанного жилого комплекса. В нём найдены обломки костей и керамики (тарной, столовой и кухонной), а также ладьевидные зернотёрки и тёрочки. С этим легким турлучным жильем связаны выявленные здесь же круглые, перекрывающие друг друга мусорные ямы №№ 2а и 2б, глубиной 0,54 и 1,07 м соответственно. Эти ямы были заполнены золой, содержащей бытовые отходы, в том числе кости животных и обломки керамики. Наиболее выразительными из находок были встреченные в жилище и ямах обломки железного клиновидного топора (рис. 7, 4), обломки обмазанного сосуда со вздутым туловом и загнутым и внутрь краями,

украшенными по основанию поясом из косых насечек (рис. 6, 2а); обломок обмазанного шаровидного горшка с отогнутым венчиком и короткой шейкой-перехватом (тип на рис. 6, 14); одноручный баночный сосуд с обмазанной наружной поверхностью и поясом из косых насечек по основанию шейки; обломок черного лощеного горшка со вздутым туловом, отогнутым венчиком и короткой шейкой-перехватом (украшенной четырьмя горизонтальными, параллельными друг другу резными поясами), соединенными ручкой с покатыми плечиками, и обломок такого же сосуда, но ручки (тип на рис. 6, 14), а также черный лощеный сосуд, напоминающий современный стакан (высота 9 см, диаметр венчика 9,8 см — рис. 7, 18); усеченно-коническое пряслице и кремневый вкладыш составного серпа.

Все эти находки могут быть отнесены к одному времени. Они древнее находок, связанных с остатками каменного домостроения, но не выходят за рамки албанского времени.

Таким образом, перед нами остатки двух разновременных жилых сооружений. Причем более позднее каменное строение перекрывает более древнее турлучное.

Древнее сооружение представляет собой слегка опущенное в материк турлучное легкое строение, для интерьера которого характерны очаг и мусорные ямы. Аналогичные сооружения встречались в Дагестане с глубокой древности. В частности, такое же сооружение найдено на Шахсенгерском поселении предскифского времени (4, с. 129—130). Видимо, это домостроение в течение длительного времени функционировало на плоскостном и предгорном Дагестане.

Из находок, связанных с архаичным ганзирским комплексом, наиболее хорошо датируется одноручный обмазанный сосуд. Аналогичные сосуды встречены в Сиртичском склепе вместе с серой лощеной керамикой и стеклянными бусами-разделителями III—I вв. до н. э. (5, с. 56—57, рис. 6). Такие же одноручные обмазанные баночные сосуды найдены и в погребальных комплексах III—I вв. до н. э. могильника Балансу на границе Дагестана и Чечни (6, с. 162—164, рис. 13, 10; 19а). Возможно, к этому же времени относится и наш сосуд. Обмазанные горшки с отогнутыми венчиками имеют более широкий хронологический диапазон бытования и встречаются в начале I тысячелетия н. э. и в I тысячелетии до н. э. Архаичными являются вкладыши от составных серпов, массивное каменное пряслице и стакановидный черный лощеный сосуд.

Вместе с тем с архаичным комплексом связаны сосуды, обломки которых встречаются в помещениях более позднего времени, в частности в пределах каменного сооружения. Это говорит о том, что они хронологически не далеки друг от друга.

Позднее строение, как уже отмечалось, — наземный каменный дом, в строительство которого включены турлучные конструкции. К нему с запада и востока примыкают огражденные дворики с печью и тондырём. Внутри помещений встречены очаги, в том

числе каминного типа. Полы глинобитные, часто вымощенные около очагов. Аналогичного типа дома характерны и для одновременного Сиртичского поселения, расположенного в 12 км к востоку, в предгорном Табасаране (7, с. 100). Все вышеперечисленные конструктивные элементы встречаются и в традиционных для табасаранской архитектуры двухэтажных домах с каминами в жилых помещениях и тондырями или печами «хар» в огражденных дворах (8, с. 238—242). Вместе с тем наш комплекс и прежде всего широко примененные здесь мусорные ямы, побеленные стены и частично вымощенные у очагов глинобитные полы напоминают сведения, относящиеся и к табасаранцам XIX в., А. А. Бестужева-Марлинского о том, что «дагестанские крестьяне живут очень опрятно» (9, с. 373). Это характеризует высокий уровень культуры населения, оставившего Ганзирское поселение.

С поздним комплексом связаны разнообразные орудия труда, а также керамические изделия, характеризующие этнокультурный облик поселения и занятия населения.

Орудия труда представлены зернотерками, точильными брусками из мергеля, керамическими пряслицами разных размеров и форм, а также керамическими стержнями. Оружие почти не встречается. Исключение составляет обломок железного втульчатого копья, найденный в мусорной яме № 4, в помещении № 2 (рис. 7, 6а). Зато в изобилии найдены керамические изделия. Они представлены кухонными, столовыми и тарными сосудами. Весь набор керамического инвентаря встречается на сопредельных памятниках Дагестана, в частности в нижних слоях Андреяульского городища, Урцекского и Таргунского комплексов, Шаракунского, Дербентского и Мамрашского могильников и др. (10, с. 107, 108, 112, 113, 115; рис. 3, 2, 3, 8, 11, 12; 4, 1—10; 6, 8, 9, 14—21), особенно на Сиртичском поселении и Чичикарском городище. Наибольший интерес среди нашей столовой керамики представляют кувшины с воронкообразными устьями цилиндрических горловин. У нас они представлены двумя разновидностями. Характерные для них орнаментальные элементы встречаются и на ойнохоевидных кувшинах, что свидетельствует о местном производстве всех кувшинов. Об этом же говорят обломки бракованных изделий. Подобные сосуды появляются на памятниках Северного Кавказа в I в. н. э. и продолжают бытовать здесь во II—III вв. н. э. (13, с. 47). Встречаются они и на сарматских памятниках Нижнего Поволжья этого времени. Здесь они рассматриваются в качестве северокавказского импорта. Теперь мы можем уточнить, что одним из центров их производства был южнодагестанский.

Другие находки, связанные с этим жилым комплексом, не противоречат указанной дате. Само жилище, видимо, функционировало недолго, максимум 50 лет в пределах I—II вв. Однако у нас нет материалов, позволяющих уточнить дату этого комплекса.

Среди находок каменного жилища имеются материалы, свидетельствующие о занятии земледелием и скотоводством (зернотерки, вкладыши серпов, кости крупных и мелких рогатых животных).

Но они не были основными для жильцов данного жилища. Здесь доминируют находки, связанные с керамическим производством. Среди большого количества обломков керамических сосудов встречаются обломки бракованных, часто пережженных сосудов. В одной из мусорных ям, расположенных в восточном дворе (№ 7), встречены даже обломки высушенного, но необожженного кувшина. Юго-восточная часть восточного двора занята чистой глиной, возможно, заготовленной для производственных целей. На сосудах в большом количестве встречаются тамгообразные знаки (34 разновидности), оставленные различными мастерами. Все это свидетельствует о том, что двор составлял часть гончарной мастерской, обжигательные печи которой находились здесь же поблизости, а также о том, что основным занятием жителей данного дома было керамическое производство. Причем по уровню своего исполнения оно вышло за пределы домашнего производства и достигло этапа ремесленной специализации. Об этом свидетельствует то, что основная масса сосудов произведена на круге. Сами сосуды характеризуются стандартными формами. Керамика произведена с расчетом на внешний, порою довольно удаленный от производственного очага рынок. Сосуды с технологическими и типологическими признаками ганзирского типа встречаются на территории Северного Кавказа и Нижнего Поволжья. Встречаются такие сосуды в Подонье.

Сам жилой комплекс рассчитан на две — три семейные ячейки, связанные между собой кровными узами. Напомню, что первоначально южное помещение представляло собой одну камеру с одним очагом. Позже оно было разделено на два отсека. Причем очаг найден только в одном отсеке. Видимо, каждый из отсеков выполнял свои функции. Северное помещение имело один очаг. Оно не связано ни с одним из рядом расположенных жилищ или двориком. Здесь найдена печь, упавшая с верхнего этажа. Видимо, проход в жилище был сверху. Если так, то здесь мы имеем два связанных между собой помещения с очагом в каждом. С учетом жилища на верхнем этаже в пределах жилого комплекса мы имеем три помещения, каждый со своим очагом, рассчитанные на семью отца и двух его женатых сыновей.

О. Г. Большаков подсчитал число жителей среднеазнатских городов, опираясь на цифру 4—5 человек, составлявших ядро семьи (14, с. 265—268). Применительно к нашим условиям это составит 12—15 ($4-5 \times 3$) человек. Приблизительно такое количество людей мог поместить и наш жилой комплекс. Какие-то подсчеты о количестве работников — гончаров в доме мы можем произвести и по тамгообразным знакам. Их, как уже выше говорилось, всего 34 разновидности. Если предположить, что дом мастеров функционировал приблизительно 50 лет и что каждый знак оставлен одним мастером, а один мастер с средней продолжительностью жизни в 40 лет мог проработать от 15 до 40 лет, то получается, что мастерская за 50 лет проработала (25×34) 850 человеко-лет. За это время здесь сменилось ($50:25=1,8$) два поколения

мастеров. Причем одновременно могли проработать (26:2=13) тринадцать мастеров. То же самое получается при вычислении другим способом: 650 ч.-л.: 50 л.=13 ч. (мастеров). Эти расчеты отражают лишь приближенную к действительности картину. Наши материалы интересны тем, что они свидетельствуют о занятии керамическим производством целого семейства, что предполагает переход керамического дела по наследству. Мастерская такого типа могла быть при существовании института мастеров, подмастерьев и учеников. Очевидно, такая семейно-производственная ячейка была связана с другими такими же родственными ячейками и вместе с несколькими такими же формированиями составляла ремесленную корпорацию, призванную защищать интересы производства, регулировать его процессом, а также потреблением и сбытом товаров. Именно такая организация ремесленного производства воссоздана М. М. Маммаевым по материалам Урцекского городища и могильника албано-сарматского и раннесредневекового времени (15, с. 17).

ЛИТЕРАТУРА

1. Давудов О. М. Раскопки в Табасаране // АО — 1979. М., 1980. С. 104—105.
2. Хан-Магомедов С. О. Дербент. Горная стена. Аул Табасарана. М.: Искусство, 1979.
3. Хан-Магомедов С. О. Лезгинское народное зодчество. М.: Наука, 1969.
4. Давудов О. М., Абакаров А. И. Новые исследования Шахсенгерского городища // Всесоюз. археол. конф. «Достижения советской археологии в XI пятилетке». Тез. докл. Баку, 1985. С. 128—130.
5. Давудов О. М. Погребальный обряд населения Южного Дагестана в албанское время: (III в. до н. э. — III в. н. э.) // Обряды и культы древнего и средневекового населения Дагестана. Махачкала, 1986. С. 49—70.
6. Виноградов В. Б., Марковин В. И. Могильник «Яман-су» на границе Чечни и Дагестана // АЭС / ЧИНИИ ИЯЛ. Грозный, 1968. Т. II. С. 153—205.
7. Давудов О. М. Новые работы в Табасаране // АО — 1980. М., 1981. С. 100.
8. Хан-Магомедов С. О. Дербент . . .
9. Бестужев-Марлинский А. А. Соч., М., 1958. Т. II.
10. Гмыря Л. Б. Столовая керамика Андрейаульского городища // Средневековые древности евразийских степей. М.: Наука, 1980. С. 105—114.
11. Кудрявцев А. А. Дербентский могильник // Древние культуры Северо-Восточного Кавказа. Махачкала, 1985. С. 125—146.
12. Давудов О. М. Погребальный обряд населения Южного Дагестана . . .
13. Мошкова М. Г. К вопросу о месте производства некоторых групп сарматской лощеной керамики // КСИИ. М., 1980. Вып. . . С. 45—52.
14. Большаков О. Г. Город в конце VIII — начале XIII в. // Средневековый город Средней Азии. Л.: Наука, 1973.
15. Маммаев М. М. Ремесло Дагестана албано-сарматского и раннесредневекового времени. (По материалам Урцекского городища ДАЭ в 1960—1964 гг.). Автореф. дис. . . канд. ист. наук. М., 1970. 20 с.
16. Услар П. К. Этнография Кавказа: Языкознание. VII. Табасаранский язык. Тбилиси: Мецниереба, 1979.

М. С. Гаджиев

ИССЛЕДОВАНИЯ СЫРЦОВОЙ ФОРТИФИКАЦИИ ЦИТАДЕЛИ ДЕРБЕНТА САСАНИДСКОГО ВРЕМЕНИ

(по материалам раскопок Р-ХI и Р-ХIII)

Первые сырцовые оборонительные сооружения цитадели Дербента были выявлены в 1973 г. при исследованиях на раскопе Р-II (1, с. 115; 2, с. 249—250). Остатки их были обнаружены на восточном краю вершины холма у внутренней грани каменной стены цитадели VI в. Эта оборонительная стена была сложена из квадратного кирпича размером 39—44×39—44×9—13 см, реже 37×37×9—10 см, имела толщину не менее 4,5—5 м и сохранилась в высоту на 1—1,5 м. Исследовавший ее А. А. Кудрявцев связал ее возникновение, как и сырцовой стены, перекрывавшей Дербентский проход, с сасанидской строительной деятельностью на Восточном Кавказе в период правления шаханшаха Пездигерда II (439—457 гг.).

Исследованиями последних лет в цитадели Дербента—Нарынкале получены новые материалы о сырцовой фортификации города раннесредневекового времени (3, с. 99; 4, с. 7; 5, с. 132), предшествовавшей ставшим всемирно известными каменным укреплениям. Остатки сырцово-глинобитных оборонительных сооружений цитадели были выявлены и исследованы у восточной (раскоп Р-ХI) и южной (раскоп Р-ХIII) стены цитадели (рис. 1).

Раскоп Р-ХI размерами 10×11 м был заложен в развалинах северной части восточного архитектурного комплекса позднесредневекового дворца правителя Дербента Фатх-Али-хана и почти вплотную примыкал к внутренней грани восточной стены цитадели Нарын-кала (рис. 1). В результате проведенных исследований здесь было выявлено семь архитектурных комплексов, относящихся к V—XVIII вв. Из них седьмой комплекс представляет собой остатки бытовой и оборонительной сырцово-глинобитной архитектуры Дербента V—нач. VI вв., стратиграфически связанные с нижней частью пятого, шестым и седьмым культурными слоями раскопа Р-ХI. Они перекрывали значительные напластования албанского времени и эпохи раннего железа (слои 8 и 9), достигающие здесь толщины 1,7—2,1 м и включающие остатки архитектурных, в том числе фортификационных, и хозяйственно-бытовых сооружений (рис. 1, 2).

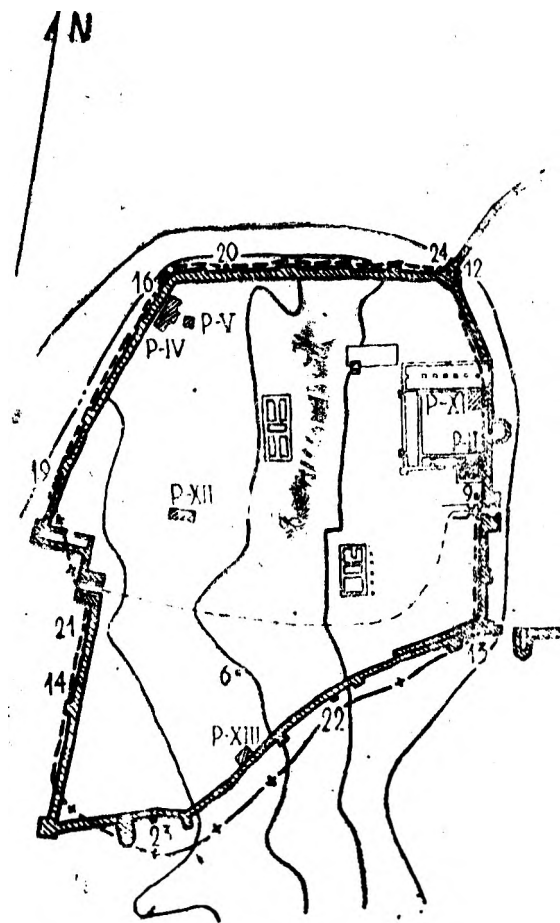

Рис. 1. План цитадели Дербента Нарин-кала

Пятый слой представлял собой плотную желтовато-коричневую глинобитную массу значительной мощности: толщина его в западной части раскопа достигает 1,3—1,6 м, в центральной — 1,6—2,9 м и в восточной — 1,0—1,8 м. Слой имеет сильный уклон к востоку — перепад высоты доходит до 1 м (нижняя отметка слоя в восточной части раскопа — 6,4—6,5 м, в западной — 5,4—6,2 м). Сильное понижение уровня слоя к востоку связано с микрорельефом места — у восточного края вершины холма, который круто обрывается здесь. Это приводило к постепенному сползанию культурных напластований и остатков, существовавших здесь до каменных (VI в.) сырцовых укреплений вниз по склону холма. Появление каменной фортификации VI в. вдоль всего края вер-

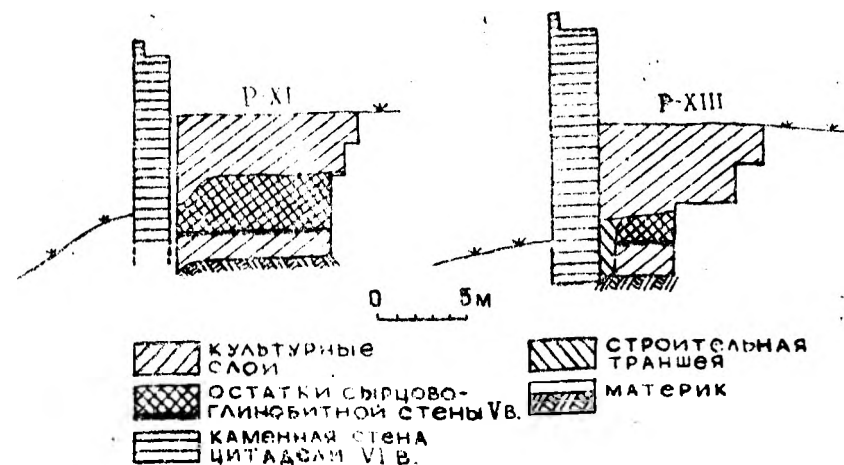

Рис. 2. Разрез оборонительных стен цитадели Дербента по линии раскопов P-XI и P-XIII

шины холма, служившей одновременно своеобразной подпорной стеной для всей огражденной части его территории, оказало влияние на конфигурацию слоя.

Структурно пятый слой не однороден. В верхней части он более мягкий, имеет светлый оттенок, более насыщен культурными остатками (немногочисленными фрагментами керамики, угольками, кусочками извести) и носит переотложенный характер. В настоящее время однозначно определить причину возникновения и интерпретацию верхней части слоя 5 не удастся. Дальнейшие исследования в этой части цитадели определят, представляет ли он остатки оплывших сырцовых сооружений и документирует второй этап сырцового оборонительного строительства или его возникновение связано с нивелировкой древней дневной поверхности, обусловленной возведением нового архитектурного комплекса (выше лежащие пятый и шестой комплексы).

В основании верхней части слоя 5 почти по всей поверхности раскопа выявлены три глинобитных пола, с которыми связаны немногочисленные строительные остатки, детали и хозяйственно-бытовые конструкции (развал печи, очаги, зольники, выкладки из обработанного и бутового камня, сырцовых кирпичей, остатки сырцовой кладки на каменном цоколе). Полы имеют толщину 5—10 см с наружной алебастровой обмазкой толщиной 0,2—0,3 см. На отдельных участках полы близко подходят друг к другу и культурная прослойка между ними отсутствует. Это исключает вероятность длительного перерыва в обживании комплекса, связанного с этими полами, и объясняет появление выше лежащих полов (1 и 2) строительно-ремонтными и нивелировочными работами. Все три выяв-

ленных пола принадлежали одному архитектурному комплексу и хронологически близки друг к другу.

На уровне полов найдены немногочисленные, но выразительные фрагменты керамических изделий и другие находки, определяющие вместе с стратиграфической ситуацией полов их датировку и период функционирования. Среди фрагментов керамики, происходящих с уровня пола 1 (верхний) и связанных с ним развала печи и выкладки из сырцовых кирпичей, отметим крупные фрагменты верхней части красноглиняного кругового кувшина с эпохоевидной горловиной (рис. 3, 10), горловины коричневоглиняного белоангобированного тарного сосуда (рис. 3, 9), венчиков сероглиняного

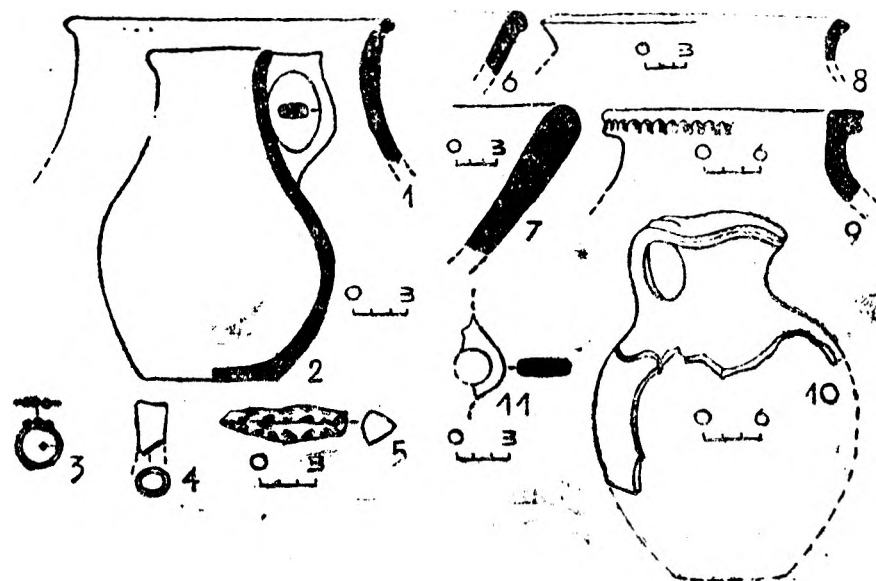

Рис. 3. Цитадель Дербента. Раскоп XI. Находки с уровней полов (пол 1—6—10; пол 2—11; пол 3—1—5).

1, 2, 6—11 — керамика; 3 — бронза; 4 — стекло; 5 — кремнь

горшка (рис. 3, 8), красноглиняных белоангобированных широкоустных мисок типа среднеазиатских тагара (рис. 3, 6, 7), а также несколько фрагментов тарной штриховой керамики и столовой красноангобированной посуды. На уровне пола 2 были найдены ленточная ручка красноангобированного сосуда (рис. 3, 11), стенка тулова красноглиняного кругового кувшина с линейно-волнистым врезным орнаментом, части донцев красноглиняного белоангобированного сосуда, коричневоглиняного тарного сосуда со сплошной штриховкой тулова. Из керамики, собранной с уровня пола 3 (нижний), выделим, прежде всего, реставрированный коричневоглиняный со следами лощения кувшин с округлым туловом, кону-

совидной горловиной и ленточной ручкой с верхней горизонтальной площадкой (рис. 3, 2). Другие выразительные находки керамики с пола 3 представлены фрагментами горловины кувшина, покрытого темно-коричневым ангобом (рис. 3, 1), с такого же цвета ангобом стенки кувшина, стенок красноглиняного кувшина, орнаментированного каннелюрами, тарного штрихованного сосуда, донцев белоангобированного, красноангобированного и красноглиняного сосудов. Отсюда же происходят кремневый отбойник (рис. 3, 5), бронзовое кольцо с тремя припаянными многогранниками (рис. 3, 3) и венчик узко- и высокогорлого стеклянного сосуда, вероятно, бальзамария (рис. 3, 4).

Комплекс керамики, найденной на уровне полов 1—3, типичен для гончарных изделий Дербента сасанидского времени (6, с. 45, 65, 66; 7). Причем здесь сочетаются признаки, характерные для керамики позднеасанидского (VI—VII вв.) и раннеасанидского (III—V вв.) периодов бытования Дербента: вместе с красноангобированной посудой, красноглиняной каннелюрованной керамикой, типичной для раннеасанидского или переходного (от албанского к раннесредневековому времени) слоя Дербента, встречаются высококачественная красноглиняная и показательная белоангобированная керамика, обычные для слоев Дербента позднеасанидского времени (VI—VII вв.) Эти материалы позволяют датировать период функционирования выявленных полов и комплекса, связанного с ними, V—VI вв., точнее (учитывая их стратиграфическое положение и период функционирования сырцовых оборонительных сооружений цитадели, на остатках которых данный комплекс был возведен — о них ниже) — концом V—VI вв. На такую датировку могут указывать и стратиграфически связанные с полами остатки кладок и отдельные находки квадратных сырцовых кирпичей размерами 42—44×42—44×10—12 см, иногда меньшего формата 35—41×38—41×9—10 см и половины стандартного кирпича — 19—20×40—42×10—11 см.

Выявленные глинобитные полы перекрывали довольно значительный (толщиной до 1,4 м) плотный, коричнево-желтоватый слой глинобита и кладок из сырцовых кирпичей. Структурно сырцовые кирпичи не отличаются от глинобитной массы, но выделяются более темным или более светлым цветом и геометрически правильными формами (соответствующими стандартным размерам кирпичей) на общем фоне.

Кладка из сырцовых кирпичей размерами 39—44×39—44×9—12 см была выявлена в толще глинобита в северо-восточной части раскопа. Она имела высоту ок. 0,8 м (семь рядов кирпичей) и длину до 1,5 м. Кирпичи были уложены цепным способом непосредственно друг на друга или с небольшой прослойкой-швом толщиной 1—1,5 см из той же глинобитной массы. Связующий раствор заполнял как вертикальные, так и горизонтальные швы. Выявленная на этом участке кладка имеет отметки: верхнюю — 5,35 м, нижнюю — 6,1 м. Разница верхних отметок сырцовой кладки и лежащего над ней пола 3 составляет 0,2—0,25 м.

В юго-восточной части раскопа была расчищена кладка из сырцовых кирпичей, по многим параметрам аналогичная вышеописанной. Она была сложена из кирпичей таких же размеров на высоту в семь рядов, но имела несколько большую длину (ок. 2 м). Кладка имела то же стратиграфическое положение, те же конструктивные особенности и аналогичное направление, т. е. они были строго параллельны друг другу.

Наиболее значительные остатки стены из сырцовых кирпичей были выявлены в восточной части раскопа Р-ХІ. Здесь кладка прослежена почти вплотную к восточной стенке раскопа (грань сырцовой стены и стенки раскопа почти совпадают) и имеет с ней одинаковое направление, т. е. сырцовая кладка параллельна восточной стороне раскопа и каменной стене цитадели VI в. Сырцовая стена сохранилась в высоту на десять рядов кирпичей (ок. 1 м), а в длину прослежена более чем на 3 м. Размеры кирпичей $39-44 \times 39-44 \times 9-12$ см, но встречаются и меньших размеров с длиной стороны 36—38 см и толщиной 7—8 см. Редко применялись обломки кирпичей, представляющие половину обычного формата. Стена сложена тем же способом, что и вышеописанные кладки. На выявленном участке она (верхняя отметка стены — 5,56 м, нижняя — 6,5 м) лежит непосредственно под полом 2 (нижележащий пол 3 здесь не прослежен), т. е. пол был устроен на выровненной площадке этой мощной стены из сырцовых кирпичей и глинобита. Следует отметить, что описанные выше небольшие кладки из сырцовых кирпичей (в северо-восточной и юго-восточной частях раскопа) строго перпендикулярны данной стене.

Исследование сырцово-глинобитных архитектурных остатков, выявленных в раскопе Р-ХІ, изучение их стратиграфии, структуры, характера, конструктивных особенностей позволяет заключить, что они являются остатками оборонительной стены, существовавшей здесь до сооружения каменной фортификации цитадели VI в. Выявленные у восточной стороны раскопа остатки мощной кладки из сырцовых кирпичей, очевидно, представляют собой внутреннюю грань внешнего панциря стены. Подобная техника оборонительного строительства получила широкое распространение в позднеантичных и раннесредневековых памятниках Передней и Средней Азии, Кавказа: панцири оборонительных стен сооружались из сырцового кирпича, а внутреннее пространство стены заполнялось глинобитом (пахсой) (8, с. 57—73; 9, с. 80; 10, с. 83—89, 148—174; 11, с. 136; 12, с. 12—13; 13, р. 14—18; 14, с. 49—51; 15). На тот факт, что выявленная у восточной грани раскопа кладка из сырцовых кирпичей представляет собой остатки наружной облицовки оборонительной стены, указывает не только сам характер и размеры кладки, но и ее соотношение с примыкающим слоем глинобита (забутовки), местоположение и направление. Она не только находится у восточного края холма, но и имеет то же направление, что и оборонительные стены цитадели VI в., к которым примыкает с внутренней стороны, имея толщину более 1,5 м. Как и на северной городской стене, перегораживающей 3,5-километро-

вый Дербентский проход (2, с. 246—249), более поздние каменные стены цитадели VI в. были пристроены к сырцовым с внешней стороны и повторили направление сырцовых укреплений. Аналогичные остатки сырцовых сооружений в идентичном стратиграфическом положении были выявлены в этой же части цитадели ранее: в 1972 г. — в стратиграфическом раскопе № 9 и в 1973 г. в раскопе Р-II (1, с. 115).

Выявленные небольшие кладки из сырцовых кирпичей в северо-восточном и юго-восточном участках раскопа Р-ХІ, по видимому, представляют собой горизонтальные прослойки в глинобитном теле стены. На это может указывать их стратиграфия (они находятся в средней части глинобитного слоя и не связаны с его основанием) и направление (перпендикулярно к сырцовому панцирю-облицовке). Подобный строительный прием — прокладки из сырцовых кирпичей в глинобитном теле стены — очевидно, был призван увеличить прочность и долговременность оборонительных сооружений. Это было тем более важно, что восточная стена цитадели возводилась у склона холма, была подвержена оползням и являлась наиболее важным и уязвимым участком обороны цитадели.

Из глинобитной забутовки стены происходит небольшое количество фрагментов кухонной, столовой и тарной керамики. Кухонная посуда представлена обломками котлов и горшков с тестом серого, бурого, коричневого цвета с примесью песка, шамота. Котлы имели сферическую форму и утолщенный загнутый внутрь венчик (рис. 4, 1). У горшков — низкая горловина и слегка утолщенный, отогнутый наружу венчик (рис. 4, 2, 3). Столовая керамика представлена фрагментами красноглиняных кувшинов с энохоевидной горловиной (рис. 4, 6, 10), с орнаментом типа каннелюр (рис. 4, 7, 10), фрагментами красноангобированных кувшинов с цилиндрической и конусовидной горловиной (рис. 4, 8, 9), обломком серокошеной посуды. Выделим обломки миски со светло-красным тестом (рис. 4, 5) и красноглиняной белоангобированной миски (рис. 4, 4). Тарную керамику составляют главным образом фрагменты стенок крупных сосудов со штрихованным туловом. Данный комплекс керамики, происходящий из глинобитной забутовки стены, является характерным, как уже отмечалось при описании керамического комплекса с уровнями полов, для гончарных изделий Дербента переходного от албанского к раннесредневековому времени периода.

В основании слоя глинобита и кладки (облицовки) из сырцовых кирпичей у восточной стенки раскопа по всей площади раскопа была выявлена сплошная плотная выкладка (толщиной 0,3—0,5 м) из бутового камня средних и мелких размеров, редко крупного (слой 7). Верхняя отметка выкладки — 6,4—6,6 м, нижняя — 6,7—6,9 м. Заполнение между камнями составляет рыхлый грунт серого цвета с незначительными включениями угля. Керамические находки почти отсутствуют и представлены мелкими, невыразительными обломками кухонной керамики, красноглиняной, красно-

Рис. 4. Цитадель Дербента. Раскоп XI. Керамика из тела сырцовоглинобитной оборонительной стены

ангобированной столовой посуды. Вместе с тем в выкладке обнаружено 5 фрагментов зернотерок и 10 фрагментов жерновов ручной мельницы, положенных в качестве строительного материала.

Характер этой выкладки, ее стратиграфическое положение позволяет считать, что она представляет собой субструкцию под вышележащую оборонительную сырцово-глинобитную стену. Подобная конструкция — сырцово-глинобитная стена на каменном цоколе — находит аналогии в оборонительной (и гражданской)

архитектуре Кавказа, Средней Азии, Переднего Востока античного и раннесредневекового времени, хотя значительно большее распространение получило сооружение глинобитного цоколя. Каменные цоколи, в частности, имели оборонительные стены Беграма (12, с. 12—13; 13, р. 16), Дура-Европоса эллинистического периода (8, с. 66; 16, р. 1—11; 17, р. 4—61; 18). Подсыпка из камня (толщиной 0,3—0,5 м) наблюдалась под пахсовой стеной пригорода Новой Нисы (9, с. 59; 19, с. 191). С античного времени стены из сырцового кирпича на каменном цоколе получают распространение в оборонительной архитектуре Закавказья (31, с. 48, 49, 62, 82). Наконец, сырцово-глинобитные стены на каменном основании имели на заключительном этапе оборонительные сооружения Верхне-чирюртовского городища (10, с. 174—175). Судя по прослеженной ширине каменного цоколя и остатков сырцово-глинобитной стены, толщина ее у основания на этом участке цитадели Дербента достигла не менее 7 м. Сооружена стена была на мощных культурных напластованиях цитадели албанского периода.

Остатки сырцово-глинобитной фортификации цитадели Дербента были выявлены и на раскопе Р-ХІІІ (размерами 12×8 м), заложенном в юго-западной части цитадели вплотную к внутренней грани ее оборонительной стены (рис. 1; 2). Стратиграфически остаткам сырцовых оборонительных сооружений цитадели соответствуют слои 6 и 7 раскопа Р-ХІІІ. Сверху они перекрыты слоем (слой 5) плотного темно-коричневого грунта с включениями угольков извести, мелкого бута, битого кирпича, черепицы, керамики. Толщина слоя 5 — 0,5—0,8 м. Он имеет существенное понижение с запада на восток, обусловленное рельефом местности: на расстоянии 8 м перепад высоты составляет 1—1,1 м (верхние отметки слоя составляют в западной части раскопа — 4,05—4,3 м, в восточной — 5,2—5,25 м; нижние отметки соответственно — 4,8—5,5 м и 5,85—5,9 м). Со слоем связаны незначительные хозяйственно-бытовые остатки, представленные двумя очагами и двумя полами. Слой 5 примыкает к оборонительной стене цитадели и перекрывает строительную траншею и ее забутовку, возникшие в период возведения каменных укреплений цитадели VI в. (рис. 2). Тем самым, стратиграфическое положение слоя документирует начало его отложения вслед за возведением стены цитадели. Это наблюдение и анализ керамического комплекса из траншеи важны как для его датировки, так и для определения времени возведения нижележащих остатков сырцовой фортификации (слой 6 и 7).

Керамика пятого слоя представлена фрагментами столовой, тарной и кухонной посуды. Следует отметить отсутствие находок в этом слое поливной (исключение составляет один сосудик) керамики, появившейся в Дербенте с конца VIII в., красноангобированной посуды.

Столовая керамика представлена кувшинами и крупными дисками типа среднеазиатских тагара. Кувшины изготовлены в большинстве на кругу, плоскодонны и имеют округлое тулово. Тесто их хорошо отмученное, примеси редки, черепок звонкий,

красного, розового, коричневого цвета, обжиг равномерный, качественный, хотя встречаются фрагменты недообожженные, с серой прослойкой в изломе. Кувшины имели цилиндрическую (рис. 5, 9), конусовидную (рис. 5, 6) или раструбовидную (рис. 5, 7, 8) горловину. Венчик часто невыделен, слегка отогнут. Отметим находки фрагментов кувшинов с сильнопрофилированными венчиками (рис. 5, 6, 7). Кувшины имели вертикальные ручки круглого, овального сечения, реже ленточные, которые крепились одним концом к горловине, ближе к венчику, другим — к тулову. Украшались кувшины, главным образом, врезным многорядным линейно-волнистым орнаментом в верхней части тулова. Среди найденных в слое фрагментов кувшинов единичными экземплярами представлены сероглиняные, а также орнаментированные каннелюрами (рис. 5, 10).

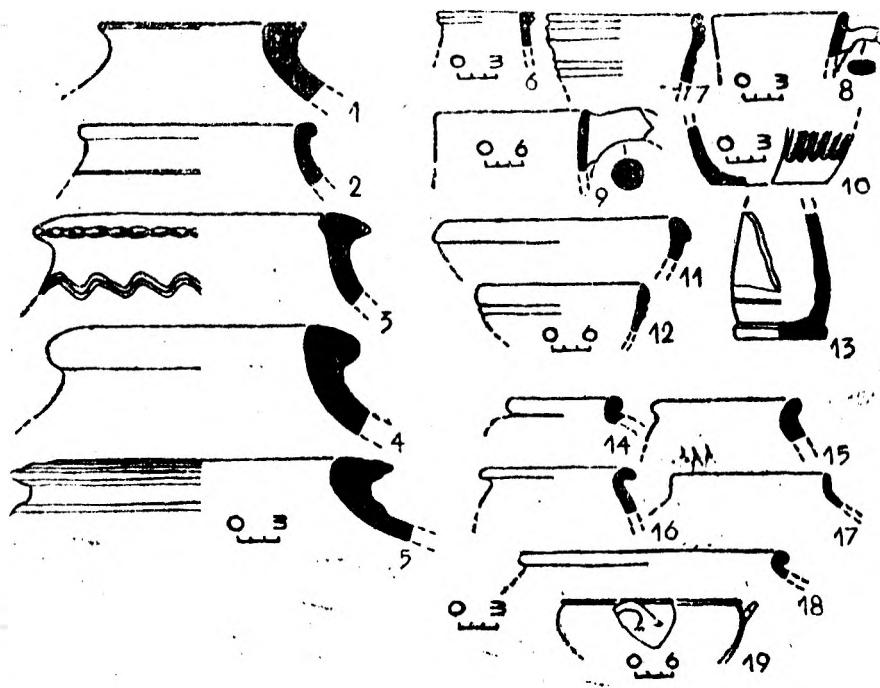

Рис. 5. Цитадель Дербента. Раскоп XIII. Керамика слоя 5

Миски имели крупные размеры, широкое плоское дно и округлые стенки. Диаметр устья их 24—37 см, высота мисок 10—15 см. Венчик, как правило, утолщен и имеет часто стреловидную в сечении форму (рис. 5, 11), нередко подчеркнут горизонтальным рифлением (рис. 5, 12). Тесто мисок коричневого, красного цвета, хорошо промешанное и обожженное, с незначительными примесями песка. Изготовлены они на кругу и являются характерным ти-

пом керамики Дербента позднесасанидского времени (VI—VII вв.).

Вышеупомянутое поливное изделие, найденное в слое, представляет нижнюю часть небольшого белоглиняного сосуда (рис. 5, 13). Изготовлен он на гончарном кругу, наружная поверхность его (кроме придонной части) покрыта полупрозрачной бирюзово-голубой поливой. Высота сохранившейся части сосуда 9,5 см, толщина стенок 0,9—1,0 см, диаметр дна 7 см. Это самое раннее глазурованное изделие, обнаруженное в Дербенте, являющееся, по всей видимости, предметом импорта. Судя по цвету и качеству поливы, тесту, форме изделия, оно, очевидно, имеет передневносточное происхождение (Месопотамия).

Тарная керамика из слоя 5 представлена обломками крупных толстостенных хозяйственных сосудов. Судя по фрагментам стенок и нижних частей их они имели округло-вытянутую (с равномерным раздутием тулова) и яйцевидную (с высоким раздутием тулова) форму. Тесто не очень высокого качества, с примесью отошителей (шамот, песок), черепок розового, красного, коричневого цвета, в изломе часто с серой прослойкой. Толщина стенок 1—2 см, диаметр венчика 18—28 см. Некоторые сосуды имели невысокую горловину (3—6 см). Венчики утолщенные, подтреугольного или овального сечения (рис. 5, 1—5), нередко с верхней горизонтальной площадкой. Иногда край венчика орнаментировался палечными вдавлениями или зашипами (рис. 5, 3). Место перехода от тулова к горловине и верхняя часть тулова часто украшались врезным линейно-волнистым орнаментом, наклепным валиком с вдавлениями, зашипами, насечками. Некоторые изделия имели белое ангобное покрытие (рис. 5, 2, 4). Большой процент составляют сосуды, тулово которых полностью покрывалось штриховой орнаментацией гребенкой.

Кухонная керамика представлена фрагментами горшков и котлов. Они имеют тесто коричневого, серого, темно-красного, бурого цвета, с примесью кварца, песка. В большинстве изготовлены на кругу. Венчики горшков, как правило, утолщенные, отогнутые наружу, закругленные (рис. 5, 14, 16, 18), реже слабопрофилированные, слегка отогнутые или вертикальные (рис. 5, 15, 17). Диаметр венчиков 8—21 см. Нередко верхняя часть тулова горшков украшалась врезным линейно-волнистым орнаментом.

Котлы по форме тулова разделяются на два типа: шарообразные и полусферические. Венчики их обычно загнуты внутрь и утолщены, реже резко отогнуты наружу. Котлы имели две или четыре ручки-держалки или горизонтальные ручки (рис. 5, 19).

Комплекс керамики пятого слоя является типичным для керамики Дербента позднесасанидского и раннеарабского времени (VI—VIII вв.), что и позволяет датировать его этим временем. На эту дату указывает и приведенная выше его стратиграфическая ситуация. Выделим также находки в пятом слое: дисковидное керамическое пряслице и заготовка пряслища (рис. 6, 6, 7); железное тесло (длина 11,5 см, ширина лезвия 7,5 см, ширина обуха

5 см) со следами обгоревшего основания черенка (рис. 6, 11); обработанный брусек из рога, полукруглый в сечении, вероятно, ложило (рис. 6, 5); бронзовая игла (рис. 6, 10); фрагмент бокала из желтого стекла с отогнутым утолщенным венчиком и двумя наклепными валиками (рис. 6, 9); фрагмент кольца из синего стекла диаметром 3 см (рис. 6, 8); стеклянная (рис. 6, 3), сердоликовая (рис. 6, 2) и пастовые бусы (рис. 6, 1, 4).

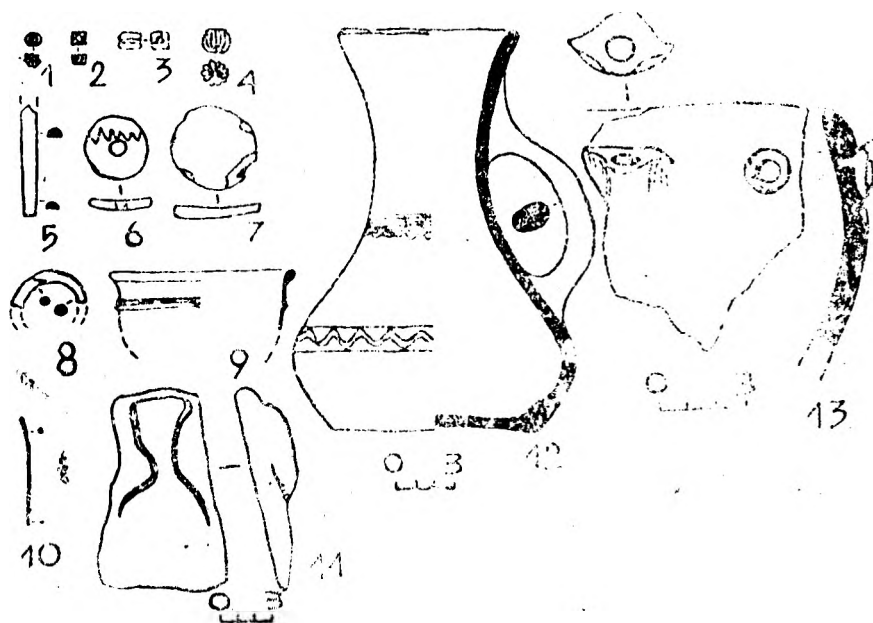

Рис. 6. Цитадель Дербента. Раскоп XIII. Находки из строительной траншеи: 1, 4 — паста; 2 — сердолик; 3, 8, 9 — стекло; 5 — кость; 6, 7, 12, 13 — керамика; 10 — бронза; 11 — железо

Находки из строительной траншеи под оборонительную стену цитадели VI в. представлены фрагментами керамических изделий. Среди них особый интерес представляет часть горловины зооморфного каннелированного кувшина с носиком-сливом и наклепным глазком (рис. 6, 13) и археологически целого, реставрированного сероглиняного кувшина (рис. 6, 12), типичного для керамики раннесредневековых памятников Северного Дагестана (21, с. 67).

Нижележащий шестой слой представлял собой однородную плотную желтовато-коричневую глинобитную массу толщиной 0,5—0,8 м. По структуре, цвету она аналогична телу сырцово-глинобитной оборонительной стены, описанной ранее. Как и вышележащие напластования, слой 6 имеет уклон к востоку, обусловленный микрорельефом: верхние отметки слоя составляют в западной части раскопа — 4,7—4,9 м, в восточной — 5,95—6,0 м, нижние отметки соответственно — 5,2—5,3 м и 6,25—6,35 м.

В южной части раскопа, вдоль стены цитадели VI в., слой 6 уничтожен или потревожен строительной траншеей. Траншея глубиной ок. 2 м (в длину прослежена на 6,6 м) имела в восточной части вертикальную грань, а в западной — постепенно суживающуюся к основанию. В верхней части ее край отстоит от грани стены цитадели на 0,75—0,8 м. Траншея прорезала нижележащие культурные слои и на 10—15 см заглублена в материк. Для укладки нижних каменных блоков панциря оборонительной стены VI в. в материковой скальной породе были тщательно вытесаны ступенчатые (обусловленные уклоном местности к востоку) горизонтальные ложа на глубину 20—40 см, в которые были уложены нижние блоки стены. После укладки 5—6 нижних рядов стены, поднявшихся выше уровня древней дневной поверхности, траншея забита плотным коричневым глинобитом, в котором были сделаны две плотные щебеночные горизонтальные прослойки толщиной 10—16 см. Данный строительный прием, очевидно, исключал подмывание основания стены, смыв культурных слоев и обеспечил сохранность и высокую устойчивость оборонительных стен цитадели на данном участке, где рельеф местности имеет довольно сильный уклон. Такой же прием наблюдался при исследовании северной городской оборонительной стены. Здесь пространство между сырцовой и пристроенной к ней в VI в. с внешней стороны каменной стеной, достигающее 0,9—1 м, заполнено засыпью, в которой были устроены две горизонтальные отмостки из мелких камней (2, с. 249).

Находок в глинобитном слое 6 раскопа Р-XIII почти не обнаружено, немногочисленные фрагменты керамики представлены невыразительными обломками красноглиняной и красноангобированной посуды. В слое 6 были выявлены отдельные сырцовые кирпичи и небольшая выкладка из них длиной ок. 1,5 м (четыре кирпича, уложенных в длину) и до 0,35 м в высоту (три кирпича, уложенных один на другой). Размеры кирпича 39—45×39—45×9—10 см. Как и в восточной части цитадели (раскоп Р-XI) данная выкладка, очевидно, представляла собой горизонтальную кирпичную прослойку в глинобитном теле оборонительной стены. Интерес представляет и выявленная в слое глинобита горизонтальная прослойка толщиной 10—18 см из мелкого бутового камня (прослеженная длина более 1 м). Подобный пример — бутовый пояс в теле сырцовой стены — отмечен при обследовании сырцовой оборонительной стены (разрез R—3), перекрывавшей Дербентский проход (2, с. 249).

Исследование слоя 6 раскопа Р-XIII позволяет считать, что он представляет собой остатки нижней части или глинобитной платформы сырцовой стены цитадели, предшествовавшей каменным укреплениям VI в. Об этом свидетельствует стратиграфическое положение и структура слоя, строительные детали, характерные и для других участков сырцовых укреплений Дербента. С глинобитной платформой связана однорядная кладка из крупных бутовых камней (стена № 22), обнаруженная верхней части слоя

на границе с траншеей и, очевидно, в большей мере разрушенная ею. В длину кладка прослежена на 3,4 м, в ширину сохранилась на 0,8—1,2 м (2—3 ряда камней). Она имеет то же направление, что и оборонительная стена цитадели. Плохая сохранность не позволяет достоверно судить о ее первоначальном виде и назначении. Но можно предполагать, что кладка является остатками внешнего каменного панциря или цоколя, служившего для укрепления сырцово-глинобитной стены — прием, известный в оборонительной архитектуре Северного Причерноморья, Передней Азии античного и раннесредневекового времени. Наружный каменный цоколь на известковом растворе высотой до 2,4 м и шириной 0,75 м отмечен и с внешней стороны сырцово-глинобитной стены Дербента, перекрывавшей проход (22, с. 53).

Как и на восточном участке сырцовых укреплений цитадели (раскоп Р-ХІ), здесь глинобитная платформа с отдельными вставками и выкладками сырцового кирпича покоилась на плотной вымостке-цоколе толщиной 0,2—0,3 м из рваного камня средних и мелких размеров и редко крупного бута, уложенного в 1—2 ряда. Южная стена цитадели, как и восточная, возводилась на культурных слоях албанского времени, достигающих на этом участке до 1,5 м толщины. Судя по прослеженной ширине каменного основания и глинобитной платформы, толщина южной стены была не менее 4 м.

Время возникновения сырцово-глинобитной фортификации Дербента определяется довольно точно. Это 40-е гг. V в., отмеченные широким строительством в проходе в период правления шаханшаха Йездигерда II (439—457 гг.) (23, с. 31—43). К этому времени относится возведение мощной оборонительной стены из сырцового кирпича на глинобитной платформе, перекрывшей 3,5-километровый Дербентский проход, и сырцово-глинобитных стен цитадели (2, с. 243—258). Для «длинной» стены Дербента, которая сооружалась на ровной местности, глинобитная платформа была достаточно надежным основанием. Пересеченный же рельеф дербентского холма, на котором располагалась цитадель, наложил отпечаток на примененную здесь строительную технику. Для упрочения основания сырцовых оборонительных сооружений цитадели, которые к тому же возводились на культурном слое, предварительно выкладывалась отмостка из плотно пригнанного бутового камня, выполнявшая роль цоколя.

К сожалению, плохая сохранность сырцово-глинобитной фортификации цитадели Дербента V в., обусловленная прежде всего возведением в VI в. Сасанидами под руководством амаргара Адурбадагана Барзниша (24, с. 17; 25, с. 102—105) новой каменной цитадели, не позволяет в полной мере судить о ней. Однако и те остатки, которыми мы располагаем, дают возможность говорить об использовании при строительстве Дербентского сырцового оборонительного комплекса, включавшего «длинную» стену и цитадель, характерных принципов сасанидского фортификационного искусства (22, с. 54). Это касается и самого строительного материала — стандар-

тного размера сырцового кирпича, широко употреблявшегося при возведении оборонительных сооружений (10, с. 148—174; 13, р. 16), в том числе «длинных» стен (2, с. 246—250; 14; 15; 26, с. 40; 27, р. 193—200; 28, с. 43—45; 29, с. 76—78; 30, р. 55), и конструктивных особенностей оборонительных стен, о которых мы говорили.

Возведение Дербентского сырцового оборонительного комплекса, как показывает анализ сведений письменных источников (2, с. 252—253; 23, с. 36—39), являлось актом государственной важности, было результатом направленного государственного строительства, за ходом которого пристально наблюдал и придавал большое значение шаханшах Йездигерд II. Выполнение столь значительных по объему строительных работ, как и сооружение века спустя каменной фортификации Дербента, было возможно благодаря широкому использованию рабского труда и, очевидно, труда местных общинников.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кудрявцев А. А. Раскопки в цитадели древнего Дербента // АО — 1973. М., 1974.
2. Кудрявцев А. А. О датировке первых сасанидских укреплений в Дербенте // СА. 1978. № 3.
3. Кудрявцев А. А. Раскопки в цитадели Дербента // АО — 1984. М., 1986.
4. Гаджиев М. С., Мокроусов С. В. Новые данные о фортификации и ремесленном производстве Дербента албанской и средневековой поры // Тез. докл. науч. сес., посвящ. итогам экспедиц. исслед. Ин-та ИЯЛ в 1984—1985 гг. Махачкала, 1986.
5. Кудрявцев А. А. Новые археологические материалы по истории древнего Дербента // Задачи советской археологии в свете решений XXVII съезда КПСС: Тез. докл. Всесоюз. археол. конф. (Суздаль, 1987 г.). М., 1987.
6. Кудрявцев А. А. Город, не подвластный векам. Махачкала, 1976.
7. Гаджиев М. С. Столовая керамика Южного Дагестана рубежа албанского и раннесредневекового времени // Древние промыслы, ремесла и торговля в Дагестане. Махачкала, 1984.
8. Кошеленко Г. А. Парфянская фортификация // СА. 1963. № 2.
9. Кузьмина Е. Е., Певзнер С. Б. Оборонительные сооружения городища Кей-Кобад-шах // КСИИМК. 1956. Вып. 64.
10. Губаев А. Поселения сасанидского времени в Южном Туркменистане (историко-археол. очерк). Л., 1967 // Архив ИА АН СССР. Р — 2. № 1980.
11. Левина В. А. Стена и башня «Старой Нисы» // Тр. ЮТАКЭ. Ашхабад, 1949. Т. 1.
12. Гиришман Р. Раскопки французской археологической делегации в Беграме (Афганистан) // КСИИМК. 1946. Вып. XIII.
13. Ghirsh man R. Bégram. Recherches archeologiques et historiques sur les Kouchans // MDAFA. Caire, 1946. Т. XII.
14. Алиев А. А. Об оборонительных сооружениях Кавказской Албании // Всесоюз. археол. конф. «Достижения советской археологии в XI пятилетке»: Тез. докл. Баку, 1985.

15. Абдуллаев Х. П. Гильгинчайская оборонительная стена и крепость Чирах-кала // СА. 1968. № 2.
16. Hopkins C. Fortifications // The Excavations at Dura-Europos. Preliminary Report of 5 season of work. New-Haven, 1934.
17. von Gerkan A. The Fortifications // The Excavations at Dura-Europos. Preliminary Report of 7—8 season of work. New-Haven, 1939.
18. Шишова И. А. Дюра-Европос — крепость Парфянского царства // УЗ ЛГУ. № 192. Сер. ист. наук. 1956. Вып. 21.
19. Давидович Е. А. Исследование вала к юго-западу от Новой Нисы // Тр. ЮТАКЭ. Ашхабад. 1949. Т. 1.
20. Магомедов М. Г. Крепостные сооружения Хазарии // Древние и средневековые археологические памятники Дагестана. Махачкала, 1980.
21. Магомедов М. Г. Керамика Северо-Восточного Дагестана хазарского времени // Керамика древнего средневекового Дагестана. Махачкала, 1981.
22. Кудрявцев А. А. О синкретизме парфяно-сасанидских, греко-римских и местных традиций в фортификационной архитектуре и градостроительстве древнего и раннесредневекового Дербента // Этнокультурные процессы в древнем Дагестане. Махачкала, 1987.
23. Кудрявцев А. А. «Длинные стены» на Восточном Кавказе // ВИ. 1979. № 11.
24. Пахомов Е. А. Пехлевийские надписи Дербента // Изв. ООИА. Баку, 1929. № 8, Вып. V.
25. Касумова С. Ю. Новые среднеперсидские надписи из Дербента // Этнокультурные процессы в древнем Дагестане. Махачкала, 1987.
26. Пахомов Е. А. Крупнейшие памятники сасанидского строительства в Закавказье // ПИМК. 1933. № 9—10.
27. Lester S. Thompson. Geological evidence for ancient civilization of the Gurgan Plane // JAIPIA. 1938. Vol. V. № 3.
28. Массон М. Е. ЮТАКЭ 1947 г. // Тр. ЮТАКЭ. Ашхабад, 1951. Т. II.
29. Губаев А. Вал Мерз (к вопр. о сев. границе сасанид. гос-ва) // Изв. АН Туркм. ССР. Сер. обществ. наук. 1965. № 2.
30. Smidt E. Flight over Ancient Cities of Iran. Chicago, 1940.
31. Археология СССР: Древнейш. государства Кавказа и Средней Азии. М., 1985.

Л. Б. Гмыря

БЫТОВЫЕ И ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ПОСТРОЙКИ ПАЛАСА-СЫРТСКОГО ПОСЕЛЕНИЯ

Паласа-сыртское поселение IV—VI вв. н. э. (1, с. 11—12; 2, с. 76; 3, с. 36—46; 4, с. 8—9) исследовалось в течение трех полевых сезонов (1985—1987 гг.). На стратиграфическом раскопе № 1 площадью около 130 кв. м получен большой и разнообразный материал, дающий возможность осветить некоторые стороны быта, хозяйственной жизни и культуры больших массивов ирано-тюркоязычных кочевых племен, обитавших в раннесредневековый период в приморских степях Южного Дагестана, а также проследить взаимовлияния кочевых и оседлоземледельческих традиций, затронувших социально-экономическое, идеологическое и культурное развитие населения этого региона (2, с. 76).

Целью нашей статьи является, основанная на полевых материалах, характеристика одной из сторон быта населения, связанная с возведением жилищ и хозяйственных построек (конструкция сооружения, внутреннее устройство, функциональное назначение). При освещении вопросов реконструкции жилых и хозяйственных построек привлечены данные письменных источников, а также этнографические материалы.

На Паласа-сыртском поселении на разных уровнях культурного слоя (толщина культурных напластований около 3 м) были выявлены остатки бытовых сооружений, состоящий из участков полов жилищ, углублений от оснований жердевых и столбовых конструкций жилищ, фрагментов турлука с отпечатками выгоревших прутьев камыша. Выявлены также участки каменных конструкций бытовых построек (фундаменты, развалы стен), а также обломки обожженных кирпичей. Ниже мы приводим краткое описание остатков бытовых сооружений Паласа-сыртского поселения в соответствии с уровнем их расположения в культурном слое.

Южный сектор кв. 1—13 (глуб.: — 0,19—0,28 м)¹: каменная вымостка, составленная из крупных и мелких камней, лежавших плашмя в один слой (рис. 1).

Верхний уровень культурного слоя: одиночные камни, лежавшие плашмя или в положении на ребро (рис. 1).

Квадраты 1, 2, 13 (глуб.: — 1,05 м): большой участок глиняной обмазки желтовато-коричневого цвета. В кв. 1—2 на уровне гли-

¹ Уровень расположения объектов приведен в абсолютных отметках.

няной обмазки зафиксировано девять углублений от оснований жердевой конструкции жилища, составлявшей поперечную и продольную стены (рис. 2; 5А). Судя по расположению ямок от жердей, жилище имело в плане подквадратную или подпрямоугольную форму со скругленными углами. Углубления от жердей были вертикальными (глубина ямок 0,11—0,22 м; ямки № 1, 3 в кв. 2 были более глубокими: 0,32; 0,29 м), многие углубления были заполнены тленом дерева буровато-коричневого цвета. Расстояние между

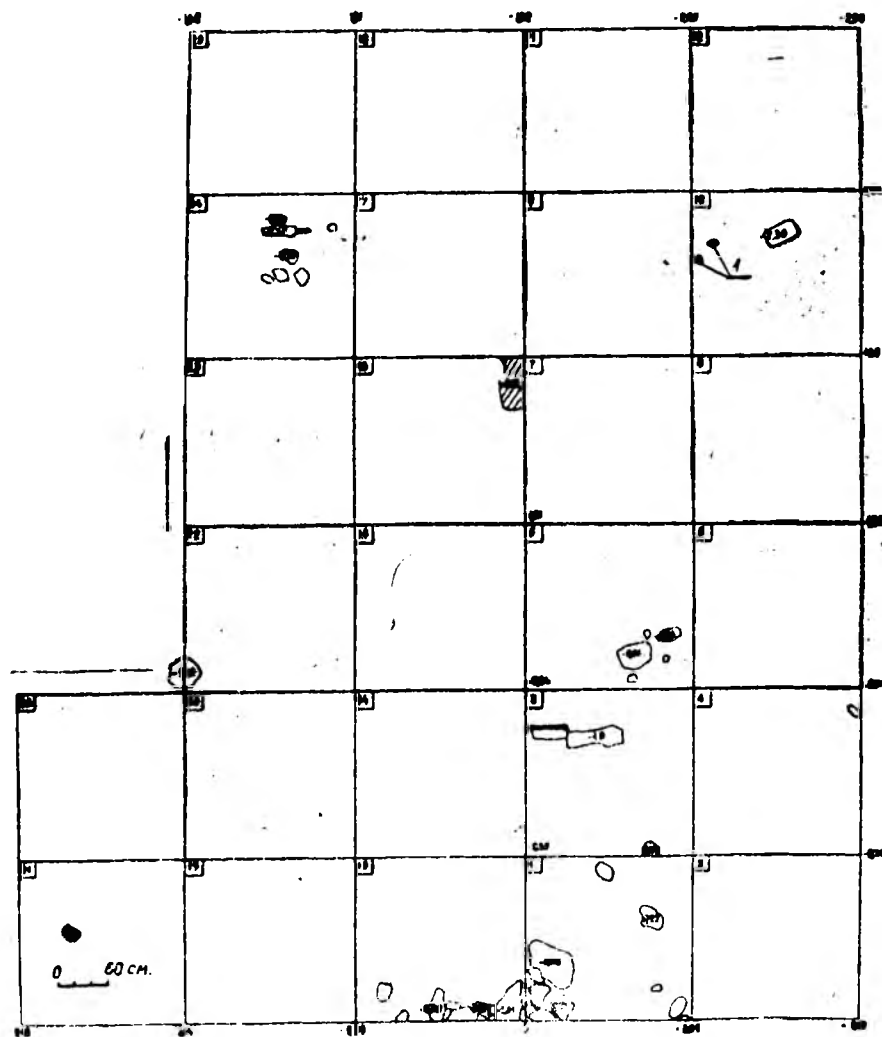

Рис. 1. Паласа-сыртское поселение. Раскоп 1. Слой 1
1 — обломки кирпичей (гл. — 1,74)

ямками 1,5—2 см, диаметр их 0,6—1,2 см. Внутри жилища имелось еще одно углубление диаметром 0,6 см и глубиной 0,07 м.

Северо-восточный сектор кв. 1 (глуб.: — 1,05 м): углубление от столбовой конструкции (диаметр 0,22 м, глуб.: — 0,4 м), заполненное древесным тленом темнокоричневого цвета (рис. 2).

Центральный сектор кв. 13 (глуб.: — 1,01 м): углубление, образовавшееся на месте основания двух вкопанных вблизи столбов (рис. 2). Углубление имело неправильные очертания (протяжен-

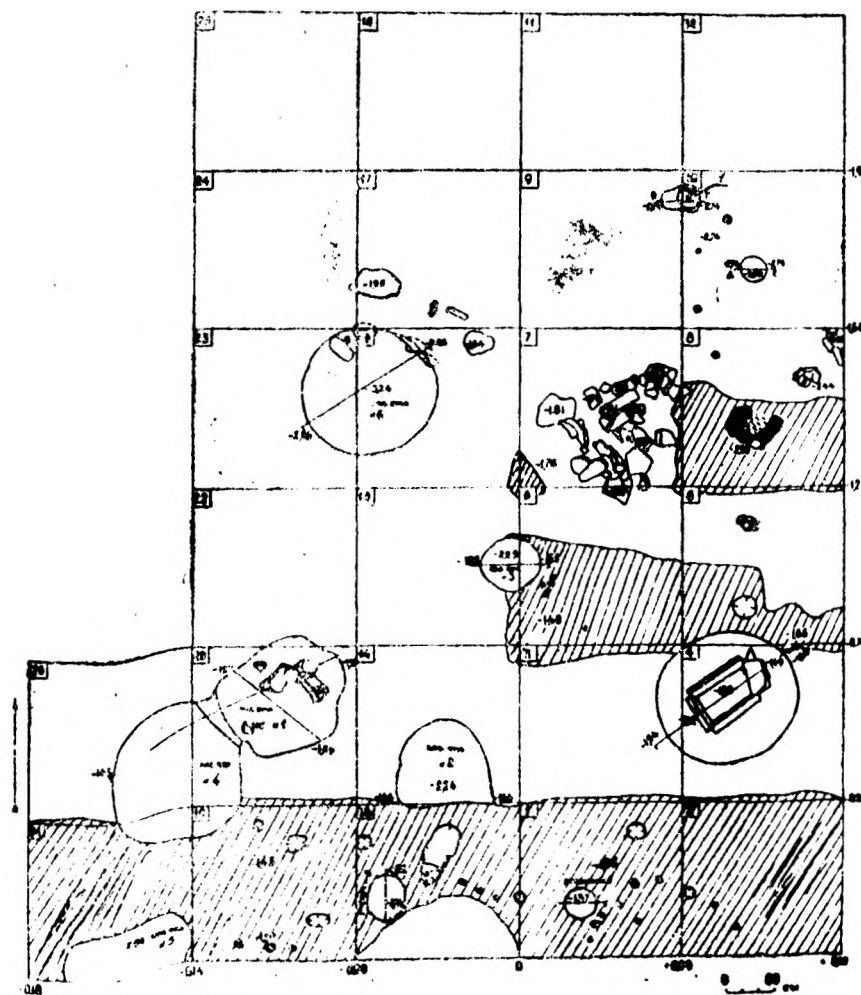

рис. 2. Паласа-сыртское поселение. Раскоп 1. Слой 2
1 — обломок кирпича (гл. — 3, 10);
А — захоронение в каменном ящике

ность по длинной оси 0,8 м, ширина в северо-западном конце 0,34 м, в юго-восточном 0,2 м, глубина 0,31 м).

Восточный сектор кв. 13: три углубления от жердей, располагавшихся цепочкой на расстоянии 0,14 м друг от друга (диаметр 0,1 м, глуб. 0,16 м; 0,08 м; 0,11 м) (рис. 2; 5 А).

Северо-западный сектор кв. 13: углубление от столбовой конструкции (диаметр 0,18 м, глуб. 0,44 м) (рис. 2).

Южный сектор кв. 1—13: углубление от столба (диаметр 0,12 м, глуб. 0,09 м) (рис. 2).

Кв. 19—21 (глуб. — 1,43 м): остатки глиняной обмазки пола (рис. 2). В южном секторе кв. 19 на уровне глиняной обмазки находились три углубления от жердевой, располагавшихся по слабо изогнутой линии (расстояние между углублениями 0,18; 0,3 м, диаметр углублений 0,01—0,12 м, глубина 0,08—0,09 м).

Восточный и северный сектор кв. 19: три углубления от столбов (диаметр — 0,12; 0,2; 0,26 м; глуб. 0,3—0,35 м) (рис. 2; 5 Б).

Южный сектор кв. 5,6: участки глиняной обмазки пола (глуб. соответственно: — 1,4 м; — 1,66 м). В кв. 6 на уровне глиняной обмазки было выявлено углубление от столба (диаметр 0,28 м, глуб. 0,23 м) (рис. 2).

Южный сектор кв. 8 (глуб.: — 2,3 м): участок глиняной обмазки с находившимся на его уровне очагом открытого типа (рис. 2).

Северо-восточный сектор кв. 8: небольшое скопление камней, лежавших без определенной системы (рис. 2).

Западный сектор кв. 10 и северный сектор кв. 8 (глуб.: — 2,74 м): четыре углубления от основания жердей, располагавшихся цепочкой по дугообразной линии (диаметр ямок 0,06—0,08 м, глуб. 0,33; 0,12; 0,23; 0,21 м) на расстоянии 0,48; 0,6; 0,54 м друг от друга (рис. 2; 5 В). Здесь же, в центральной части кв. 10, выявлено углубление от столба (диаметр 0,3 м, глуб. 0,34 м). В северо-западном секторе кв. 10 было выявлено углубление от двух столбов, вкопанных рядом (глуб. ямок 0,24 и 0,36 м). На дне одной из ямок был найден обломок обожженного кирпича (рис. 2, 1).

Южный сектор кв. 7 и северный сектор кв. 5 (глуб.: — 2,16 м): зольное пятно неправильной формы, вытянутое с запада на восток (протяженность 1,8 м, толщина зольных отложений 5—10 см). С юга в зольное пятно вклинивался участок прокаленного грунта округлой формы с вкраплением кусочков древесных угольков (рис. 3).

Кв. 5 (глуб.: — 2,4 м): большой участок глиняной обмазки толщиной 0,03—0,05 м. В юго-зап. секторе кв. 5 выявлено зольное пятно концентрической формы диаметром 1 м (толщина зольных отложений 0,1 м) (рис. 3).

Западный сектор кв. 15 (глуб.: — 2,37 м): большой участок глиняной обмазки пола, имевший продолжение в южных секторах кв. 22, 27 (глуб.: — 2,35; — 2,32 м). Толщина глиняной обмазки 0,05—0,07 м, общая протяженность 4,6 м. Участок имел неправильные очертания (ширина 0,3—1,6 м), с южной стороны он был окаймлен тонким слоем золы (рис. 3). На границе кв. 27 и 22 в пре-

делах участка глиняной обмазки был выявлен крупный камень, лежавший плашмя. В южном секторе кв. 27 на уровне глиняной обмазки было выявлено пять углублений от жердей (диаметр 0,04—0,05 м, глубина 0,07—0,10 м, расстояние между углублениями 0,2 м). Расположены ямки от жердей по дугообразной линии (рис. 3; 5 Г).

Северо-восточный сектор кв. 26 (глуб.: — 2,32 м): две ямки от жердей (диаметр 0,1 м, глубина 0,06 м, расстояние между ямками 0,2 м) (рис. 3).

Южный сектор кв. 23 (глуб.: — 2,52—2,60 м): группы камней, лежавших плашмя без определенного порядка.

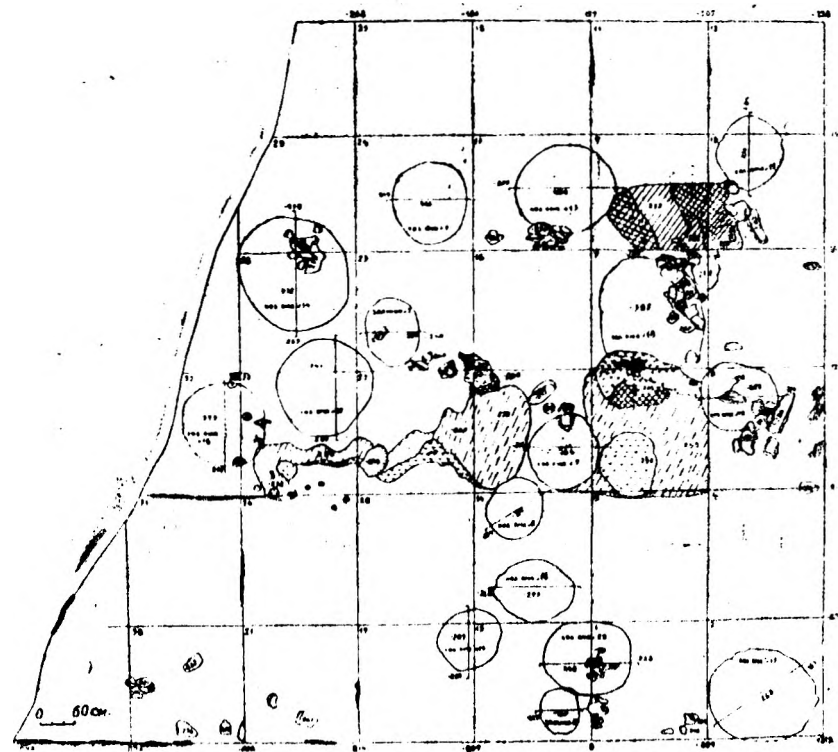

Рис. 3. Паласа-сыртское поселение. Раскоп 1. Слой 3

Южный сектор кв. 9 и юго-западный сектор кв. 10 (глуб.: — 2,75 м): большой наплыв глины желтоватого цвета (протяженность участка с запада на восток 2,2 м, с севера на юг 1,1 м). Верхняя часть глиняного наплыва на западном и восточном участках была прокалена до оранжевого цвета. На некоторых участках глина покрыта слоем золы черного цвета с включением угольков и фрагментов обгорелых веток (толщина глиняного наплыва 0,1—0,2 м)

На поверхности прокаленного участка глиняного наплыва (кв. 10) было выявлено скопление мелких фрагментов оплавленного шлака (рис. 3).

В южной части глиняного наплыва, на его поверхности были выявлены крупные каменные блоки, лежавшие плашмя. С востока, выше уровня глиняного наплыва также была зафиксирована группа крупных камней, лежавших без определенной системы (рис. 3).

Северный сектор кв. 26 (глуб.: — 3,19 м): небольшой участок глиняной обмазки (протяженность 2 м, ширина 0,7 м). С южной и восточной стороны глиняная обмазка была окаймлена узкой полоской золы (ширина 0,2—0,04 м) (рис. 4).

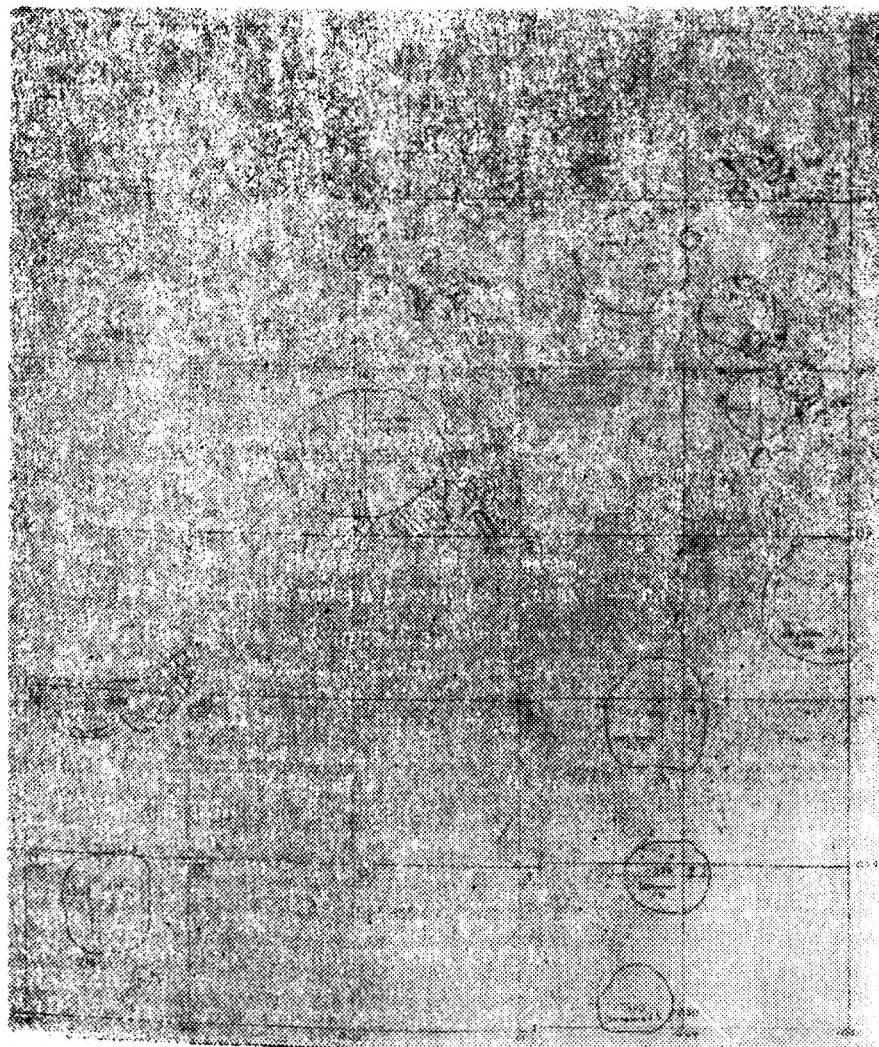

Рис. 4. Паласа-сыртское поселение. Раскоп 1. Слой 4

Восточный сектор кв. 16 (глуб.: — 3,02 м): небольшой участок глиняной обмазки зеленоватого цвета; южный участок обмазки прокался и имеет оранжевый цвет. В пределах глиняной обмазки зафиксирован очаг открытого типа (рис. 4).

Кв. 11 (глуб.: — 3,55 м): участок глиняной обмазки зеленоватого цвета (рис. 4).

Южный сектор кв. 12 (глуб.: — 3,40; — 3,74 м): скопление камней, лежавших без определенного порядка (рис. 4).

Юго-восточный сектор кв. 18 (глуб.: — 3,90; — 4,33 м): скопление камней различной конфигурации, лежавших в несколько слоев. Возможно, скопление камней является развалом каменной конструкции жилища. Камни положены на глиняный раствор (рис. 4).

Кв. 17 (глуб. — 3,96 м): скопление камней, лежавших без определенной системы, вытянутое с СЗ на ЮВ. Большинство камней лежало в один-два слоя (рис. 4).

Особо следует остановиться на развале каменного сооружения в кв. 7 (рис. 3). Верхняя часть развала была зафиксирована на глуб.: — 1,61—1,81 м. Большинство камней лежало бессистемно в 1—2 слоя. Расчистка завала камней выявила сохранившиеся участки кладки; крупные камни, составлявшие кладку, чередовались с мелкими камнями и тонкими плитками, обеспечивавшими устойчивость крупным блоком. В качестве скрепляющего раствора была использована жидкая глина (толщина кладки составила 0,3—0,5 м). Основание кладки было зафиксировано на уровне дна хозяйственной ямы № 18 (глуб.: — 3,05 м). Остатки кладки располагались вдоль стенки ямы (восточный и северо-восточный сектор), что дает основание предположить, что развал каменной конструкции в кв. 7 является остатками каменного сооружения хозяйственного назначения типа погреба с каменными стенами (рис. 3; 6). Описание хозяйственной ямы № 18 будет дано ниже в разделе «хозяйственные постройки».

В культурном слое Паласа-сыртского поселения были выявлены остатки строительных материалов, среди которых имелись:

1. Обломки жженных кирпичей (3 экз.). Кирпичи хорошо обожжены, цвет серовато-желтоватый. Крупный фрагмент кирпича имел следующие параметры: ширина 12 см, толщина 6 см, длина более 20 см.

2. Куски прокаленной глиняной обмазки с отпечатками прутьев, рогожи, рубленой соломы; плоские куски толщиной 8—10 см; бесформенные куски прокаленной глины.

3. Каменные блоки с необработанной поверхностью, крупные речные голыши.

В пределах жилых помещений на глиняной обмазке пола были найдены различные орудия труда (кв. 13), обломки керамических сосудов, обугленные зерна злаковых (кв. 19), кости животных (кв. 27—26).

На основе выявленных на Паласа-сыртском поселении материалов выделяются два типа жилищ:

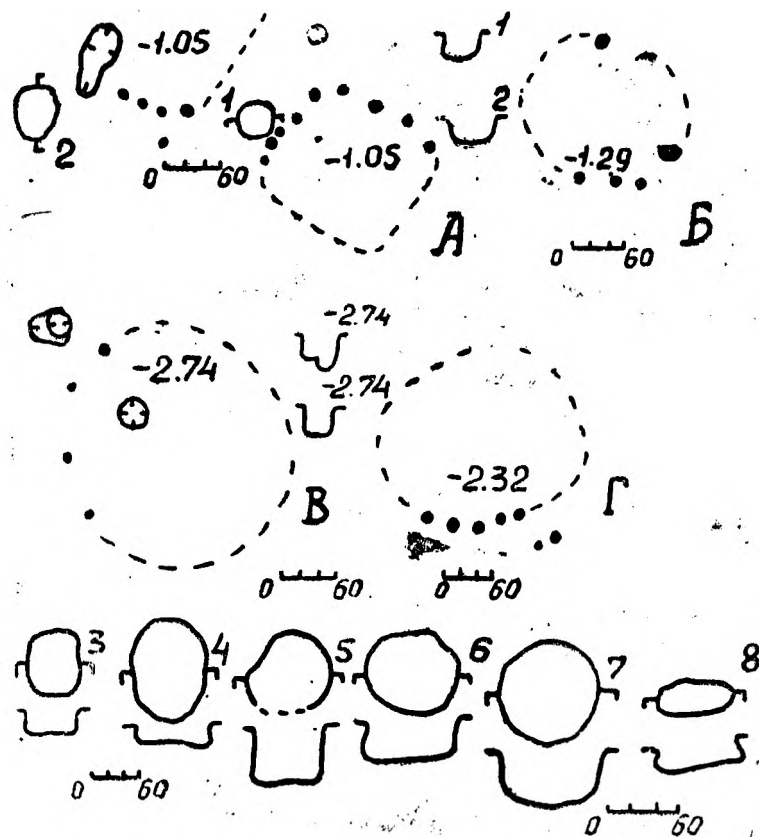

Рис. 5. Паласа-сыртское поселение. Раскоп 1
(цифрами обозначены номера зольников, буквами — планы помещений)

Тип 1. Наземное жилище жердевой конструкции (кв. 1—2, 13, 19, 10, 27—26). В плане жилище было подчетыреугольным с округлыми углами или овальным. Стены жилища состояли из жердей толщиной 6—10 см, вбивавшихся вертикально в грунт на глубину до 30 см. Жердевый каркас стен оплетался тонкими (диаметр 1,5 см) ветками или камышом и обмазывался слоем глины без примесей или с добавлением мелкорубленной соломы. В конструкцию жилища входили также деревянные столбы диаметром 12—30 см, вкопанные в грунт на глубину 23—44 см. Столбы использовались в качестве опоры крыши жилого помещения и, возможно, для оформления входа. Выяснить форму крыши домов первого типа по археологическим данным не представляется возможным.

В сообщениях древних авторов, относящихся к VI в. н. э., имеются очень скудные данные о жилищах кочевых племен, обитавших в этот период в прикаспийских степях. По свидетельству

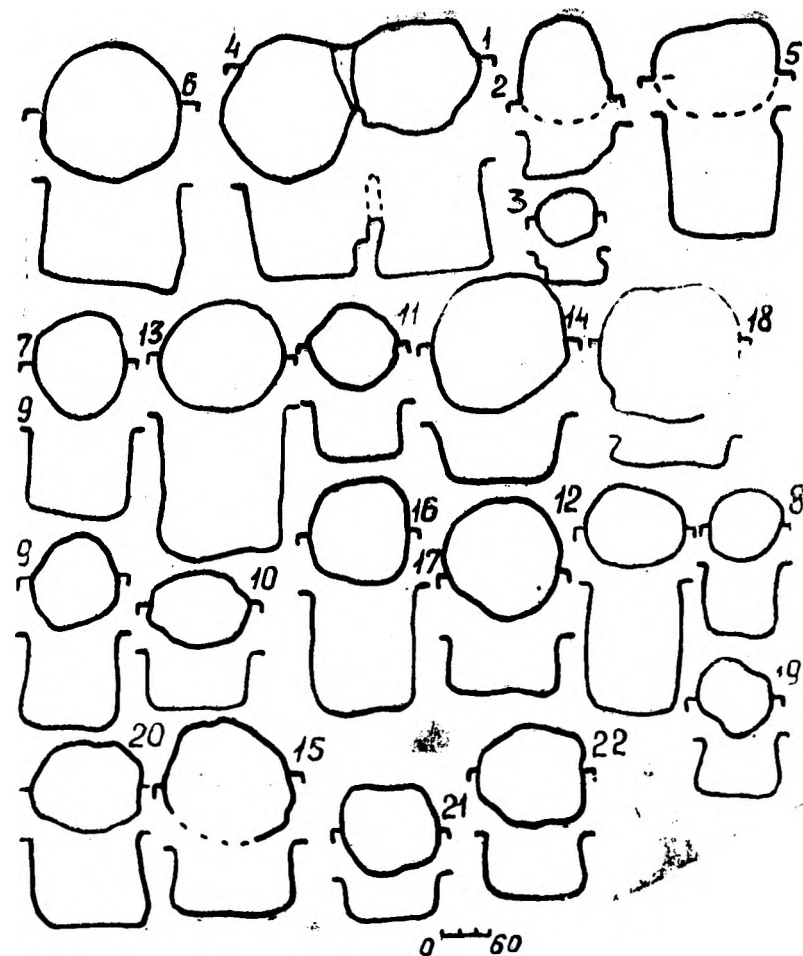

Рис. 6. Паласа-сыртское поселение. Планы и разрезы хозяйственных ям

Псевдо-Захария, это были палатки (5, с. 165). Описывая военный лагерь савир, Агафий отмечал, что их хижины состояли из «кольев и шкур» (6, с. 89). Судя по описанию, авторы говорят о жилищах жердевой конструкции, возможно, идентичных по конструктивному решению наземным жилищам первого типа Паласа-сыртского поселения. Не исключено, что Агафий дал краткое описание переносного жилища, использовавшегося в военных походах и при перекачке (7, с. 16—17).

Аналогичный тип жилищ жердевой конструкции, бытовавший в прикаспийских степях в IX—X вв. н. э., описан арабскими авторами, которые называли этот тип жилища шатром (8, с. 5). Имн

Арабские авторы отмечали, что крыши таких жилищ были выпуклые и остроконечные (8, с. 5; 9, с. 47).

По данным письменных источников, жилище жердевой конструкции было основным типом домов на поселениях Северо-Восточного Предкавказья раннего средневековья. Традиционная форма и основная конструкция жилища кочевника бытовали в течение продолжительного периода (IV—X вв.).

Археологические материалы, однако, дают возможность проследить инновации в конструктивном устройстве такого типа жилища, связанные как с приспособлением к климатическим условиям, так и обусловленные переходом основной массы населения к фактической оседлости.

Выявленные в слоях Паласа-сыртского поселения жилища жердевой конструкции характерны для переходящих к оседлости кочевых народов (7, с. 23—28; 10, с. 61—65; 11, с. 68—69). В отличие от юрт, это стационарные, утепленные жилые помещения. Однако основные конструктивные детали жилища (жердевая основа, деревянные столбы-опоры) несут в себе черты традиционного жилища кочевника.

Ареал жилищ жердевой конструкции довольно широк. Они представлены на памятниках второй половины I тыс. н. э., связанных с культурой кочевых племен (7, с. 23—28; 10, с. 61—65; 11, с. 68—69).

На территории Дагестана жилища подобного типа выявлены в слоях II—IV вв. н. э. Андрейаульского городища (12, с. 128; 13, с. 146—149).

Интересно отметить, что постройки жердевой конструкции с конусовидной крышей сохранились у некоторых народов Дагестана до этнографической действительности, хотя использовались они как хранилища сена (14, с. 204—205; 15, с. 56; 16, с. 174). Однако С. Ш. Гаджиева приводит убедительные данные, свидетельствующие о былом бытовом назначении построек такого типа (14, с. 205; 15, с. 56).

Как видно из описания материалов, на Паласа-сыртском поселении бытовал и другой тип жилища.

Тип 2. Наземное жилище с каменным основанием (рис. 4). Кладка каменного фундамента шириной 0,3—0,4 м состояла из рваного необработанного камня различных размеров. Камни укладывались плашмя горизонтальными рядами (крупные блоки чередовались с мелкими камнями и тонкими плитками), в качестве скрепляющего раствора использовалась жидкая глина. Судя по незначительным объемам каменных завалов вблизи фундаментов, а также наличию глиняных наплывов, выявленных на разных уровнях культурного слоя поселения, стены жилища второго типа, возможно, были глинобитными. Как отмечалось выше, среди строительных материалов имеются большие плоские куски глиняной обмазки с включением рубленой соломы толщиной до 10 см, видимо, являвшиеся остатками покрытий крыш плоской формы.

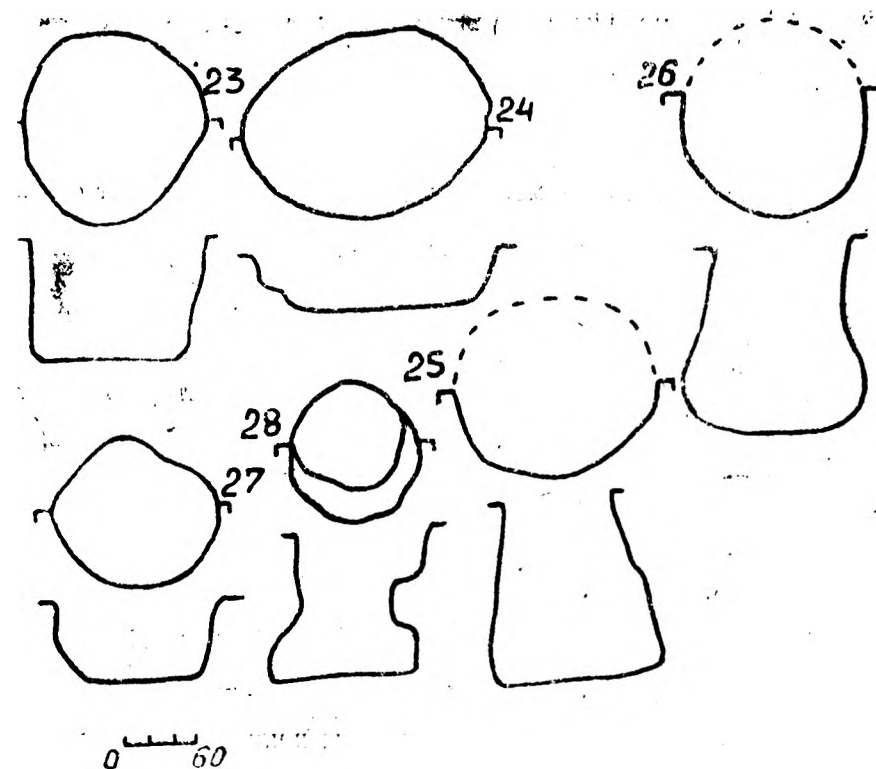

Рис. 7. Паласа-сыртское поселение. Планы и разрезы хозяйственных ям

Подобный тип жилищ был выявлен М. Г. Магомедовым на Верхнечирюртовском поселении VI—VIII вв. н. э. (13, с. 150). Автор справедливо считает, что в конструкции турлучных построек на каменных основаниях наблюдается синкретизм традиций домостроительства местных и пришлых племен (13, с. 151).

Среди строительных остатков на поселении найдены единичные обломки обожженных кирпичей. Данные раскопок не позволяют судить о функциональном назначении выявленных обломков.

Малочисленность находок предполагает использование отдельных кирпичных блоков в качестве архитектурных деталей в строениях второго типа. Однако нам представляется более вероятным объяснением этому факту — ценность данного вида строительного материала (кирпича) и уникальность кирпичных построек на поселениях Дагестана раннесредневекового времени.

Арабский автор Ал-Истахри, описывая жилые постройки столицы хазар Итиля, отмечал, что жилищами в городе служат войлочные палатки, а глинобитные дома являются исключением (9, с. 41). И как особо отличительное здание в городе Ал-Истахри называет дворец царя хазар, построенный из обожженного кирпича

(9, с. 41). Видимо, кирпич был не только дорогостоящим строительным материалом, недоступным иным, кроме царя, членам общества, но постройкам из кирпича придавалось какое-то особое значение. Ал-Истахри отмечает, что царь «не позволяет никому строиться из кирпича» (9, с. 41). Видимо, прочность кирпичного строения, его долговечность, а также терракотовый цвет, отличающий жилище царя от домов его подданных, и делали этот строительный материал ценным.

Постройки из жженого кирпича на памятниках Дагестана раннесредневекового времени крайне редки. В слоях Дербента сасанидского времени среди строительных материалов находки обожженных кирпичей единичны (17, с. 12). В VIII—X вв. из кирпича возводились дома социальной верхушки дербентского общества (18, с. 147; 19, с. 75), он использовался также в конструкции крупных культовых зданий (20, с. 133; 21, с. 126).

Единичные находки фрагментов жженных кирпичей на Паласа-сыртском поселении дают возможность считать, что строения такого типа здесь были единичными. Основным типом жилища на Паласа-сыртском поселении являлось наземное строение каркасной конструкции (тип 1). Жилище на каменном цоколе с глинобитными стенами было, вероятно, менее распространено. Следует отметить, что каркасные жилища характерны для верхних и средних слоев поселения, жилища на каменных цоколях — для нижних слоев. Обломки кирпичей были встречены в верхнем слое поселения.

На Паласа-сыртском поселении помимо жилищ выявлены постройки хозяйственного назначения: очаги, камин, зольные и хозяйственные ямы, зернохранилища.

Очаги (2 экз.) располагались в пределах жилищ. В кв. 8 в пределах глиняной обмазки пола (уровень — 2,3 м) был выявлен очаг открытого типа (рис. 2). Он представлял собой неглубокую ямку продолговатой формы с открытым входом с северо-востока. Край и дно очага были тщательно обмазаны глиной, которая имела в результате прокалиненности красноватый цвет. С юга в обмазку очага было включено несколько камней. Очаг был заполнен золой. Размеры: длина 0,3 м, ширина 0,24 м, глубина 0,15 м.

В кв. 15 (глуб. — 2,5 м) были выявлены остатки очага открытого типа, непосредственно примыкавшие к большому участку глиняной обмазки пола жилища (кв. 15, 22). Очаг представлял собой небольшой зольный участок размером 0,4×0,5 м, толщина зольных отложений — 0,02 м. С северо-запада и юга к участку золы примыкали участки прокаленного грунта оранжевого цвета (рис. 3).

Зольные ямы (8 экз.) находились внутри или вблизи жилищ (рис. 2—4; 5, 1—8). Ниже приводятся параметры выявленных зольников, а также характер их заполнения (табл. 1).

Зола из очагов, по-видимому, первоначально скапливалась в неглубоких ямах, а по мере их заполнения, зольники очищались и зола выносилась за пределы жилого помещения. Зольник № 5 (кв. 1)

Таблица 1

№ зольника	Расположение (кв.)	Размеры, м	Форма	Заполнение	Находки
1	1 (—1,05 м)*	0,4×0,03×0,32**	цилиндрическая	зола	—
2	13 (—1,01 м)	0,6×0,6×0,25	чашеобразная	зола, древесные угольки	куски глиняной обмазки, фр-ты керамики (9 экз.)
3	13 (—1,4 м)	0,64×0,64×0,25	цилинд.	зола, древесные угольки	—
4	23 (—2,4 м)	0,9×0,9×0,27	цилинд.	прокаленная золистая супесь	обломки камней
5	1 (—2,5 м)	0,9×0,9×0,6	цилинд.	зола, древес. угольки	мелкие речные голыши (74 экз.), фр-ты керамики (29 экз.), обломок прястица из не-обожженной глины, обломок оселка, фр-ты глиняной обмазки.
6	1 (—2,84 м)	1,02×1,02×0,44	цилинд.	зола	фр-ты керамики (11 экз.), кости животных
7	8 (—4,0 м)	0,84×0,5×0,47	чашеобр.	зола	фр-ты керамики (20 экз.), кости животных
8	10 (—2,31 м)	0,66×0,66×0,2	чашеобр.	зола	фр-ты керамики (8 экз.), кости животных

использовался как камин для обогрева жилища. Заполнявшие его камни были прокалены до белого цвета. Видимо, раскаленные камни засыпались золой из очага, что задерживало процесс остывания голышей.

Хозяйственные ямы (28 экз.) были сооружены в культурных напластованиях, а также в материковом слое (рис. 2—4, 6, 7). Дно и стенки ям обмазывались глиной, зачастую дно подвергалось

* Цифры в скобках — уровень расположения в слое.

** Размеры зольника (диаметр устья, диаметр дна, глубина).

№ ямы	Местоположение (кв.)	Размеры, м	Форма	Заполнение	Находки
1	2	3	4	5	6
1	20 (—1,55 м) *	1,65; 1,34 × 1,2 × 1,22 **	цилиндрическая	камни, золистая супесь, суглинок, древесные угольки	фр-ты керамики (102 экз.), кости животных, куски глиняной обмазки, кремневые отщепы, обломок каменной литой формы, костяные проколки, пряслице, заготовка пряслища, костяные поделки
2	14 (—1,66 м)	1,1 × 0,8 × 0,58	туфельковидная	супесь	фр-ты керамики (49 экз.), кремневые и галечные отщепы (9 экз.), кусок слюды, костяная проколка
3	15 (—1,85 м)	0,8 × 0,71 × 0,4	туфельковидная	супесь	фр-ты керамики (39 экз.), кремневые отщепы (18 экз.), кусок слюды, обломок бронзового наконечника ремня, фр-т железного изделия
4	26, 20 (—1,43 м)	1,34; 1,72 × 1,64; 1,45 × 1,23	цилиндрическая	супесь, суглинок, глина, древесные угли	фр-ты керамики (74 экз.), кости животных, кремневые отщепы (5 экз.), костяная игла, бронзовый браслет, обломки зернотерок (2 экз.), заготовки пряслиц (2 экз.), каменный оселок, костяное лощило, обломки жерновов, обломки морских ракушек, куски глиняной обмазки, (6 экз.), куски керамического шлака, косточка персика

* Цифры в скобках — уровень расположения в слое.

** Размеры хозяйственной ямы (диаметр устья, диаметр дна, глубина).

1	2	3	4	5	6
5	21 (—0,92 м)	1,42 × 1,34 × 1,58	цилинд.	супесь, суглинок, древесные угли, вкрапления мела	фр-ты керамики (96 экз.), кости животных, кремневые отщепы (5 экз.), куски глиняной обмазки (2 экз.), костяная игла, фр-т алебастровой формы сосуда
6	16, 23 (—2,06 м)	1,62 × 1,7 × 1,12	цилинд.	супесь, суглинок, вкрапления мела	фр-ты керамики (101 экз.), каменные плиты (6 экз.), костяные проколки, пряслице, заготовка пряслища, кремневые орудия, обломок морской ракушки, персиковая косточка
7	24 (—2,46 м)	1,36 × 1,36 × 1,15	цилинд.	зола, суглинок	фр-ты керамики (24 экз.), кости животных, кремневые отщепы, кусок прокаленной глиняной обмазки, костяная игла, костяная проколка, обломок рога, обломок зернотерки
8	14 (—2,14 м)	1 × 1 × 1,03	цилинд.	суглинок, зола, суглинок	фр-ты керамики (85 экз.), кости животных, камни, обломок каменной чаши, костяной черешковый наконечник стрелы
9	15 (—2,84 м)	1,2 × 1,3 × 1,3	цилинд.	зола, суглинок	фр-ты керамики (61 экз.), кости животных, кремневые отщепы, куски глиняной обмазки
10	14 (—2,18 м)	1,36 × 1,36 × 0,77	цилинд.	суглинок, зола, куски древесного угля	фр-ты керамики (61 экз.), кости животных, обугленные зерна злаковых, обломок зернотерки, кремневые отщепы, фр-т пряслища, каменная бусина

1	2	3	4	5	6
11	10 (—2,84 м)	$1,24 \times 1,24 \times 0,7$	цилинд.	зола	фр-ты керамики (21 экз.), кости животных
12	6 (—2,16 м)	$1,3 \times 1,3 \times 1,82$	цилинд.	зола, прокаленная глина, суглинок	фр-ты керамики (52 экз.), кости животных, куски прокаленной глиняной обмазки, морская ракушка
13	17 (—2,75 м)	$1,7 \times 1,7 \times 2,05$	цилинд.	зола, суглинок, древесные угольки	фр-ты керамики (93 экз.), кости животных, кремневые и галечные отщепы, обломки камней, морские ракушки, орудия из рога, куски глиняной обмазки
14	28 (—2,46 м)	$1,86 \times 1,28 \times 0,84$	конусовид.	зола, известь, супесь	фр-ты керамики (35 экз.), камни (10 экз.), кости животных, каменное грузило, обломки зернотерок, заготовка пряслица, фр-т железного изделия
15	2 (—1,63 м)	$1,7 \times 1,8 \times 1,05$	цилинд.	зола, прокаленная глина, суглинок	фр-ты керамики (65 экз.), кости животных, обломок каменной чашиступы, заготовка пряслица, сердоликовая бусина, морская ракушка, фр-ты глиняной обмазки
16	32 (—2,32 м)	$1,36 \times 1,36 \times 1,67$	цилинд.	зола, прокаленная глина, суглинок	фр-ты керамики (49 экз.), кости животных, обломок железного ножа, каменная крышка сосуда, фр-ты глиняной обмазки с отпечатками прутьев

1	2	3	4	5	6
17	27 (—2,64 м)	$1,6 \times 1,6 \times 0,79$	цилинд.	супесь	фр-ты керамики (17 экз.), кости животных, обломок зернотерки, заготовка пряслица
18	7 (—2,64 м)	$1,6 \times 1,6 \times 0,4$	цилинд.	зола, известь	фр-ты керамики (23 экз.), кости животных, обломок каменной чашиступы, заготовка пряслица, куски глиняной обмазки, шелуха зерновых
19	19 (—2,07 м)	$1 \times 1,15 \times 0,82$	конусовид.	супесь прокаленная	фр-ты керамики (56 экз.), кости животных, куски глиняной обмазки
20	1, 13 (—2,2 м)	$1,54 \times 1,54 \times 1,28$	цилинд.	зола, золистая супесь	фр-ты керамики (34 экз.), кости животных, обломки алебастровых форм сосудов
21	21 (—2,78 м)	$1,16 \times 1,16 \times 0,59$	цилинд.	зола, золистая супесь	фр-ты керамики (45 экз.), кости животных, кусок глиняной обмазки, кремневый отщеп
22	3, 5 (—2,91 м)	$1,32 \times 1,32 \times 0,76$	цилинд.	зола, золистая супесь	фр-ты керамики (56 экз.), кости животных, обломок очажной подставки (?), ракушка
23	18 (—2,11 м)	$1,4 \times 1,4 \times 1,1$	цилинд.	суглинок, известь, древесные угольки	камни (13 экз.), костяное шило, персиковая косточка, фр-ты керамики (36 экз.)

1	2	3	4	5	6
24	23 (3,27 м)	2 × 1,4 × 0,45	конусовид.	супесь, древесные угольки, обломки обгорелых веток	фр-ты керамики (29 экз.), кости животных, куски глиняной обмазки, кремневое оружие
25	11 (—2,52 м)	0,86 × 1,66 × 1,46	конусовид.	супесь, угольные простои	фр-ты керамики (13 экз.), кости животных, фр-ты глиняной обмазки
26	6 (1,78 м)	1,1 × 1,5 × 1,76	конусовид.	супесь, древесные угольки, глина, зола	фр-ты керамики (7 экз.) керамическое пряслище, кости животных, камни
27	9 (—3,80 м)	1,3 × 0,9 × 0,65	конусовид.	зола, суглинок	фр-ты керамики (22 экз.), кости животных, обломки зернотерки
28	10 (—4,40 м)	1,1 × 1,2 × 1,12	туфелько-видная	глина, зола	фр-ты керамики (43 экз.), кости животных, камни, кремневое оружие

прокалению (дно некоторых ям было выложено крупными обломками стенок сосудов). В табл. 2 приведены параметры хозяйственных ям Паласа-сыртского поселения, а также характер их заполнения.

Как видно из приведенных данных, на Паласа-сыртском поселении были в основном распространены ямы цилиндрической формы с вертикальными стенками (19 экз.). Ямы усеченно-конусовидной формы (расширение ко дну) и ямы туфелькообразной формы (расширение в одной из стенок ямы) являются на поселении единичными (соответственно 5 и 2 экз.).

Большая часть хозяйственных ям средних диаметров (1,2 × 1,86 м), выявлено только шесть ям с диаметром до 1 м и одна — диаметром 2 м. Ямы рылись неглубокие (0,4—1,3 м), лишь одна яма имела глубину 2,05 м.

Значительная часть хозяйственных ям, судя по заполнению, использовалась как накопитель хозяйственного мусора. Но, видимо, это вторичное использование ям. Находки в некоторых ямах зерен и шелухи злаковых (№ 10, 18), тщательность отделки стен и дна (обмазка, прокаливание, обкладка дна фрагментами стенок сосудов) дают возможность считать, что часть хозяйственных ям использовалась в качестве хранилищ зерна или погребов.

Выше мы отмечали, что развал сооружения из камня, основание которого выявлено в хозяйственной яме № 18 (кв. 7), являлся, по всей видимости, стенками зернохранилища (рис. 3). Верхний уровень хозяйственной ямы № 18 удалось выявить на глубине — 2,64 м, глубина сохранившейся части ямы составила 0,4 м (абсолютная отметка дна ямы — 3,05 м). Яма имела в разрезе цилиндрическую форму (диаметр устья 1,6 м), ее дно было тщательно обмазано слоем глины. Нижний ряд кладки остатков каменного сооружения, выявленного в кв. 7, находился на дне хозяйственной ямы № 18 (северо-восточный и восточный сектор ямы). Высота каменной стенки в северо-восточном секторе составила 1,01 м, в восточном — 0,43 м. Общая глубина ямы, если принять за глубинную отметку устья ямы верхние слои каменного развала в кв. 7, составляет 1,44 м. В юго-восточном секторе хозяйственной ямы № 18, у ее края на глубине — 2,64 м было выявлено углубление от столба диаметром 0,22 м, заполненное древесными остатками темно-коричневого цвета (рис. 3). Заполнение ямы № 18 состояло из золы с различными включениями и извести (толщина 0,03 м). На дне хозяйственной ямы под слоем извести, а также в пространстве между каменной кладкой ямы были обнаружены растительные остатки (шелуха от зерен проса?).

Хозяйственная яма № 18, являвшаяся зернохранилищем, имела не только каменные стенки, но и верхнее перекрытие, а возможно, и входное отверстие, о чем свидетельствует наличие столбовой конструкции.

Характер бытовых и хозяйственных построек, выявленных на Паласа-сыртском поселении, свидетельствует об укоренившихся традициях оседлого быта населения. Все типы жилищ отличались

прочностью, были рассчитаны на длительный период функционирования. Для обогрева жилищ использовались каминные — зольные ямы, заполненные прокаленными речными голышами, а также очаги открытого типа. Последние использовались также для приготовления пищи. О прочном оседлом быте жителей поселения можно судить также по большому количеству хозяйственных и зольных ям, сооруженных вблизи жилищ (на 130 кв. м площади раскопа № 1 выявлено 36 ям различного назначения). Бытовые постройки жителей Паласа-сыртского поселения, несмотря на свою стационарность, содержали конструктивные детали традиционной для кочевников юрты — жердевая основа, переплетение основных тонкими ветками, камышом. Взаимовлияние оседлоземледельческих и кочевых традиций сказалось не только на домостроительстве жителей Паласа-сыртского поселения. Оно затронуло также производственную деятельность населения, идеологические представления, отразилось на социальных процессах (1, с. 11—12; 2, с. 76).

ЛИТЕРАТУРА

1. Гмыря Л. Б. Раскопки Паласа-сыртского поселения // Тез. докл. науч. сес., посвящ. итогам экспедиц. исслед. Ин-та ИЯЛ в 1984—1985 гг. Махачкала, 1986.
2. Гмыря Л. Б. Некоторые черты материальной и духовной культуры населения приморских степей Дагестана в раннесредневековый период // Задачи советской археологии в свете решений XXVII съезда КПСС: (Тез. докл.). М., 1987.
3. Гмыря Л. Б. Изделия из кости и рога Паласа-сыртского поселения // Промыслы и ремесла: древнего и средневекового Дагестана. Махачкала, 1988.
4. Гмыря Л. Б. Орудия труда Паласа-сыртского поселения (по материалам раскопок 1986—87 гг.) // Тез. докл. науч. сес., посвящ. итогам экспедиц. исслед. Ин-та ИЯЛ в 1986—88 гг. Махачкала, 1988.
5. Хроника Захария Ритора // Пигулевская Н. Сирийские источники по истории народов СССР. М.: Л., 1941.
6. Агафий. О царствовании Юстиниана / Пер. М. В. Левченко. М.: Л., 1953.
7. Нечаева Л. Г. О жилище кочевников юга Восточной Европы в железном веке (I тыс. до н. э. — первая пол. II тыс. н. э.) // Древнее жилище народов Восточной Европы. М., 1975.
8. Ал Мукаддасий. Из книги «Лучшее из делений для познания климатов» / Пер. и прим. Н. А. Караулова // СМОМПК. Тифлис, 1908. Вып. XXXVIII.
9. Ал Истахри. Книга путей и царств / Пер. и прим. Н. А. Караулова // Там же. 1901. Вып. XXIV.
10. Плетнева С. А. От кочевий к городам // МИА. 1967. № 142.
11. Археология СССР: Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981.
12. Магомедов М. Г., Гмыря Л. Б. Итоги раскопок Андрейаульского городища // АО — 1977. М., 1978.
13. Магомедов М. Г. Образование Хазарского каганата. М., 1983.
14. Гаджиева С. Ш. Кумыки. М., 1961.
15. Гаджиева С. Ш. Материальная культура кумыков. Махачкала, 1960.

16. Гаджиева С. Ш., Османов М. О., Пашаева А. Г. Материальная культура даргинцев. Махачкала, 1967.
17. Гаджиев М. С. Южный Дагестан в III—V вв. н. э.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1982.
18. Кудрявцев А. А. Великий город на Каспии. Махачкала, 1982.
19. Кудрявцев А. А. Раскопки богатого средневекового здания в жилом квартале средневекового Дербента // Археологические памятники раннесредневекового Дагестана. Махачкала, 1977.
20. Хан-Магомедов С. О. Дербент. Горная стена. Аулы Табасарана. М., 1984.
21. Кудрявцев А. А. Древний Дербент. М., 1982.

К ИЗУЧЕНИЮ АРХИТЕКТУРЫ СРЕДНЕВЕКОВОГО ДЕРБЕНТА (VIII—XIII вв.)

Архитектура средневекового Дербента как вид монументального искусства складывалась в процессе исторически обусловленного социально-экономического и политического развития города и воплощала в себе многие черты материальной и духовной культуры местного общества. В образах архитектурных сооружений нашли отражение сложные философские воплощения и эстетические восприятия различных слоев населения города, социальная природа зодчества и крупные политические идеи дербентского общества феодальной поры. Выработанные в этот период принципы застройки и основы градостроительной системы Дербента, типология его массовых жилищ, дворцовых комплексов и городских ансамблей, конструкции и приемы строительной техники являются важнейшими факторами развития архитектуры города, показателями зрелости ее композиционных и художественных решений.

Архитектура средневекового города, представленная грандиозными оборонительными постройками, разнообразными жилыми зданиями и культовыми памятниками, дает яркое представление об уровне культурного развития Дербента VIII—XIII вв.

Изучение архитектуры раннесредневекового Дербента показывает, что этот вид искусства стоял в городе на высоком уровне и развивался под влиянием переднеазиатских и средиземноморских строительных традиций античного мира, неразрывно сливавшихся с местными. Лучшие образцы фортификационной, гражданской и культовой архитектуры Дербента свидетельствуют о применении здесь передовой строительной техники, высоком искусстве обработки и укладки камня, использовании новых архитектурных конструкций и традиций градостроительства. Сохраняя свое оборонительное назначение и максимально приспособляясь к рельефу местности, раннесредневековый город однако отличался регулярной квартальной застройкой, спланированной согласно канонам сасанидского градостроительства.

В архитектуре Дербента нашли распространение сооружения базиличного и крестово-купольного типа, сложноплановые дворцовые комплексы с постройками самого разнообразного назначения, включавшие парадные залы с мощными колоннами, а также, вероятно, традиционные для сасанидской архитектуры айваны — открытые с одной стороны помещения с параболическим сводом. Наряду с плоскими перекрытиями, здесь применялись ложный, коробовый и, видимо, полуциркульный своды, купол на тромпах, плоские клинчатые перемычки.

Дальнейшее развитие архитектуры Дербента средневекового периода во многом базировалось на культурных традициях ранне-средневекового города.

Строительная техника в средневековый период претерпела определенные изменения. Прежде всего они коснулись размеров облицовочных блоков, которые значительно уменьшились по длине и ширине, а также стали более тонкими, что облегчило всю конструкцию стены. Изменение размеров блока было связано с новыми задачами, стоявшими перед архитектурой Дербента. Грандиозное по масштабам фортификационное строительство уступило место широкому гражданскому, связанному с бурным ростом средневекового города. Это не могло не сказаться на строительной технике и приемах обработки камня. Исчезла строгая стандартизация блоков, уменьшилась толщина стен, наиболее распространенными стали облицовочные плиты размером $0,30—0,60 \times 0,25—0,50 \times 0,10—0,15$ м. В это время уже почти не применяется способ кладки со строгим чередованием тычковых и ложковых плит облицовки. Широко стали употреблять блоки вытянутой формы типа бруска размером около $0,5—0,8 \times 0,25—0,35 \times 0,25—0,3$ м, укладываемые не в облицовку, а сплошь в монолитную кладку с обычной перевязкой.

В период XI—XIII вв. появилась рустованная кладка из блоков небольших размеров и более широко стал применяться жженный кирпич, из которого теперь возводили не только отдельные конструкции, как в сасанидское время, но и целые сооружения.

Наибольший расцвет строительства из кирпича приходится на XI—начало XIII в. Для периода VIII в. отмечено применение жженого кирпича более крупных размеров, $27—30 \times 27—30 \times 4,5—5,5$ см, что было связано с значительной преемственностью и влиянием сасанидских строительных традиций на архитектуру города раннеарабского времени. В IX—XIII вв. размеры кирпича уменьшились и стали соответствовать строительным стандартам всего средневекового Востока: $18—24 \times 18—24 \times 4—4,5$ см.

Средневековый период, ознаменовавшийся экономическим подъемом города, расцветом его ремесла и торговли, был связан с дальнейшим развитием гражданской, культовой, общественно-бытовой и оборонительной архитектуры Дербента. Количество новых памятников в фортификационной системе города этого времени невелико. Наиболее значительными из них являются полукруглые башни в восточной и южной стенах цитадели и города, новые ворота и перестроенные проемы старых раннесредневековых ворот в цитадели и городских стенах.

Арабское завоевание не внесло значительных изменений в сложившуюся систему оборонительных сооружений Дербента. Арабы в основном восстанавливали разрушенные участки стен города и цитадели, используя при этом заготовленные еще при Сасанидах блоки или заменяя их аналогичными по форме и размерам. Однако арабскую кладку в стенах Дербента отличает более строгая го-

ризонтальность рядов и отсутствие скосов на боковых гранях блоков, способствовавших прочному закреплению облицовки.

Военно-политическая обстановка на Кавказе в X—начале XIII в. и социально-экономическое развитие средневекового Дербента привели к изменению роли отдельных частей его фортификации в обороне города и цитадели, что способствовало появлению новых сооружений, укрепивших в основном цитадель. Все полукруглые средневековые башни, кроме неоднократно перестраивавшейся башни восточной стены, выполнены из рустованного камня размером $0,2—0,35 \times 0,2—0,25 \times 0,18—0,2$ м, уложенного на известковом растворе и служащего облицовкой бутовому заполнению стен. Рустованная кладка довольно часто использовалась при строительстве средневековых оборонительных сооружений Кавказа и известна на многих памятниках Армении XI—XII вв. (1, с. 110), таких как крепости Каянберд, Леванкла, цитадель Аназарбы, морская крепость Корикоса (1, с. 110, 116, 121, рис. 1, 10). К периоду XI—XII вв. относятся и оборонительные сооружения Дербента, выполненные техникой рустованной кладки. Из всех средневековых памятников фортификационного искусства Дербента, построенных из рустованного камня, несколько необычно выглядят башни-выступы на стыке стен цитадели и города. Они представляли собой и башни цитадели, и часть городских стен. Их значительная высота около 15—20 м и длина до 12—20 м позволяла контролировать подходы к цитадели и давала возможность обстреливать пространство у восточной ее стены с флангов и даже с тыла, а также препятствовала проникновению сюда по самим городским стенам.

Определенные изменения в средневековый период произошли в архитектурном облике оборонительных стен, и были они связаны с появлением новых ворот Дербента и перестройкой уже существовавших. Бурная застройка межстенной территории города и развитие его внутренней топографии привели к возникновению большого количества ворот и перестройке старых раннесредневековых проемов. Ворота Дербента не только играли значительную роль в системе обороны города, но и служили архитектурным украшением его стен. Их оформление разнообразило строгую монолитность оборонительных сооружений Дербента и оживляло их грозный фасад. Из всех памятников фортификационного строительства Дербента ворота — своего рода парадные подъезды города — представляют по своему оформлению наиболее значительный архитектурно-художественный интерес. Наибольшим декоративным убранством отличаются двое главных ворот города: северные, именуемые Кырхляр-капы (араб. Баб ал-Джихад), и южные — Орта-капы, а всего к 1720 году в Дербенте существовало 16 ворот (в северной стене — четверо, в южной — шесть, двое ворот в цитадели и четверо — в поперечных стенах) (2, с. 126—127).

В северной стене, при арабах и в последующие периоды, перестраивались ворота Кырхляр-капы, единственные из всех ворот, существовавших здесь в сасанидское время. Проем ворот был

устроен в стене еще в первой половине VI в. в период возведения последней и перекрыт плоской клинчатой перемычкой. Ворота отличаются богатым декоративным оформлением, существование которого засвидетельствовал уже арабский автор начала X в. Ибн ал-Факих. Наиболее интересными деталями архитектурного украшения ворот являются декоративные колонны, завершающиеся скульптурными изображениями львов, высотой до 70 см. Еще два несохранившихся изображения львов на этих воротах известны по описаниям Ибн ал-Факиха.

Богатством декоративного убранства отличаются и другие древнейшие ворота Дербента — Орта-капы, проем которых был устроен в южной стене также еще при строительстве ее. Как и сама стена, они построены несколько позже северных ворот Кырхляр-капы, скорее всего во второй половине VI в. Ворота перекрыты плоской клинчатой перемычкой с зубчато-резным замковым камнем, заглубленной в пиши, образованные разгрузочной стрельчатой аркой. Проем ворот фланкирован прямоугольными глухими башнями, внешнее пространство между которыми, шириной около 8 м, перекрыто декоративной стеной, прорезанной одной большой и двумя маленькими стрельчатыми арками, опирающимися на круглые каменные колонны со сталактитовыми капителями. Над маленькими арками по камню вырезаны сталактиты, а средняя арка имеет богато профилированный архивольт. О времени возведения декоративной стенки среди исследователей нет единого мнения. Одни, опираясь на высеченную дату перестройки ворот (1043—1044 гг.), датируют ее XI в. (3, с. 139), а другие, по аналогиям с памятниками Азербайджана — XIV—XV вв. (4, с. 39; 2). Последняя датировка кажется мне более достоверной. Сами ворота были украшены скульптурным водометом в виде изваяния льва, аналогичного по изображению скульптурам Кырхляр-капы. Длина его 112 см, высота 57 см, ширина 40 см. Канал для отвода воды диаметром около 5 см проходит через тело зверя, начинаясь площадкой размером 10×34 см на спине и заканчиваясь отверстием в пасти льва. Остальные ворота города по своему оформлению значительно уступают двум главным. Они появились в период наибольшего развития города в IX—XIII вв., но в отличие от парадных ворот, не были столь богаты архитектурными украшениями. Здесь можно отметить ворота Джарчи-капы (араб. Баб ал-Мухаджир), перестраивавшиеся в 1108 г. х. (1696—97 г.) и 1811 г. получившие полуциркульное перекрытие взамен стрельчатого. Верхняя часть ворот была украшена декоративными стрельчатыми зубцами. В сторону этих ворот вел выявленный раскопками подземный ход, устроенный в северо-восточном углу цитадели и тянувшийся вдоль северной городской стены.

Ворота Даш-капы (араб. Баб ал-Имара), устроенные в северной стене, вероятно, в IX—XI вв. были перекрыты плоской клинчатой перемычкой, замененной в процессе ремонта лучковой. До 40-х годов нашего века сохранилось пять из восьми фигурных каменных крошштейнов, на которые, видимо, опирался парапет

ворот. Эти разобранные к настоящему времени, ворота отличаются наибольшей простотой оформления и декоративного убранства.

Ворота южной стены Баят-капы (араб. Баб ал-Мактуб) также относятся к одним из самых ранних и были возведены при Сасанидах или в раннеарабское время. До начала XVIII в. они имели стрельчатый проем, который был позднее заменен полуциркульным. Эти ворота имели два арочных проема, наружный и внутренний. С наружной стороны они фланкированы двумя полукруглыми башнями. Оформление арочных проемов состоит из полуциркульных архивольтов и пилястр.

Еще одни ворота южной стены Дубары-капы несколько напоминают вышеописанные. Они имеют фланкирующие прямоугольные выступы, вероятно, пристроенные к сасанидской стене в средневековый период, которые вместе с выступами проема выполняли роль парадной арки с двумя проемами с внешней и внутренней стороны. Рядом с воротами — две надписи XII в., возможно, относящиеся ко времени строительства ворот.

Цитадель города имела двое ворот, одни из которых (восточные) существовали при Сасанидах, а другие (западные) — появились в средневековый период. Западные ворота цитадели (Горские) были фланкированы с внешней стороны двумя прямоугольными выступами (один из них образован изломом стены) и перекрыты плоской клинчатой перемычкой. Эти ворота, вероятно, были устроены в X в., когда значительно понизилась опасность с севера в связи с разгромом Хазарии. По верху ворота оформлены парапетом с бойницами. Восточные ворота цитадели, именуемые Нарын-кала-капы (араб. Баб ал-Алкам) устроены фактически в подпорной стене, так как перепад внутреннего и наружного уровня поверхности цитадели достигает более 5 м. Над переходом было возведено здание, опиравшееся на две мощные стрельчатые арки. Сам проем перекрыт лучковой перемычкой с фигурными камнями, а над ним сейчас имеется большая строительная надпись с именем шаха Аббаса. С внутренней стороны ворот сохранились каменные профилированные кронштейны, а южный угол имеет фигурное оформление в виде трехчастной колонны. Не исключено, что эти обращенные в город ворота могли иметь более богатое декоративное убранство, утраченное при многочисленных перестройках. Остальные ворота Дербента не сохранились или целиком утратили первоначальный вид при позднейших реставрациях.

Жилые постройки наиболее широко представлены в архитектуре средневекового города. По архитектурно-строительным достоинствам и планировочным решениям их можно разделить на три группы, каждая из которых заключала в себе и социальную характеристику данного типа сооружений. К первой группе относятся крупные сложнопланные дворцовые комплексы, ко второй — значительные по размерам, но более простые по планировке богатые дома представителей городской знати, и к третьей — небольшие

дома с простейшими архитектурными решениями, служившие жилищами торгово-ремесленного люда.

Дворцовая архитектура средневекового Дербента представлена тремя строительными комплексами, относящимися к VIII—X вв., концу X—началу XII в., XII—середине XIII в. Дворцовый комплекс правителя города арабского времени весьма близок по размерам и планировке дворцовым сооружениям сасанидского периода. Здесь выявлены помещения жилого, общественно-бытового, административного назначения, в основании которых лежат стены раннесредневекового комплекса. Подобно дворцу сасанидского правителя, архитектурный комплекс VIII—X вв. был обращен фасадом в город, и у восточной стены цитадели выявлено большое помещение с колоннами из жженого кирпича, а также строения с остатками каменных баз и стволов колонн. Эта часть дворцовых сооружений с колоннами арабского периода располагалась южнее зала с колоннами комплекса сасанидского времени. Колонны построек арабского периода отличаются от сасанидских по форме и материалу. Они имеют квадратную форму и выложены из жженого кирпича размером 22×22 — 24×22 — 24×4 —4,5 см. Сечение колонн размером около 50×50 см. Поверхность их богато орнаментирована резным шtukом. Наряду с кирпичными колоннами, среди многочисленных архитектурных конструкций дворцового комплекса отмечены находки фигурных каменных баз колонн диаметром от 0,25 м до 0,46 м, а также фрагментов стволов колонн диаметром около 0,2—0,4 м, орнаментированных каннелюрами, и резных фигурных капителей из камня. Небольшие размеры ряда каменных баз позволяют предполагать, что наряду с кирпичными и каменными колоннами, в архитектурном оформлении строений средневекового дворца использовались и деревянные. Большинство каменных баз колонн имеет восьмигранную или округлую форму и орнаментированы резьбой.

Остатки рухнувших перекрытий и аналогии в конструкциях сохранившихся памятников этого периода свидетельствуют, что в дворцовых сооружениях комплекса VIII—X вв. широко применялись плоские клинчатые перемычки, стрельчатые арки, стрельчатые арочные своды и купола.

В этот период получили распространение очаги из хорошо обработанного камня и из жженого кирпича. Их вертикально-вытянутая форма и небольшая закопченность очагов, при сильной прокаленности стенок, свидетельствуют о том, что они служили только для обогрева. Очаги, обнаруженные в хозяйственно-бытовых помещениях и использовавшиеся для приготовления пищи, отличаются от первых в конструктивном отношении. Обычно они были заглублены в землю и имели каменную обкладку или обмазку из толстого слоя прокаленной глины. Широко были распространены очаги типа тондыров. В стенах ряда помещений комплекса отмечены специальные каналы, служившие, видимо, для обогрева и составлявшие часть отопительной системы дворца.

Дворцовые комплексы конца X — середины XIII вв., перенесен-

ные в северо-западную часть цитадели, несколько уступают по размерам аналогичным сооружениям арабского времени, но превосходят их по богатству интерьера. Конструктивные приемы и техника возведения кладки комплекса конца X — начала XII в. мало чем отличаются от строительной техники дворцовых сооружений VIII—X вв. Здесь отмечена аналогичная архитектурному комплексу последняя кладка из крупного, хорошо отесанного местного камня на известковом растворе и разнообразные строительные конструкции из жженого кирпича и обработанного камня. Остатки рухнувших арочных сводов и перемычек, а также многочисленные детали их конструкций свидетельствуют о широком распространении в дворцовой архитектуре X—XIII вв. этого типа перекрытий. В отличие от сооружений комплекса арабского времени здесь не обнаружено следов применения крупных плоскоклинчатых перемычек, но в большом количестве найдены «замковые» камни, характерные для стрельчатых арок, которые в этот период, видимо, вытеснили первые. Подобно дворцу VIII—X вв., в помещениях обоих комплексов в северо-западной части цитадели найдено значительное количество каменных баз колонн, свидетельствующих о применении колонн в архитектуре дворцовых сооружений X—XIII вв. Однако база комплексов конца X — начала XII в. и XII — середины XIII в., имея весьма близкие параллели по формам с аналогичными конструкциями предшествующего времени, отличаются от них меньшими размерами. Учитывая, что в дворцовых комплексах X—XIII вв. не обнаружено квадратных колонн из жженого кирпича и остатков круглых каменных стволов колонн, можно предположить более широкое использование здесь деревянных колонн, которые в значительной мере заменяют кирпичные и каменные. Уменьшение роли массивных каменных и кирпичных колонн в архитектуре дворцовых сооружений этого времени во многом было связано с сокращением размеров помещений комплексов и широким распространением в конструкции перекрытий стрельчатых арок и сводов. Наряду с этим в несущих стенах помещений дворцов конца X — середины XIII в. появляются прямоугольные выступы-пилястры, служившие опорными площадками аркам перекрытий.

Стены помещений дворцового комплекса конца X — начала XII вв. были богато орнаментированы резным штукатурным, цветной штукатуркой, росписями. В большом количестве найдены самые разнообразные резные архитектурные детали: фрагменты карнизов, наличников, архивольтов, арок, кронштейнов, консолей, пяточные камни, обломки плит с растительным и геометрическим орнаментом и надписями, нередко выполненными «цветущим куфи».

Дворцовый комплекс XII — середины XIII в. мало чем отличается по планировке и архитектурному оформлению от сооружений X — начала XII в., но выполнен из другого строительного материала. Стены его возведены из жженого кирпича, основанием которым послужили каменные постройки более раннего комплекса X — начала XII в. Кирпич размером $20 \times 20 \times 4,5$ см уложен на

известковом растворе прекрасного качества, который по прочности превосходит сам строительный материал. Комплекс XII — середины XIII в. в основном сохранил то же размещение построек административного и хозяйственно-бытового назначения, что и предшествующий. Значительно различаются по своим конструктивным особенностям и назначению лишь северо-западные части дворцовых комплексов. В вышележащем комплексе XII — середины XIII в. стены в этой части сооружения не сплошные, а выложены отдельными участками с прямоугольными выступами-пилястрами для арочного перекрытия или купольного свода. Пол в помещении этой части дворцового помещения выложен из тщательно отесанных крупных каменных плит размером около $1,2 \times 0,7 \times 0,3$ м. В центральной части пола в плитах отмечены отверстия, вытянутые по прямой линии, сориентированной по оси восток-запад. Необычная планировка помещения позволяет предполагать, что отверстия могли служить для установки каких-то астрономических инструментов. Из других сооружений дворцового комплекса XII — середины XIII в. надо отметить небольшой бассейн в юго-западной части комплекса, устроенный из двух П-образных брусков, вырезанных в монолите, и выложенный по дну плитами.

Стены дворцового комплекса XII — середины XIII в., подобно нижележащему, богато оформлены резным штукатурным и цветной штукатуркой. Отмечено большое количество архитектурных деталей, резных камней, фрагментов плит с надписями и орнаментацией.

Крупные бытовые постройки, выявленные в верхней привилегированной части города, дают представление об архитектурных особенностях жилищ господствующих слоев дербентского средневекового общества. Исследованные здесь в процессе раскопок дома представителей феодальной верхушки города отличаются значительными размерами, высоким качеством строительного материала и богатством интерьера. По строительной технике и конструктивным приемам кладки они мало чем отличаются от дворцовых комплексов правителей города, но значительно уступают им по размерам и сложности планировки. Подобно первым, дома знати возводились из крупного, тщательно отесанного камня и жженого кирпича характерных для архитектуры средневекового Дербента размеров, уложенных на известковом растворе. Все выявленные раскопками постройки жилого назначения имели прямоугольную форму и были соориентированы продольной стороной по оси север-юг. Вход обычно устраивался в восточной стороне здания, являвшейся его фасадом, обращенным в сторону моря. Так как эта привилегированная часть города расположена на восточном склоне дербентского холма, хотя и не столь крутом, как у подножья цитадели, многие жилые постройки имеют восточную стену более высокую, чем западную. Стены достигали 4—5 м и более высоты при толщине 1—1,3 м. Широко применялись клинчатые и арочные перемычки, стрельчатый арочный свод и черепичная кровля. Наиболее четкое представление о жилищах феодальной

и торгово-ремесленной знати средневекового Дербента дает крупное кирпичное здание, выявленное в районе его общественно-торгового центра, у южной стены города. Здание существовало весьма длительный период времени, от начала VIII в. до середины — конца XIII в. Четыре мощных известковых пола, расположенных в хронологической последовательности один над другим, связаны с четырьмя периодами обживания здания в данную эпоху. Сооружение имеет четкую прямоугольную форму, вытянуто по продольной оси с запада на восток и достигает в длину около 25 м при ширине 8,3 м. Основанием ему служил заглубленный в землю фундамент из камня высотой 1—1,2 м, толщиной 1,5 м. Стены толщиной 1,3 м и высотой более 3 м сложены из крупного жженого кирпича, размеры которого (28—29×28—29×5 см) характерны для архитектуры города VIII в. Типична для этого времени и техника кладки стен на известковом растворе, толщина которого в горизонтальных рядах равна толщине кирпичей. Многочисленные находки черепицы с высоким бортиком, типичной для VI—VIII вв., и отдельных фрагментов рухнувшей черепичной кровли свидетельствуют о применении подобной кровли в перекрытии здания на первом этапе его существования, в VIII—начале IX в. В последующие периоды, вероятно, в связи с усовершенствованием конструкции перекрытия и более широким распространением арочного свода, подобная черепица меньше использовалась и находки ее в культурных наслоениях здания немногочисленны.

В период IX—начала XI в. внутреннее пространство здания было разделено перегородкой на две части, одна из которых играла роль парадного зала, а другая — помещения жилого и хозяйственно-бытового назначения. В первом помещении были обнаружены лишь небольшие очаги-камины, служившие для обогрева, а во втором отмечены и крупные тондиры, на которых готовили пищу. Стены сооружения были покрыты прекрасным резным штукатуром. В один из последних периодов существования здания, скорее всего в XII—XIII вв., у него появился еще один этаж, для чего были вырублены крупные ниши в его кирпичных стенах.

Жилища торгово-ремесленного люда, составлявшего основную часть населения средневекового города, отличающиеся небольшими размерами одно- или двухкамерных помещений, построенных обычно из грубообработанного или бутового камня на глиняном растворе. Подобно основной массе гражданских построек Дербента, они обращены фасадной частью на восток к морю и вытянуты с севера на юг. Дома имели в большинстве своем глинобитные полы и плоскостровельные перекрытия с земляным и кировым покрытием. Ни черепичных кровель, ни арочных сводов, ни стен из кирпича и крупных каменных плит, ни других сложных конструкций в бытовой архитектуре нижней части города не было отмечено.

В особый тип архитектурных сооружений города надо выделить его многочисленные водохранилища, игравшие огромную роль в жизни средневекового Дербента. Первые водохранилища, согласно данным письменных источников, были построены в Дербен-

те еще при Хосрове Ануширване, а позднее этому виду сооружений города много внимания уделял Маслама.

Наиболее подробно сообщает о водохранилищах Дербента автор X в. Балами, который употребляет несколько терминов, характеризующих эти архитектурные сооружения города: хоуз, жай, чашмэ и аб (5, с. 95). В средневековой арабоязычной и ираноязычной литературе существует многочисленная терминология, относящаяся к системе водоснабжения, среди которой есть упоминаемые Балами: хоуз — водоем, пруд; чашмэ — ключ, родник, источник; жай (жей) — водоем, водохранилище; аб — вода, хранилище воды (6, с. 116—117).

Наибольшее представление об этом типе архитектуры средневекового Дербента дают два водохранилища VIII—XIII вв., расположенные в цитадели и в верхней части города.

Водохранилище, расположенное в цитадели, представляет собой прямоугольное сооружение, ориентированное продольной стороной по оси восток-запад. Торцевая восточная часть водохранилища, использовавшегося в XIX—XX вв. как склад, сильно перестроена и в ней был устроен проход, а западная часть строения почти целиком заглублена в землю. Сооружение имеет весьма значительные размеры и достигает в длину 19,3 м, в ширину — 8 м, высоту — более 7 м. Оно перекрыто внушительным стрельчатым сводом пролетом 8 м, укрепленным дополнительно двумя стрельчатыми арками, опирающимися на прямоугольные выступы-пилястры, которые разделяют помещение на три равных отсека длиной по 6,5 м каждый. От дверного проема вниз водохранилища ведет более поздняя лестница, а в западном торце имеется небольшой арочный проем для забора воды. С этой же целью устроены два квадратных отверстия в своде, по центру осевой линии.

Не менее значительно по размерам водохранилище в верхней части Дербента. Оно расположено рядом с Кильса-мечетью и караван-сараям, выходило восточным торцом на базарную площадь, имело прямоугольную форму и было вытянуто по оси восток-запад. В длину оно достигало 17,4 м, в ширину — 7,4 м, в высоту — свыше 10 м. Цистерна перекрыта мощным стрельчатым сводом пролетом 7,4 м, укрепленным четырьмя стрельчатыми арками. Арки опираются на прямоугольные выступы-пилястры размером 1,2×1,2 м. В верхней части восточного торца водохранилища имеется проем с лестницей, ведущей внутрь, а в своде, по осевой линии его устроены два квадратных отверстия для забора воды.

Оба водохранилища отличаются массивными стенами, сложенными из хорошо обработанного крупного камня на известковом растворе. Размеры блоков и техника кладки типична для сооружений раннеарабского времени, что позволяет относить возникновение этих водохранилищ к VIII—IX вв. Водохранилище в городе функционировало и в послемонгольское время, о чем свидетельствуют многочисленные находки керамики XIII—XVII вв., обнаруженные в мощных слоях скопившегося здесь ила.

В городе известно еще два подобных водохранилища несколько меньших размеров.

Наряду с прямоугольными водохранилищами, перекрытыми стрельчатыми сводами, отмечены и квадратные в плане сооружения, возведенные также из тщательно обработанного камня на известковом растворе. Одно из них существует в цитадели, а остатки другого обнаружены несколько к западу от района Джума-мечети, ближе к южной стене города. Квадратные водохранилища отличаются небольшими размерами (в цитадели $2,65 \times 2,65$ м, в городе $3,8 \times 3,8$ м) и перекрыты каменными куполами.

Судя по данным письменных источников, водохранилища и фонтаны города имели богатое архитектурно-декоративное убранство и являлись одними из высокохудожественно оформленных памятников города. Арабские авторы X в. Ибн ал-Факих и Я'куби сообщают о «водоеме Масруф», расположенном у ворот Дербента, в который вела лестница для спуска за водой, украшенная по бокам изваяниями двух львов и человека с лисницей у его ног, держащей в пасти кисть винограда (7, с. 25; 8, с. 6—9). Фонтан, находившийся у главной мечети, стоявшей посреди базарных площадей, отмечает в своих описаниях города Мукаддаси (9, с. 9).

Особую группу архитектурных памятников средневекового Дербента составляют его бани, из которых до настоящего времени сохранилось пять построек. Возведение или перестройка четырех из них может быть отнесена к периоду XV—XVII вв. Одна из бань города, расположенная в его верхней части, несколько западнее торговых площадей средневекового Дербента, датируется местными преданиями VI в., что нашло отражение и в ряде путеводителей. Однако архитектурно-археологические обследования этого сооружения, проведенные нами в 1971—72 гг., позволяют относить возведение основной подземной части бани лишь к средневековому периоду, хотя и установлено, что в основании ее лежат более древние постройки IX—X вв., видимо, аналогичного назначения.

Стены и перекрытия бань возведены из хорошо обработанного местного камня — ракушечника, скрепленного известковым, а в послемонгольский период и глиняным раствором. Исследования показали, что в архитектурно-планировочном решении дербентские бани, представлявшие собой традиционный тип восточной (персидской) средневековой бани, не претерпели особых изменений вплоть до начала XIX в.

Дербентские средневековые бани — это сводчато-купольные сооружения значительных размеров с весьма сложной планировкой. Общая площадь бани достигает 300—600 кв. м, лишь баня в цитадели, обслуживавшая правителя города, имеет несколько меньшие размеры. По своему устройству и планировке дербентские бани почти не отличаются друг от друга и даже баня правителя в цитадели в основных чертах аналогична городским.

Основу планировки бань составляют два центральных зала площадью от 70 до 120 кв. м, перекрытые каменными куполами, опира-

ющимися обычно на подпружные арки. В центре купола оставляется световое отверстие. Первый зал квадратной, реже восьмиугольной формы служит для раздевания. Здесь в каждой из сторон зала имеются глубокие ниши шириной и длиной до 2—3 м, перекрытые стрельчатыми сводами, в которых посетители раздевались и оставляли одежду. Здесь же имелись специальные небольшие нишки для обуви. В центре зала располагался восьмиугольный бассейн с водой для омовения ног. Из первого зала узкий коридор, перекрытый стрельчатым сводом, ведет горячую часть бани, состоящую из центрального зала и 4—8 отсеков, перекрытых арочными сводами и куполами. Здесь имеется два бассейна для холодной и горячей воды, расположенные в отсеках. К горячей части бани примыкают два крупных отсека, перекрытые стрельчатыми сводами, для горячей и холодной воды, которые соединены с помещениями для мытья небольшими арочными проемами, служащими для подачи воды.

Вода нагревается специальной топочной печью, расположенной под полом резервуара. От нее горячий воздух расходится по каналам, расположенным под полом, по всем помещениям бани, нагревая их.

Все помещения бань, состоящие из двух основных залов и значительного числа отсеков, разделенных столбами и арками, перекрыты тщательно продуманной системой сводов и куполов.

До нас не сохранилось внутреннее декоративно-художественное убранство отсеков и бассейнов бань, но судя по исследованиям в цитадели, оно применялось для оформления интерьера подобных сооружений. В бане правителя города широко применялись поливные кирпичи и плитки, изразцы с подглазурной росписью, фигурная кирпичная кладка, сталактиты. Вероятно, отдельные виды подобного убранства могли украшать интерьеры и городских бань.

Значительное место среди архитектурных памятников средневекового Дербента занимали караван-сарай. В городе, являвшемся в IX—середине XIII в. одним из крупнейших центров международной и местной торговли, этот вид сооружений должен был получить большое распространение. До недавнего времени в Дербенте сохранялись остатки трех караван-сарая, выходивших на главную торговую площадь средневекового города (10, с. 90).

С южной стороны площади был расположен самый крупный из них, существовавший еще до начала 60-х годов XX века. Он запечатлен на рисунке А. Олеария 1638 г. и более поздних изображениях Дербента. Караван-сарай представлял собой крупное сооружение квадратной формы размером около 50×50 м с внутренним двором и большим количеством помещений, входивших в него.

Об архитектурных особенностях караван-сарая позволяет судить монументальный парадный портал, оформлявший его фасад, обращенный на торговую площадь. Портал, сложенный из тщательно обработанного камня-ракушечника, представлял собой арочный вход шириной 2,4 м, перед которым была расположена

перекрытая стрельчатым сводом лоджия, в боковых стенах которой устроены стрельчатые ниши (10, с. 90). Над входом имелся камень с плохо сохранившейся надписью. Это сооружение, не отличавшееся богатством архитектурного оформления и декора, представляло собой памятник, типичный для строений подобного назначения как самого Дербента, так и средневековых городов Востока.

Культовая архитектура средневекового Дербента наиболее ярко представлена соборной мечетью города, перестроенной в первой половине VIII в. из христианского храма. Планировка и архитектурные особенности этого сооружения уже были описаны мной в связи с исследованиями христианских памятников раннесредневекового города, но перестройка его в главную мечеть Дербента внесла определенные изменения в первоначальную композицию.

В процессе перестройки в основном изменилась центральная часть здания, где было выделено квадратное в плане подкупольное пространство. Оно представляет собой квадратный зал мечети, перекрытый стрельчатым куполом диаметром 9,3 м, опирающимся на восемь подпружных арок. Купольный зал мечети выходит за пределы контуров всего сооружения и образует выступ на восточном фасаде мечети, вынос которого около 6,75 м. Толщина стен квадратного зала более чем в два раза превышает толщину стен основного здания, толщина купола на уровне его окон около 0,9 м. С северной стороны зал соединяется с центральным нефом мечети через арочные проемы. Купольный зал освещается тремя окнами в южной стене и четырьмя проемами размером $0,95 \times 0,65$ м в нижней части купола.

С восточной и западной стороны квадратного купольного зала устроены двухъярусные галереи, открывающиеся в подкупольное пространство, на которые ведут лестницы из восточного нефа здания мечети. В южной стене купольного зала устроен михраб. Выше подпружных арок внутренняя поверхность перехода от стен к куполу и основание его украшены широким сталактитовым фризом.

С внутренней стороны купола декоративная кирпичная кладка образует орнаментальные рисунки, подчеркнутые разными цветами кирпича (возможно, окрашенного и поливного). Малый купол покрыт штукатуркой с частично сохранившимися росписями. Фигурная кирпичная кладка отмечена и в арочных сводах нефов, особенно в центральном нефу с зеркальным сводом. Здесь наряду с декоративными фигурными рисунками имеются и арабоязычные надписи, включенные в общую композицию орнамента.

Внутренние стены мечети были украшены несохранившимися сейчас резными штукатурными рельефами (11, с. 12).

Из наружного декоративного убранства мечети можно отметить фигурные водометы, разнообразные граненые колонки с квадратными капителями в восточной и северной стене мечети, сталактиты, стрельчатые килевидные ниши, профили в западной стене,

профилированные карнизы, подкарнизные фриз, фигурные пороги и другие резные каменные украшения на фасадах здания.

Купольное перекрытие имела и центральная секция средневекового нефа. Граненый стрельчатый купол на парусах диаметром 4 м опирался на столбы, которые были утолщены до 1,2 м в продольном направлении.

В северной стене сооружения, напротив купольного зала с михрабом и центральной секции, перекрытой граненым куполом, был устроен главный вход в мечеть. Он представлял собой монументальный портал со стрельчатой аркой, выступающей за наружную грань фасада северной стены. Ширина стрельчатой арочной ниши портала 3,25 м, ширина прямоугольного проема двери 2 м. В северной стене имеются еще три небольших входа со стрельчатыми арочными проемами шириной около 1,4 м, высотой до 2 м. В арочной нише главного портала имеется надпись с датами возведения мечети в 115 г. х. (733—34 гг.) и восстановления ее после разрушения в 770 г. х. (1368—69 гг.) архитектором Тадж ад-Дином (12, с. 120—121).

В VIII в. к восточной стене здания было пристроено кирпичное сооружение, состоявшее из трех помещений, два боковых из которых были перекрыты кирпичными арочными сводами, а центральное имело плоскостное перекрытие. Центральное, наиболее крупное помещение кирпичной пристройки было обращено на восток большим арочным проемом, а также соединялись меньшими проемами с боковыми помещениями, имевшими прямоугольные окна. Из центрального помещения вел проем через восточную стену мечети в северный неф ее (3, с. 142), что позволило видеть в нем еще один вход в мечеть с восточной стороны (13, с. 218). Думается, что данная пристройка из кирпича действительно оформляла еще один важный вход в мечеть с восточной стороны, из нижней части города, где располагалась основная часть его населения — торгово-ремесленный люд. Поперечная стена, отделявшая «верхний» город от «нижнего», примыкала здесь к восточному торцу Джума-мечети таким образом, что все сооружение оставалось на территории первого. В раннесредневековый период, когда данное сооружение было христианским храмом, вход был с западной стороны, а за поперечной стеной, примыкавшей к восточному торцу храма, территория почти не обживалась. В арабское время, в связи с бурным развитием шахристана, большая часть населения оказалась в нижнем городе и доступ крупных масс, молящихся в Джума-мечети, был сильно затруднен из-за поперечной стены. Тогда и был устроен вход в восточной стене здания, который, не нарушая сложившуюся социальную топографию средневекового города, открыл свободный доступ в соборную мечеть всем мусульманам Дербента.

Крупные размеры жженого кирпича, из которого возведена пристройка, игравшая роль портала, и строительная техника, в которой выполнена кладка, дают основание относить постройку этого сооружения к VIII в. Так, здесь был применен кирпич характер-

ный только для VIII в. размером 29×29×5 см, уложенный на известковом растворе, горизонтальные швы которого равны толщине кирпича. Этот конструктивный прием применялся также в архитектуре VIII в. Прочность раствора столь значительна, что разобрать кладку невозможно, кирпич уступает по прочности раствору и разрушается быстрее, чем отделяется от общей массы стены, а это исключает повторное применение его в более поздние периоды с подражанием древним приемам кладки.

Арабские авторы IX—X вв. сообщают, что наряду с соборной Джума-мечетью Маслама построил еще четыре квартальные мечети (по данным «Дербент-наме» — семь) по числу выделенных им в городе кварталов (магалов), но они не сохранились до наших дней. Несколько мечетей (в каждом квартале) было построено в городе в правление халифа Гаруна ар-Рашида, и строительство их продолжалось почти при каждом известном правителе Дербента в течение всего средневекового периода.

В начале XIX в. в городе насчитывалось 15 мечетей, четыре из которых, имевшие купола, были перестроены или заново возведены не позднее XV в. (10, с. 70).

В большинстве своем мечети Дербента, так же как и Джума-мечеть, были с куполами и не имели минаретов (10, с. 70). Не исключено, что некоторые из сохранившихся мечетей были перестроены из ранних квартальных мечетей VIII в. или возведены на их древних фундаментах.

Таким образом, изучение архитектуры средневекового Дербента позволило показать, что этот вид монументального искусства стоял в городе на очень высоком уровне.

Археологическое исследование разнохарактерных средневековых памятников позволило впервые в дагестанской историографии проследить пути становления и генезиса фортификационной, жилой, культовой архитектуры средневекового города и показать влияние Дербента на развитие застройки городов средневекового Дагестана, на сложение градостроительных традиций на Северо-Восточном Кавказе.

Местное зодчество опиралось в своем становлении на лучшие достижения архитектуры развитых областей Ближнего и Среднего Востока, Средиземноморья, Закавказья, которые дополнялись и перерабатывались в соответствии с дагестанскими строительными традициями.

В этот период в средневековую архитектуру Дербента, а через него и других городов Дагестана, прочно вошли новые конструктивные элементы, приемы строительной техники и материала: сводчатые и коробовые перекрытия, купола, клинчатые и стрельчатые арки, округлые и квадратные колонны с разнообразными базами и капителями, облицовочная кладка из плит (в раннесредневековой архитектуре с чередованием «ложков» и «тычков»), кладка из сырцового и жженого кирпича, известковый раствор и др.

Одновременно в жилом и хозяйственно-бытовом строительстве продолжают широко применяться традиционные местные приемы

и конструктивные особенности возведения сооружений: плоскостные кровельные перекрытия, прямоугольные дверные и оконные проемы с балочным перекрытием, бутовый камень, глиняный раствор и многое другое.

Подобное сочетание местных и пришлых элементов в архитектурных традициях средневекового Дербента отмечено и в его квартальной застройке, планировке и ориентации жилищ, динамике развития.

Главной особенностью становления и развития средневековой архитектуры Дербента являлся неразрывный симбиоз местных и закавказско-ближневосточных строительных традиций, приведший к сложению здесь своей архитектурной школы, оказавшей большое влияние на городскую архитектуру всего Дагестана и многих областей Восточного и Северного Кавказа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Халипахьян О. Х. Строительные особенности и декоративное убранство крепостей древней Армении // Архит. наследство. М., 1972. Вып. 20.
2. Хан-Магомедов С. О. Ворота Дербента // Там же.
3. Артамонов М. И. Древний Дербент // СА. 1946. № 8.
4. Бакланов П. Б. Архитектурные памятники Дагестана. Л., 1935. Вып. 1.
5. Шихсанов А. Р. Арабские источники IX—X вв. о Дагестане: Ат-Табари. История пророков и царей / РФ ИИЯЛ. № 4803.
6. Истриевский Н. П. Земледелие и аграрные отношения в Иране XIII—XIV вв. М., 1960.
7. Ибн ал-Факих. Из «Книги о странах» / Пер. и прим. Н. А. Караулова // СМОМПК. Тифлис, 1902. Вып. XXXI.
8. Якуби. История / Пер. П. К. Жузе // Материалы по истории Азербайджана. Баку, 1927. Вып. IV.
9. Ал-Мукаддаси. Лучшее из делений для познания климатов / Пер. и прим. Н. А. Караулова // СМОМПК. Тифлис, 1908. Вып. XXXVIII.
10. Хан-Магомедов С. О. Дербент. М., 1958.
11. Дибиров П. М. Архитектурная резьба Дагестана. М., 1966.
12. Лавров Л. И. Эпиграфические памятники Северного Кавказа. Т. I. М., 1966.
13. Хан-Магомедов С. О. Джума-мечеть в Дербенте // СА. 1970. № 1.

Д. М. Атаев, М. С. Гаджиев, М. Д. Сагитова

КУЛЬТОВЫЕ СООРУЖЕНИЯ АРКАСА

Проблемы проникновения и распространения христианства и ислама в Дагестан давно привлекают внимание исследователей. Важное место в освещении различных аспектов этих проблем отводится изучению памятников культовой архитектуры, как сохранившихся до наших дней, так и ставших известными благодаря археологическим изысканиям. И каждое вновь открытое культовое сооружение эпохи распространения христианства или ислама в Дагестане заслуживает пристального внимания. Среди круга вопросов указанных проблем несомненный интерес вызывает исследование процессов христианизации и исламизации в Нагорном Дагестане в X—XI вв., где эти процессы протекали весьма специфично и приобретали своеобразные черты. Связано это с тем, что в своем движении в горы ислам столкнулся не только с «языческими» представлениями горцев, но и с другой монотеистической религией — христианством, успевшим занять здесь довольно прочные позиции к X—XI вв. и продолжавшим проникать в самые отдаленные горные аулы в последующие века (1, с. 28; 2, с. 202). Культовые сооружения Аркаса, о которых пойдет речь ниже, являются одним из немногочисленных архитектурных памятников Нагорного Дагестана этой эпохи, отразивших в своем развитии, как нам представляется, борьбу двух мировых религий. К сожалению, до настоящего времени они не были введены в научный оборот, не привлекли внимания специалистов, хотя со времени их открытия минуло 25 лет.

Аркаское городище, расположенное на границе гор и предгорий на высоте свыше 1600 м над уровнем моря, занимает восточные склоны горы Шишилик близ современного аварского аула Аркас (Буйнакский р-он). Крупные размеры городища (свыше 26 га), трехчастная его структура (цитадель, собственно город, рабад), развитая оборонительная архитектура, наличие дворцовых и культовых сооружений, следы ремесленных производств позволяют видеть в нем один из крупных средневековых городов Дагестана. Развалины города сохранились на пологом трапециевидном скальном плато, окруженном отвесными скалами и глубокими каньонами и имеющим доступ только с расширенной напольной северо-восточной стороны. Выразительность городища, его руины давно привлекали к себе внимание исследователей: в конце XIX в. его посетили

А. В. Комаров, В. Ф. Штейн, а в 1950-е гг. — археологи К. Ф. Смирнов, М. И. Пикуль, В. Г. Котович, В. И. Маркович и другие. Направленные археологические работы на Аркасском городище и его могильниках проводились в 1963—1966 гг. экспедицией Института ИЯЛ Дагфилнала АН СССР под руководством Д. М. Атаева. Раскопки дали самый разнообразный многочисленный и ценный материал, позволяющий осветить многие важные проблемы археологии и истории средневекового Дагестана. К сожалению, безвременная кончина автора раскопок не позволила ему в полной мере исследовать полученный материал и ввести его в научный оборот. Обращение к работам Дибира Муслимовича и продолжение начатых им исследований будет знаком уважения к памяти одного из первых дагестанских археологов.

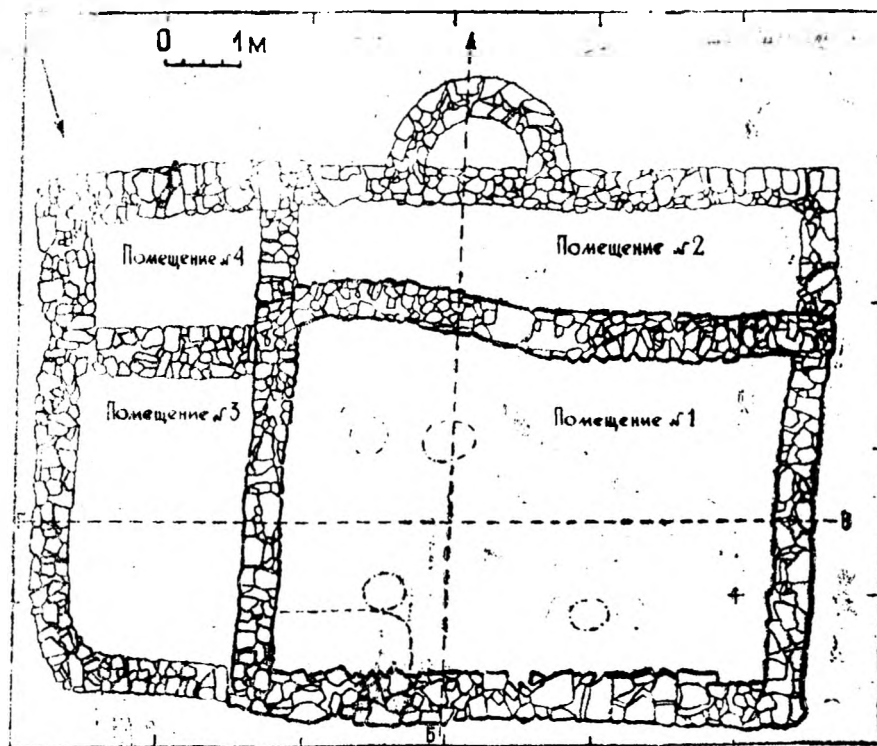

Рис. 1. Городище Аркас. Мечеть № 1. План

Среди целого ряда архитектурных сооружений X—XIV вв. Аркасского городища видное место занимают две мечети, выявленные в 1964 г. (3, с. 39—43; 4, с. 60—68).

Мечеть № 1. Остатки ее были расположены в северо-западной части городища в 12 м к югу от привратных укреплений. Мечеть представляет собой архитектурный комплекс прямоугольной фор-

мы с внутренними размерами $9,2 \times 6,0$ м, включающий несколько помещений (рис. 1, 2).

Здание мечети ориентировано длинной стороной по оси восток-запад с отклонением в 18° и имеет ступенчатый профиль по оси север-юг, обусловленный рельефом местности — мечеть возводилась на склоне, и южный фасад ее расположен значительно выше северного (перепад составляет около 3,0 м). Приспособленное и естественно вписанное в местный ландшафт, оно представляет пример архитектурного решения, присущего старому дагестанскому аулу (5, с. 26).

Стены мечети сохранились в высоту на 0,65—1,3 м при толщине их 0,5—0,7 м. Сложены они из обработанных и бутовых камней на

глиняном растворе. Полom служил плотно слежавшийся суглинок, снивелировавший скальные выходы, и сама ровная скальная порода, покрытые глиняной обмазкой толщиной до 5 см.

Самым крупным в комплексе является помещение № 1 с внутренними размерами $6,5 \times 4,2$ м. Оно имеет в отличие от других помещений более толстые стены (0,65—0,7 м), аккуратно сложенные из правильных, хорошо обработанных камней средних и крупных размеров ($0,2—0,5 \times 0,3—0,7$ м). Стыки всех стен помещения имеют перевязку. Помещение № 1 выделяется своими размерами, характером кладки среди других помещений мечети, которые пристроены к нему. Вход в мечеть, от которого сохранился дверной проем шириной около 0,85 м и каменный порог, находился в северной стене описываемого помещения, у северо-западного угла мечети. В западной стене помещения были выявлены остатки нижней части оконного проема, шириной ок. 0,6 м, оформленного крупными плитами и находившегося на высоте ок. 1,2 м от основания стены. Остатки еще одного дверного проема были выявлены в восточной стене, в северо-западном углу помещения. Проход этот соединял помещения № 1 и № 3 и, видимо, появился позднее, с пристройкой последнего помещения к уже существовавшему зданию. В восточной части помещения № 1 были выявлены четыре зольных пятна округлой формы толщиной 5—8 см и два обработанных, правильной формы блока ($0,45 \times 0,25 \times 0,15$ м) известкового туфа, которые, очевидно, служили базами для опорных столбов, поддерживавших прогон перекрытия и плоский потолок. Под глинобитным полом помещения был выявлен культурный слой толщиной 12—20 см с небольшим количеством фрагментов керамики и костных остатков, свидетельствующий, как и строительные остатки, о двух этапах функционирования данного помещения.

Помещение № 2 примыкает с южной стороны к помещению № 1. Восточная и западная поперечные стены описываемого помещения примыкают к соответствующим стенам помещения № 1, являясь их продолжением, но не имея с ними перевязки. Эти факты указывают на пристроенный характер помещения № 2. Полom его служил ровный скальный выход, обмазанный тонким слоем глины и находящийся на 1 м выше уровня пола помещения № 1. В культурном слое этого помещения были обнаружены остатки пяти деревянных балок, очевидно, поддерживавших потолочное перекрытие. Судя по отчетным данным, видимо, в восточной стене этого помещения находился «оконный» проем, ведущий в помещение № 4. Размеры помещения, расположение его на первом этаже (см. ниже) указывают на его подсобный характер — оно, по всей видимости, представляло подклет и служило для хранения имущества мечети.

Восточную часть мечети занимали помещения № 3 и № 4. Помещение № 3 с внутренними размерами $3,9 \times 2,2$ (2,6) м примыкало к помещению № 1 (и сообщалось с ним дверным проемом), а помещение № 4 (внутренние размеры $2,3 \times 1,7$ м) — к помещению № 2. Стены обоих помещений, сохранившиеся на высоту 0,65—

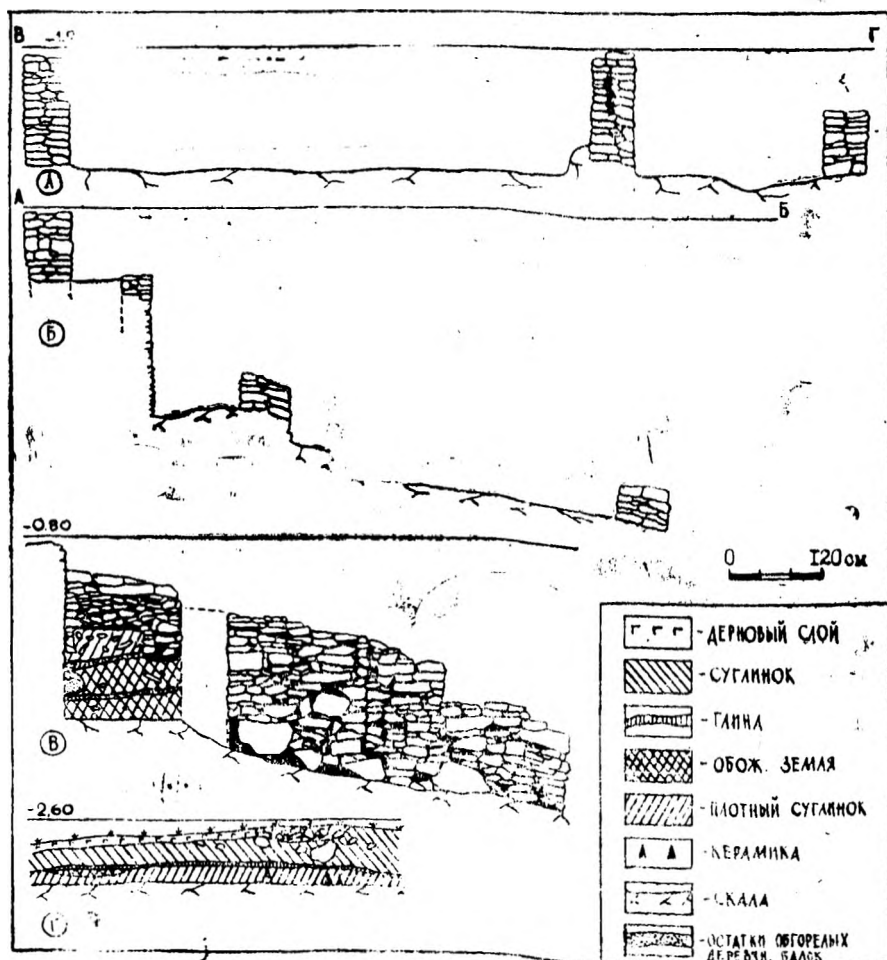

Рис. 2. Городище Аркас. Мечеть № 1. Разрезы и профили

1,3 м при толщине 0,5 м, сложены из необработанных плит мергеля и речного булыжника и так же, как стены помещения № 2, не имеют перевязки со стенами помещения № 1. Эти помещения по наличию в их культурном слое (соответственно толщиной 0,2 м и 0,75 м) значительного количества обломков керамики и костей животных были обозначены автором раскопок как «трапезные».

Михраб — молитвенная ниша в здании мечети, показывающая направление в сторону Мекки (кибла) при выполнении намаза — традиционно расположен в центральной части южной стены и выступает наружу на 1,2 м*, примыкая основанием к скале. Сохранившаяся высота его 1,5 м. Кладка михраба и южной стены мечети имеет перевязку, что указывает на их одновременное строительство. Основание михраба, судя по чертежной документации, лежит на 1,8 м выше уровня пола помещения № 2 и на 2,8 м выше уровня пола помещения № 1. Столь высокое положение михраба по отношению к выявленным помещениям ясно указывает на наличие в мечети второго этажа. Об этом же свидетельствует его положение в центральной части южной стены мечети. В противном случае положение михраба не увязывается с общим планом мечети и не соотносится с помещениями № 1 и № 2, т. к. при предположении, что здание мечети имело один этаж, михраб оказывается чрезвычайно приподнятым, сильно смещенным к востоку по отношению к центральной оси помещений № 1 и № 2, и остается совершенно неясным назначение смежной стены указанных помещений. При наличии же второго этажа мечети все приведенные архитектурные расхождения отпадают. Сказанное и позволяет заключить, что данная мечеть имела два этажа. Нижний этаж занимали описанные четыре помещения, верхний этаж с михрабом занимал молельный зал, имеющий внутренние размеры 9,2×6,0 м (рис. 3). Подобные мечети в два этажа или с полуподвальным этажом встречаются в горных районах Дагестана (5, с. 137). Как и аркасская мечеть, эти мечети возводились на крутом склоне. Наиболее ранние из них — главная мечеть X — нач. XI в. в сел. Кочхюр (5, с. 137, рис. 91; 6, с. 8) и мечеть XV в. в сел. Хпедж (5, с. 140, рис. 92)**.

Этот древний тип мечети оказался довольно устойчивым и известен в значительно более позднее время. В качестве примера можно привести мечети конца XIX — нач. XX в. в сел. Джиг-Жиг и в сел. Ахты (5, с. 137, рис. 90). Чаще всего первый этаж использовался как помещения примечетской школы (медресе), реже — как кладовая мечети, а верхний этаж был предназначен для богослужений, здесь же, естественно, находился и михраб (5, с. 137; 7, с. 74). Очевидно, такое же назначение имели и помещения рассматриваемой мечети Аркаса. Нижний этаж мечети занимали медресе и, возмож-

но, библиотека-мактаба (помещения №№ 1, 3, 4) и кладовая (помещение № 2); верхний — служил молельней.

Существование в Аркасе — одном из крупных средневековых городов Дагестана — духовной школы, где обучались и жили ученики-муталлимы, находящиеся на содержании джамаата, вполне допустимо. Тем более что здесь жил и проповедовал известный шейх Асельдер (ум. 1404 г., похоронен в Аркасе). Наше предположение о возможном существовании в Аркасе медресе опосредованно подкрепляется сведениями Закарийи ал-Казвини (1203—1283)

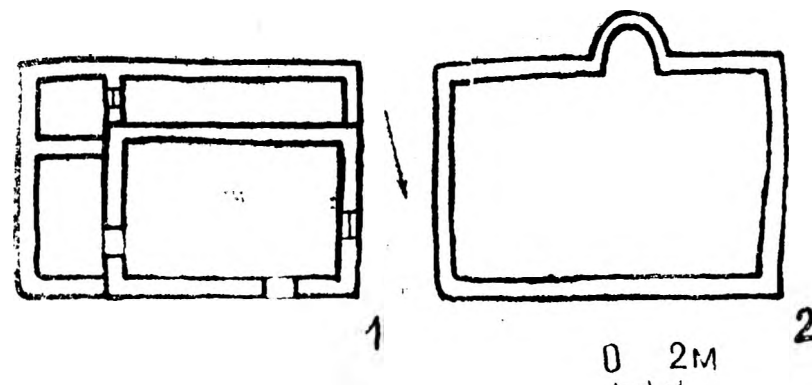

Рис. 3. Городище Аркас. Мечеть № 1. Реконструкция планов первого (1) и второго (2) этажей

о наличии нескольких медресе в Дербенте (8, с. 108) и медресе в Захуре (Цахуре) — «большом, главном городе страны Лакзан» (8, с. 110). Причем последняя, по сообщению арабского географа, основана знаменитым везиром Низам ал-Мулком, организовавшим в 60—90-х гг. XI в. медресе с библиотеками в крупных городах Сельджукского государства: Багдаде, Балхе, Мерве, Мосуле, Нишапуре, Исфахане, Герате, Амале, Басре (9, с. 186—187). К 1404 г. относится и эпиграфическое сообщение о строительстве медресе в Кубачи (6, с. 406, 412). Медресе с библиотеками, распространившиеся по всему мусульманскому Востоку с XI в., существовали в крупных городах, являвшихся культурными, политическими центрами. И наличие таковых в средневековых поселениях Дагестана может свидетельствовать об их социально-экономическом статусе.

Интерес вызывает и топографическая ситуация аркасской мечети № 1. Она расположена, как выше отмечалось, недалеко от городских ворот, причем обращена к ним северным фасадом, который является центральным, судя по нахождению здесь входа в здание. На это указывает и выделяющееся на фоне довольно плотной застройки городища относительно большое свободное про-

* В отчете указывается иная цифра — 1,6 м, определяющая вынос михраба, судя, по плану мечети, от внутренней (а не внешней) грани южной стены.

** При этом необходимо учитывать, что камни с надписями о времени сооружения мечетей использовались часто в более поздних мечетях, возведенных на местах существовавших.

странство перед северным фасадом мечети, выступающее примечательной, городской площадью (10, с. 19). Подобная топография характерна для большинства старинных дагестанских аулов, в которых перед главной мечетью — джума-мечетью (а часто и у обычной мечети) устраивалась по возможности обширная площадь для собраний (7, с. 74) (авар. *годеклан*, анд. *кав*, лезг. *ким*, кум. *очар*, лак. *курча*, урахин., акуш. *гумай*, мекегин., сург. *ккумагъи*, *гумай*, кайтаг. *учар*, цудахар. *ккумас*).

Исследуемая аркасская мечеть примечательна в еще одном аспекте. Судя по ее архитектурным особенностям, она была возведена на месте уже существовавшего здания, каковым выступает крупное помещение № 1. Д. М. Атаев полагал, что это было рядовое сооружение, к которому впоследствии были пристроены новые помещения, преобразованные в мечеть. Некоторые, хотя и незначительные данные позволяют предположить и иное назначение первоначально существовавшего здания, которое, возможно, раскрывается при изучении аркаской мечети № 2.

Мечеть № 2 выявлена у юго-восточного обрывистого края городища, вблизи цитадели. К сожалению, чертежно-графическая документация по ней не сохранилась, но ее описание позволяет реконструировать план мечети (рис. 4). Она имеет прямоугольную

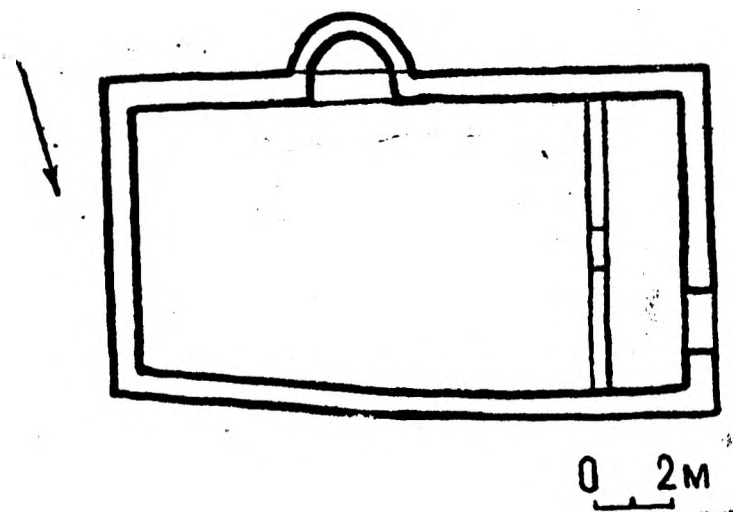

Рис. 4. Городище Аркас. Реконструкция плана мечети № 2

форму с внешними размерами 16×8 (9) м, несколько суживаясь к юго-востоку. Ориентирована она так же, как и мечеть № 1, с небольшим отклонением продольной оси от направления восток-запад. Стены сложены из довольно крупных известковых блоков толщиной до 0,6—0,8 м и сохранились в высоту от 0,7—1,2 м до 2,8 м.

Кладка стен отличается тщательностью и монументальностью. Часть южной стены мечети (на стыке с западной стеной) образована ровным вертикальным скальным карнизом (на высоту 1,3—1,5 м) и выше была наращена каменной кладкой. Мечеть имела два дверных проема: центральный — в западной (поперечной) стене, у ее стыка с северной стеной, и в южной стене, восточнее михраба. Центральный вход, шириной 1,5 м, имел две ступени (высотой по 0,25 м и шириной: верхняя — 0,6 м, нижняя — 0,2 м), ведущие внутрь здания. В западной части здание мечети было разделено невыразительной поперечной каменной кладкой в один ряд на два помещения. Эта кладка не имеет перевязки с продольными стенами мечети, носит пристроенный характер и была возведена на втором этапе функционирования данного сооружения (см. ниже). Данная кладка — перегородка с дверным проемом в центре — разделяла внутреннее пространство мечети на два помещения: основное восточное размерами 14×8 (9) м и западное небольшое узкое размерами $1,9 \times 9$ м, выполнявшее, очевидно, роль притвора. Подобные помещения — притвор или передняя, предназначенные для снятия обуви и верхней одежды перед входом в молельный зал, часто устраивались в мечетях (например, мечети в сел. Тлярш Чародинского р-на, Ботлих и др.). Такие помещения имели одни из древнейших дагестанских мечетей в сел. Кара-Кюре и Кала-Корейш (5, с. 140—142, рис. 94; 11, с. 19, рис. 17). Но нередко роль передней играла открытая галерея на столбах, устраиваемая с центрального фасада мечети и, как правило, обращенная в сторону площади (5, с. 74—92; 7, с. 134—137; 11, с. 12, рис. 7).

В центральной части южной стены восточного помещения находился пристроенный михраб, возведенный из известкового туфа. Глинобитный пол мечети перекрывал по всей площади сооружения насыщенный культурный слой, а в восточной части здания — плитчатую вымостку с завалом туфовых блоков размерами $0,3—0,45 \times 0,2—0,25 \times 0,15$ м. Эти факты дали возможность Д. М. Атаеву назвать данную вымостку алтарной и предположить существование здесь более раннего культового сооружения — языческого святилища или христианского храма, перестроенного впоследствии в мечеть (4, с. 67—68).

Более вероятным нам представляется видеть в первоначальном здании христианское культовое сооружение. На это указывает не только направление здания (имеющееся отклонение от линии восток-запад вполне допустимо, что нередко наблюдается в христианской культовой архитектуре Кавказа этого времени), двухслойный характер памятника; отмеченные поздние архитектурные пристройки (михраб и стена-перегородка), наличие остатков разрушенного алтаря и алтарной вымостки в восточной части здания. Важным представляется и то, что главным фасадом рассматриваемого сооружения выступал поперечный западный фасад (где находился центральный вход) — обычное явление для подобного рода христианских памятников, в то время как для дагестанских мечетей таковым, как правило, являлся продольный южный (где располагался

михраб) и реже — северный (5, с. 134; 7, с. 74). Следует отметить и близкое сходство в плане, размере, пропорциях, расположении входов этого культового сооружения с раннесредневековыми церквями Верхнечирюртовского городища (12, с. 158—164; 13, с. 109—122). Сказанное позволяет полагать, что первоначально аркасская мечеть № 2, очевидно, представляла собой церковь базиличного типа. Не исключено, что такое же назначение имело здание, существовавшее на месте мечети № 1. В пользу этого, по-видимому, говорит одинаковая ориентация сооружений, а также находки в мечети № 1 аналогичных туфовых блоков, из которых, вероятно, был возведен алтарь*. Впоследствии они, возможно, послужили базами опорных столбов мечети — пример вторичного использования, встречаемый в культовой архитектуре (14, с. 6). Отметим, что данное здание имеет размеры, близкие малым церквям зального типа средневековой Грузии и, в частности, недавно исследованным церквям XII—XIII вв. в районе Дманиси (16, с. 109—111).

Наконец, сам факт сооружения мечети на месте существующего здания путем достройки, изменения плана позволяет видеть в последнем возможный культовый памятник. Случай превращения в мечеть предшествовавшего некультового сооружения крайне редки. Нам известны два факта подобной (поздней) перестройки, и оба они связаны с башенными сооружениями, отличающимися своим капитальным видом. Это башни в сел. Макажой (ЧИАССР) (17, с. 255) и в сел. Кубачи (Дахадаевский р-он). Возведение же новых культовых сооружений на месте старых, наоборот, пресекая тем самым идеологическое воздействие последних, являлось широко распространенным явлением, в том числе в средневековой архитектуре Кавказа (18, с. 297; 19, с. 10). Это относится в равной мере как к перестройке языческих святилищ в христианские храмы, так и к превращению последних в мечети. Так, храм Гарни I в. н. э. был превращен в IV в. в христианскую церковь (20, с. 38—40), дворец католикоса в Двине и знаменитый кафедральный собор в Ани были перестроены при Сельджуках в мечети (21, с. 182). Есть все основания считать, что одна из древнейших мечетей страны — Джума-мечеть в Дербенте первоначально являлась христианским базиличным храмом (18, с. 300; 22, с. 141—143; 23, с. 159—160; 24, с. 48—51; 25, с. 129—133).

Наличие на Аркасском городище церквей, а среди населения — христиан до утверждения здесь ислама выглядит реально: XI—XIII вв. в истории Нагорного Дагестана характеризуются активным процессом проникновения христианства со стороны Грузии. Этот факт неоднократно отмечался и рассматривался исследовате-

лями (2, с. 202—205; 26; 27, с. 202—210; 28, с. 211—218; 29, с. 16; 30, с. 37—48). Об этом же свидетельствует местная историческая хроника, повествующая об ожесточенной борьбе жителей Аркаса (Хиркаса) с мусульманами и упоминающая правителей города с христианским именем Арпахурал (2, с. 210—211), а также местное предание об аркассах-христианах (2, с. 211). Среди найденных при раскопках городища предметов имеется подвеска в форме мальтийского креста.

Таким образом, на наш взгляд, есть основания полагать, что аркасская мечеть является сооружением, возникшим на основе более древних культовых зданий — церквей. Время их (церквей) сооружения и функционирования, очевидно, приходится на XI—XIII вв. — более точная датировка, в настоящее время встречает определенные трудности. В дальнейшем, разработка хронологии Аркасского городища и керамического материала из культурного слоя церквей позволит уточнить время их возведения. Перестройку же этих культовых памятников в мечети следует датировать серединой XIII — началом XIV в. — временем интенсивного проникновения и утверждения ислама в Нагорном Дагестане, а их разрушение связывать с гибелью города в результате нашествия Тимура в 1395—1396 гг.

1. Шихсаидов А. Р. Когда и как насаждался в Дагестане ислам. Махачкала, 1962.

2. Шихсаидов А. Р. Ислам в средневековом Дагестане (VII—XV вв.). Махачкала, 1969.

3. Атаев Д. М., Ахмедов Ш., Федоров Г. Отчет о работе Аркасской археологической экспедиции летом 1964 г. Альбом к отчету 1964 г. // РФ ИИЯЛ. Ф. 26. Оп. 1. Д. 11, 11 а.

4. Атаев Д. М. Аркасское городище — памятник раннесредневекового Дагестана // РФ ИИЯЛ. Ф. 26. Оп. 1. Д. 13.

5. Хан-Магомедов С. О. Лезгинское народное зодчество. М., 1969.

6. Шихсаидов А. Р. Эпиграфические памятники Дагестана X—XVII вв. как исторический источник. М., 1984.

7. Любимова Г. Н., Хан-Магомедов С. О. Народная архитектура Южного Дагестана: Табасаранская архитектура. М., 1956.

8. Шихсаидов А. Р. Закарийя ал-Казвини о Дагестане // Источниковедение истории досоветского Дагестана. Махачкала, 1987.

9. Халидов А. Б. Арабские рукописи и арабская рукописная традиция. М., 1985.

10. Атаев Д. М. Аркасское городище — памятник раннесредневекового Дагестана // РФ ИИЯЛ. Ф. 26. Оп. 1. Д. 16.

11. Гольдштейн А. Ф. Архитектурные памятники Кайтага. Махачкала, 1969.

12. Магомедов М. Г. Образование Хазарского каганата. М., 1983.

13. Магомедов М. Г. Новые раннесредневековые культовые памятники в Приморском Дагестане // Обряды и культы древнего и средневекового населения Дагестана. Махачкала, 1986.

* Интересно отметить, что жители совр. сел. Аркас подобные блоки известкового туфа со следами обработки, находящиеся на городище, именуют «тэтыа даг гыуццц!» — «водяной камень» и приписывают им лечебно-магические свойства (информаторы: жители сел. Аркас М. Магомедов и С. Омарова). Подобные сведения имеются и в отчете Д. М. Атаева (15, с. 39). Не существует ли связи между придаваемыми этой породе камня охранительными функциями и использованием его в культовой архитектуре?

14. Глазычев В. П. Эволюция творчества в архитектуре. М., 1986.
15. Атаев Д. М., Абрамова М. П., Криштопа А. Е. Отчет о работе аркаского отряда Дагестанской археологической экспедиции в 1965 г.
16. Джапаридзе В. В. и др. Дманисская экспедиция в 1984 году // Полевые археологические исследования в 1984—1985 гг. Тбилиси, 1987.
17. Марковин В. И. Памятники зодчества в горной Чечне (по материалам исследований 1957—1965 гг.) // Северный Кавказ в древности и в средние века. М., 1980.
18. Тревер К. В. Очерки по истории и культуре Кавказской Албании IV в. до н. э. — VII в. н. э. М.; Л., 1959.
19. Арутюнян В. М. К вопросу о преемственности античных традиций в архитектуре Армении периода раннего христианства // Культурное наследие Востока. Л., 1985.
20. Тревер К. В. Очерки по истории культуры древней Армении. Л., 1953.
21. Акопян Т. Х. Ани — столица средневековой Армении. Ереван, 1985.
22. Артамонов М. И. Древний Дербент // СА. 1946. № 8.
23. Бретаницкий Л. С. Зодчество Азербайджана XII—XV веков и его место в архитектуре Переднего Востока. М., 1966.
24. Кудрявцев А. А. О христианстве в Дербенте // X Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа: Тез. докл. М., 1980.
25. Кудрявцев А. А. Средневековый Дербент как религиозный центр Восточного Кавказа // Обряды и культы древнего и средневекового населения Дагестана. Махачкала, 1986.
26. Шихсаидов А. Р. О проникновении христианства и ислама в Дагестан // УЗ ИИЯЛ. 1957. Т. III.
27. Атаев Д. М. Нагорный Дагестан в раннем средневековье. Махачкала, 1963.
28. Шмерлинг Р. О. Церковь в с. Датуна в Дагестане // Мацне. 1968. № 2.
29. Гамбашидзе Г. Т. К вопросу истории христианства и исторической географии Аварии // Душетская науч. конф., посвящ. проблемам взаимоотношений между горными и равнинными регионами: Тез. докл. Тбилиси, 1984.
30. Марковин В. И. О христианизации горцев Северо-Восточного Кавказа в храме Датуна в Дагестане // Художественная культура средневекового Дагестана. Махачкала, 1987.

М. Г. Магомедов

ОБОРОНИТЕЛЬНЫЕ СООРУЖЕНИЯ ДАГЕСТАНА В X—XIV ВВ.

Арабо-хазарские войны, основной ареной которых был Приморский Дагестан, основательно разрушили бурно развивавшиеся производительные силы региона. В огне пожаров погибли многочисленные и густо населенные города, являвшиеся экономическими и политическими центрами раннесредневековой эпохи. Перестало существовать огромное количество хорошо укрепленных крепостей и обширных поселений. Приняв на себя основную тяжесть агрессии арабов на Кавказе, Прикаспий был основательно разрушен и по свидетельству письменных источников стал безлюдным. Из древней колыбели и твердыни Хазарии он превратился в IX—X вв. в опустошенную южную ее окраину (1, с. 193). Разорение Приморского Дагестана в результате арабо-хазарских войн было столь значительным, что из почти 60 обширных городов и поселений, бытовавших до вторжения арабов на Приморской равнине к северу от Дербента и до р. Терек, жизнь вновь возобновилась только в 6 из них (1, с. 194). Причем жизнь на новых поселениях зарождается в большинстве своем в предгорных долинах Дагестана, защищенных от равнины предгорными хребтами (Исти-су, Андрейаульское поселение, Капчугайское поселение, Губденское, Чакавуркентское городища и др.). Общее количество возродившихся поселений составляет не более 10% прежнего их количества. Примечательно также, что эти поселения значительно уступают своими размерами, а также внутренней планировкой и структурой предшествовавшим памятникам. Сложившиеся в предгорных долинах новые группы поселений могут служить довольно выразительным ориентиром направления перемещения местного населения из разоренного Прикаспия.

Топография новой группы памятников свидетельствует, что в IX—XIV вв. на территории равнинного Дагестана перестали существовать многочисленные поселения оседлых земледельцев, а степи Прикаспия в очередной раз стали ареной безраздельного господства кочевников. Как и во все предшествующие эпохи, с увеличением опасности вторжения новых волн кочевников местное оседлое население покидает Приморский Дагестан и устремляется в предгорья и горы. Поэтому не удивительно, что большинство поселений Дагестана с IX в. оказалось сосредоточенными не на

обширной и благодатной Прикаспийской равнине, выступавшей ранее основной экономической базой региона. Исследования материальной культуры новой группы памятников, очевидно, дадут возможность убедиться в возможной генетической связи их с доарабскими памятниками Приморского Дагестана. Перемещение из Прикаспия в предгорные районы значительной массы населения не только обусловило резко возросшую плотность памятников в предгорьях Дагестана начиная с IX в., но, возможно, явилось и одним из факторов формирования новых городских центров. Примечательно, что здесь представлены и наиболее яркие памятники крепостного строительства, которые позволяют воссоздать уровень достижения фортификационного искусства на новом этапе их развития. Поскольку памятники послеарабской эпохи изучены в Дагестане очень слабо и количество их значительно уступает памятникам предшествующей эпохи, соответственно возникает необходимость и в более тщательной их характеристике. Тем более что памятники фортификации Дагестана послеарабской эпохи до сих пор не введены в научный оборот.

Наиболее выразительным памятником фортификации этой эпохи выступает **Аркаское городище**, расположенное у подножья Гимринского хребта в районе сел. Аркас Буйнакского района ДАССР (2, с. 128), достигающего 1200 м высоты над уровнем моря. Городище занимает территорию довольно крутого склона обширного плато подтреугольной формы, нависающего с юга над сел. Аркас. Боковые стороны плато прорезаны глубокими каньонами, отвесные склоны которых достигают 50 и более метров высоты. Конфигурация городища хорошо прослеживается по стропильным остаткам и особенно по остаткам рельефно сохранившихся оборонительных стен. Их очертания четко воссоздают трехчастную структуру городища. На возвышающейся части плато имеются остатки цитадели, контуры которой повторяют в плане подтреугольную форму вершины плато размерами 60×80 м.

Остатки оборонительной стены, протянувшейся между боковыми склонами обрывистых каньонов, ограждают цитадель с единственно доступного северного направления, где простираются остатки самого городища. Разрываются остатки стены цитадели в северной части, где между разведенными в разные стороны концами стен находился въезд шириной около 2 м. Остатки оборонительных стен с четырьмя небольшими контфорсами сохранились частично с юго-западной стороны, где естественная защита цитадели была недостаточной из-за резкого уменьшения высоты склона плато. Толщина стен цитадели составляет 1,2 м, сохранившаяся высота, особенно на юго-западном участке, достигает 4 м. Они возведены сплошной кладкой из средних и мелких размеров кирпича без употребления скрепляющих растворов.

Ниже цитадели простирается территория городища (3, с. 6—11), площадь которого расширяется и резко понижается по мере удаления от стен цитадели. Как и цитадель, она была ограждена оборонительными стенами с открытого северного направления.

Остатки стен здесь протянулись на 166 м между склонами боковых каньонов ниже стен цитадели. Они также возведены из красного известняка по крутому скальному плато, предварительно выдолбленной для горизонтального выравнивания постелей под ними. Толщина стен и здесь составляет 1,0—1,2 м. Сохранившаяся высота их достигает на отдельных участках 3 м. По мере увеличения высоты наблюдается и заметный уклон стен внутрь. Этот характерный прием, специально предусмотренный для уменьшения метрового пространства перед ними, несомненно, повышал и необходимую прочность стен. Интересно также, что на всем протяжении они служили одновременно и в качестве подпорных стен для примыкающих к ним с внутренней стороны жилых и хозяйственных помещений. Крутизна склона плато достигает на территории городища более 30°. Подобный характер рельефа требовал соответственно сооружения специальных подпорных стен под обращенные к северу фундаменты помещений. Эту роль и выполняли нижние ярусы оборонительных стен городища, которые служили одновременно и в качестве наружных стен этих помещений.

На всем протяжении оборонительной стены городища к ней примыкает семь башен (контрфорсов) четырехугольной формы, сооруженных на расстоянии 20 м друг от друга. Длина башен составляет 2,5—4,3 м, ширина их — в пределах 1 м. Незначительные размеры этих башен, особенно небольшая их ширина, уменьшающаяся кверху из-за уклона стен, придают им облик контрфорсов. Очевидно, что подобных конфигураций оборонительные башни не могли быть предназначены для фланкирования подступов к оборонительным стенам, протянувшимся к тому же по крутым склонам.

Средняя часть остатков стен городища разрывается въездом, устройство которого аналогично въезду в цитадель. На этом участке оборонительная стена, разрываясь, одним концом выгибалась наружу, а другим — внутрь. В прорези между ними были установлены ворота шириной 2,3 м. Для укрепления въезда как наиболее уязвимого участка в системе обороны с наружной его стороны была сооружена привратная четырехугольная башня размерами 4,4×2,4 м, которая замыкала собою наружный изгиб стены.

Ниже оборонительных стен городища и до подножья плато, где расположено селение Аркас, также прослеживаются стропильные остатки в виде выходов развалов стен, а большей частью в виде задерживаемых бугров и ям. Эта территория, также ограниченная с боковых сторон склонами каньонов, являлась посадской частью Аркаского городища, общая площадь которого составляла свыше 26 га (3, с. 16). Оборонительные стены посада, которые, очевидно, проходили по основанию плато, не сохранились. Они разобраны при строительстве сел. Аркас или прикрыты им.

В целом Аркаское городище с четко выраженной трехчастной структурой расположенное на естественно защищенном горном плато, представляло собой важный торгово-экономический и, возможно, политический центр средневекового Дагестана, где переплетались внутридагестанские коммуникации (3, с. 28). Важно от-

метить исключительное значение, которое придавалось месту расположения городища, обеспечивавшему его естественной защитой почти с трех сторон. С единственно открытого северного направления все составные его части были ограждены тщательно продуманной системой оборонительных сооружений. Они, воссоздавая сложную социальную структуру его обитателей, в то же время служили надежной защитой для всех частей городища не только от внешнего, но и от внутреннего врага.

Время бытования городища охватывает IX—XIV вв. На эти хронологические рамки его бытования указывают и остатки оборонительных сооружений, которые по своим конструктивным особенностям резко отличаются от крепостных сооружений предшествующих эпох. И наконец, характерная красноглиняная керамика, орнаментированная обычными для средневековья волнистыми линиями, представленная на городище, является массовым материалом на поселениях Дагестана в IX—XIV вв.

Наряду с Аркаским городищем, в различных районах Дагестана выявлены и частично исследованы многочисленные памятники, укрепленные аналогичными оборонительными сооружениями. Однако чрезвычайно слабая их изученность не позволяет воссоздать все нюансы конструктивных особенностей их фортификационных сооружений. Тем не менее сохранившиеся контуры крепостных сооружений исследованных памятников позволяют проследить общие тенденции фортификационного строительства, а также воссоздать социальную структуру исследуемых памятников и соответственно общества в целом. Очевидно, будущие раскопки этих памятников могут внести отдельные коррективы в наши наблюдения о специфике их крепостных сооружений. Но не исключена и возможность того, что данные об этих памятниках, почерпнутые пока из разведочных их исследований, могут оказаться единственными сведениями о них, поскольку над ними постоянно висит угроза полного уничтожения в результате выборки строительного камня в наш бурный строительный век.

Памятники, как уже отмечалось, несмотря на существенные различия места их расположения, тяготеют в большинстве своем к берегам рек, что объясняется спецификой хозяйства их обитателей. Подобная топография определяет и необходимость их характеристики по соответствующим долинам рек.

Алмакское городище является наиболее выразительным памятником в предгорной долине р. Акташ, хорошо сохранившимся благодаря своему труднодоступному расположению. Не исключена возможность, что подобное недоступное расположение городища нашло отражение и в его названии. По преданию, сохранившемуся среди местного населения, название «Алмак» происходит от слова «Алмас», что означает на тюркском языке «он не возьмет». Вероятно, речь идет о городище, которое было расположено таким образом, что захватить его практически было невозможно. Сохранившиеся остатки городища занимают поверхность отвесных скалистых хребта, защищенного со всех сторон отвесными, до-

стигающими почти 100 м высоты склонами р. Акташ и боковых каньонов. С остальным массивом хребта городище связано узким переешком, удобным для закрытия оборонительной стеной. Следы крепостных сооружений сохранились довольно выразительно. Они протянулись неширокой волнообразной полосой, перед которой сохранились и остатки рва. На городище, простиравшемся на 300×100 м по поверхности скального плато, остались покрытые кустарником завалы стен различных сооружений, встречается здесь также красноглиняная керамика, характерная для памятников X—XIV вв.

Городище Исти-су. Разведочное исследование памятника производилось в 1955 г. в связи со строительством Чирюртовской ГЭС (4, с. 122). Городище расположено на левом высоком берегу Сулака, напротив известного Сигитминского городища. Оно занимает территорию, зажатую с боковых сторон глубокими оврагами надпойменной террасы вытянутой формы, ограниченной с одной стороны системой передовых хребтов и с другой — рекой. С единственно открытой напольной стороны городище, площадь которого составляет 300×100 м, было ограждено оборонительными сооружениями, остатки которых сохранились в виде вала. На отдельных отрезках здесь четко прослеживаются и фрагменты самих стен. Судя по их остаткам, городище укреплялось оборонительной стеной, протянувшейся с западной его стороны, между отвесными склонами боковых оврагов. Толщина стены, возведенной из обработанного песчаника, составляет около 1,0 м. Аналогичной стеной был огражден от городища и небольшой прилегающий к реке участок террасы треугольной формы, где, по всей вероятности, располагалась цитадель городища.

В средней части остатков оборонительных стен городища прослеживается заметное их утолщение. Здесь с наружной стороны остатков стен, наблюдается их разрыв, к которому подходит колей древней дороги. Привратные утолщения или башни, как и сами стены, достигают здесь не более 1,0 м ширины. По конструктивным особенностям остатков оборонительных сооружений и, главное, по аналогии Аркаскому городищу красноглиняной керамике, городище Исти-су датируется X—XIV вв. Следует отметить, что на городище представлены и культурные отложения предшествующей — раннесредневековой эпохи, с характерной сероглиняной керамикой: они залегают, в частности, под остатками более поздних оборонительных сооружений и предшествуют им. Хронологические различия между ними наблюдаются контрастно и между представленными на городище культурными остатками двух эпох.

Эрпелинское городище расположено в 2 км к северу от сел. Эрпели Буйнакского района. Оно занимает покатую поверхность террасы левого берега р. Шура-озень. С двух сторон территория поселения ограничена глубокими и отвесными склонами р. Шура-озень и смыкающегося с ней бокового каньона. Поверхность поселения протяженностью около 300 м и шириной 60 м сливается

с остальным массивом прибрежной платформы через узкий пере-
шеек. Можно предположить, что с этой стороны поселение было
ограждено и оборонительной стеной. Неподступный характер рас-
положения поселения, со всех сторон огражденного обрывистыми
склонами реки, свидетельствует о важном значении, придававшемся
выбору места для него. Территорию поселения пересекает с се-
вера на юг новая автодорога, ведущая в с. Эрпели со стороны
г. Буйнакск. По всей площади поселения, и особенно вдоль боко-
вых склонов новой дороги, обнажены культурные напластования,
которые насыщены обломками разнообразной по назначению крас-
ноглиняной керамики с заштрихованной и заглаженной внешней
поверхностью. Черепки некоторых из них имеют в изломе серый
цвет. Наибольший процент среди керамики составляют венчики
и боковины толстостенных сосудов, поверхность которых покрыта
бессистемной штриховкой, а также вертикальными и горизонталь-
ными штрихованными линиями и реже орнаментом в виде защи-
пов. Лишь несколькими фрагментами на поселении представлена
серолощенная керамика верхнечирюртовского типа, орнаменти-
рованная врезными линиями.

На основании собранной с поселения керамики хронологи-
ческие его рамки могут быть установлены в пределах VIII—XIV вв.

Могильник поселения находится в 500 м к северо-западу от не-
го, на левом берегу бокового каньона, по склону которого спуска-
ется автодорога в сторону Эрпели. Место это известно под назва-
нием «Атлан». В ответных обнажениях склонов, обращенных
в сторону реки, виднеются остатки полуразрушенных склонов, воз-
веденных из мелкого речного плитняка и перекрытых массивными
плитами. Исследования склепов не производились, но видно, что
они основательно ограблены.

Городище Хуригох является наиболее интересным памятником,
выявленным в окрестностях сел. Верхний Каранай Буйнакского
района. Оно расположено к югу от урочища Чабчах и в 2 км к во-
стоку от селения, занимая несколько вытянутую к северо-востоку
вершину холма, рельефно возвышающегося среди раскинутых
здесь колхозных полей (5, с. 37). Высота холма составляет 40—
50 м. Его крутые (возможно и экспарпированные) и достигающие
до 45° крутизны, склоны служили довольно надежной естествен-
ной защитой городища, территория которого не используется летом
во время сенокосов. Наиболее крутые и покрытые лесом юго-вос-
точные склоны холма сливаются с древним оврагом, у подножия
которого расположен единственный в округе источник воды.

На территорию городища ведет используемая и в настоящее
время колея древней дороги шириной 1—1,5 м, пробитая нанеко-
сь по западному склону холма. Округлая, соответствующая конфи-
гурации вершины холма площадь городища достигает 250 м длины
и около 180 м ширины. Стронительные остатки бытовавших здесь
сооружений из камня хорошо прослеживаются на наиболее возвы-
шающейся южной его стороне. К северу они частично выбраны

под стронительный камень и от бывших здесь строний сохранились
лишь террасообразные площадки. Интересно отметить, что не-
смотря на основательную естественную защищенность городища,
она была дополнительно укреплена и оборонительными стенами,
остатки которых сохранились по юго-восточным, более пологим
склонам хребта. Керамический материал, собранный на террито-
рии городища, представлен многочисленными фрагментами крас-
ноглиняных и серолощенных сосудов. Красноглиняные обломки
покрыты с внешней стороны бессистемной штриховкой, имеют
в изломе характерный серый цвет. Обломки некоторых красногли-
няных сосудов орнаментированы елочным вдавленным орнамен-
том. Встречаются здесь также фрагменты розоватых сосудов
с рифленой поверхностью, а также орнаментированные горизон-
тальными или волнистыми линиями. Причем керамика с орнамен-
том из врезных прямых и волнистых линий преобладает на фраг-
ментах серолощенных сосудов верхнечирюртовского типа. По ха-
рактеру керамики городище Хуригох является двухслойным па-
мятником. Характерная красноглиняная и серолощенная керамика
позволяет датировать городище в пределах VII—XIV вв.

Агачкалинское городище № 1 расположено у сел. Агачкала
Буйнакского р-на, занимая округлую вершину плато, вытянутого
с юга на север в урочище «Бакалы-Коль», в 1,5 км к северо-восто-
ку от села. Городище выделяется своей планировкой среди анало-
гичных по культуре поселений, цепью протянувшихся вдоль обоих
берегов р. Атлан-озеня. Повторяя в плане вытянуто-овальные
очертания естественно защищенного плато Ташарк, поселение име-
ет вид неприступной крепости. С трех сторон оно имеет почти от-
весные, достигающие 50 м высоты склоны к реке. По краю менее
крутого восточного и частично северного края поселения тянется
валообразная полоса остатков оборонительных сооружений. На
поверхности поселения, протянувшегося с юга на север на 280 м
при ширине 80 м, сохранились слабо заметные контуры задерно-
ванных остатков жилых и бытовых сооружений из камня. На по-
тревоженных при выборке камня участках прослеживаются и скоп-
ления культурных отложений, насыщенных красноглиняной и ре-
же сероглиняной керамикой. Раскопки Агачкалы, начатые в 1948 г.
К. Ф. Смирновым (6, с. 91), были возобновлены Северодагестан-
ской экспедицией в 1980 г. (7, с. 100; 8, с. 99). В процессе раско-
пок этих лет на поселении исследованы 0,3—0,5 м культурные от-
ложения, насыщенные бытовой утварью и разнообразной керам-
кой. Сохранились здесь и остатки четырехугольных в плане гли-
нобитных и турлужных жилых сооружений на каменных фундамен-
тах. К ним нередко примыкают цилиндрической формы вместитель-
ные хозяйственные ямы, предназначенные для хранения зерна
(9, с. 73). Специальные раскопки оборонительных сооружений
Агачкалы не производились. Однако установлено, что они были
сооружены из камня и имели незначительную, около 1 м, тол-
щину.

Агачкалинское городище № 2 расположено на берегу р. Атлан-

озень. Поселение имеет почти 100 м в ширину и тянется на 300 м узкой полосой вдоль левого берега реки (10, с. 26). Обрывистые, также достигающие более 50 м высоты склоны с надречной стороны и глубокая балка, протянувшаяся к реке с противоположной стороны, служили естественной защитой для поселения с трех сторон. С четвертой — напольной стороны, где возможны были и оборонительные сооружения, продолжение городища и характер бытовавших здесь сооружений проследить невозможно. Здесь разбиты сады и проложена дорога в сторону пионерского лагеря «Космос», в результате чего топография местности коренным образом изменилась. Культурные отложения сохранившейся части поселения наиболее контрастно прослеживаются лишь в надречных обрывистых склонах, систематически разрушающихся рекой. Интересно, что культурные отложения тянутся здесь не сплошной полосой, а отдельными обрывистыми полосками, достигающими 3—4 м длины и 15—25 см толщины. На отдельных участках среди отложений можно наблюдать и обломки вкопанных в землю крупных сосудов-хумов, внешняя поверхность которых покрыта сплошной бессистемной штриховкой. Наряду с ними здесь представлена и керамика характерных розовоглиняных сосудов с заглаженной внешней поверхностью, орнаментированная иногда врезными линиями. Реже встречаются обломки сероглиняных горшков, характерных в основной своей массе для раннесредневековых памятников Приморского Дагестана. В целом, керамика, представленная на поселении, не отличается от керамики Агачкала 1.

Из других памятников, выявленных в долине р. Атлан-озень, представляет интерес городище **Юртлар-тубе**, расположенное между городом Буйнакском и сел. Нижнее Казанище в урочище под названием «Зуннет». Остатки городища находятся в 2 км к востоку от реки Атлан-озень. Оно занимает обширную территорию южной оконечности хребта, известного среди местного населения под названием «Огунны-Булак». Южные склоны ответвления хребта, протянувшиеся сужающейся полосой вниз, в урочище «Зуннет» и составляют основную территорию городища. Оно отделено от остального массива хребта рвом, углубленным здесь до выхода материковых скал. Завалы камня, образовавшиеся над рвом, могут свидетельствовать о бытовании на этой наиболее уязвимой стороне городища и оборонительных стен, возвышавшихся над рвом. Наиболее возвышенная и естественно защищенная часть склона хребта, ограниченная с восточной и южной сторон скальной грядой и с запада крутыми склонами возвышенности, являлась укрепленной цитаделью городища, размерами 45×50 м. Единственная дорога на цитадель сооружена с северной стороны, где до сих пор сохранилась колея древней дороги, перерезающей на этом участке древний вал и ров. Территория самого городища размерами не менее 300×250 м простирается вниз по склону хребта во все стороны от цитадели. На отдельных участках, особенно с южной и западной стороны городища, заметны заросшие кустарником завалы камней, а в некоторых случаях и остатки каменных

сооружений. Остатки жилищ из рваного камня сохранились и на предполагаемой цитадели. Керамика, встречающаяся по всей территории городища, и особенно на вспаханном поле у его подножия, представлена в основной своей массе розовоглиняными и красноглиняными фрагментами. Поверхность толстостенных сосудов орнаментирована обычной бессистемной штриховкой, а тонкостенные нередко покрыты волнистыми параллельными линиями. Встречаются на городище и отдельные фрагменты серолощенной керамики верхнечирюртовского типа, украшенные врезными горизонтальными или волнистыми линиями. Незначительный процент в подъемном материале с городища занимает красноангобированная керамика, тесто которой имеет примесь шамота. Следует отметить, что среди 90 фрагментов керамики, собранных на городище, только 11 относится к серолощенным горшкам верхнечирюртовского типа. Подобное соотношение различных групп керамики может быть связано с постепенным угасанием влияния приморской культуры в предгорьях Дагестана. Время бытования городища, судя по собранной на его территории керамики, может быть установлено в пределах VIII—XIV вв.

Могильник городища, очевидно, находился к востоку от него, у подножия возвышенности, где заметна серия заросших кустарником впадин, образовавшихся, по всей вероятности, в результате ограбления погребений. Источник воды находился на западном склоне урочища «Огунны-Булак», где до сего времени сохранился родник с приятной холодной водой. Еще один источник, которым также пользуются местные жители, находится на восточной стороне возвышенности, известной как урочище «Иржеж-Булак».

Привлекает внимание топонимика в окрестностях городища. Наряду с самой культурой городища, сохранившаяся здесь топонимика проливает некоторый свет не только на время возникновения городища, но и на специфику представленной здесь культуры. Так, название городища «Юртлар-тубе» означает «возвышенность с юртами». Подобная топонимика может свидетельствовать о заселении городища населением, осевшим здесь со своими традиционными юртами. Интересно, что подобное предположение подкрепляется и политической обстановкой, сложившейся в предгорном Дагестане, где, по данным обширных археологических материалов, бытовало Хазарское государство, в состав которого вошло и «Царство гуннов». Не исключено, что памятники типа «Юртлар-тубе» были освоены продвигнувшимися в предгорьях кочевниками, возможно, гуннами, которые, восприняв культуры местных народов, навязали им свой язык. Они, смешавшись с местным населением предгорных районов Дагестана, явились, очевидно, той древней основой, на базе которой сформировалась тюркоязычная кумыкская народность, поныне проживающая на территории Буйнакского и других районов предгорного и равнинного Дагестана.

Городище Ачакан находится в 1 км к югу от сел. Агачкала (5, с. 55). Оно расположено на густо заросшей лесом террасе реки Къара-озень, которая сливается ниже городища с р. Атлан-озень.

Обрывистые склоны рек с трех сторон являлись надежной естественной защитой для городища, площадь которого составляет около 200×150 м. С южной — напольной — стороны для защиты городища был сооружен искусственный ров, протяженностью около 100 м, протянувшийся между сближающимися на этом участке берегами Атлан-озеня и Къара-озеня. Вся территория городища, и особенно ров, покрыта здесь столь густым лесом и кустарником, что затрудняет выяснение особенностей несомненно бытовавших здесь оборонительных сооружений. Культурные отложения городища контрастно выделяются в склонах проселочной дороги, ведущей на ферму, расположенную к югу от городища. Дорога пробита по склону берега реки Къара-озень и пересекает городище по средней его части. Из культурных отложений, протянувшихся прерывистой полосой, по склону дороги, была собрана самая разнообразная керамика, представленная красноглиняными фрагментами. Из 45 фрагментов, выявленных здесь, 42 являются обломками красноглиняных и заштрихованных сосудов самых различных назначений и аналогичных керамике с остальных памятников долины Атлан-озеня. В общей массе выявленной здесь керамики лишь несколько фрагментов относятся к серолощенным горшкам верхнечирюртовского типа. На основе этих аналогий городище может быть датировано тем же временем, что и городище Юртлар-тубе, и Агачкала, т. е. VIII—XIV вв.

Завершая обзор памятников, протянувшихся вдоль р. Атлан-озень, необходимо отметить, что, помимо названных укрепленных поселений, следы густого заселения долины реки в эту эпоху наблюдаются здесь повсеместно. Наиболее наглядно об этом свидетельствует керамика, встречающаяся на отдельных участках почти на всем протяжении береговой полосы реки. Судя по скоплению характерной красноглиняной и реже сероглиняной керамики на отдельных участках берега реки, а также по отсутствию на этих участках ясно выраженных культурных напластований, создается впечатление о временном, возможно, сезонном характере обживания этих территорий. При общности керамики, представленной на стационарных поселениях и на этих временных селищах, возможно хуторского типа, можно предположить, что эти разновидности поселений связаны с различными формами хозяйственной деятельности обитателей этих двух групп памятников. Возможно, что поселения, на которых отсутствуют четко выраженные культурные напластования, связанные с населением, стекавшим сюда в зимний период.

Завершая обзор памятников оборонительного строительства IX—XIV вв., необходимо отметить, что общее их количество в Дагестане было более значительным. Однако в большинстве своем они еще не выявлены и соответственно не подвергнуты всесторонним археологическим исследованиям. Это особенно касается горных районов, где поиски и раскопки средневековых памятников крепостного строительства еще только предстоят. Однако и отмеченные сооружения исследованных поселений, структурно

отличаясь от аналогичных памятников предшествующей эпохи, отражают соответствующий уровень социально-экономического развития их обитателей. Располагая обширными материалами, воссоздающими высокий уровень развития фортификации в раннесредневековую эпоху, мы тем самым имеем возможность для сопоставительного анализа развития крепостного строительства и в последующие эпохи. Разумеется, подобный анализ памятников крепостного строительства различных эпох не может осветить все нюансы развития средневековой фортификации. Однако сохранившиеся остатки оборонительного зодчества дают возможность разобраться в таких сложных вопросах, как интенсивность обживания региона, особенности планировки вновь сложившихся памятников, различия в характере их оборонительного строительства.

При сопоставлении исследованных поселений с памятниками предшествующей эпохи обращают внимание контрастные различия в интенсивности обживания различных районов Дагестана в разные периоды. Так, из почти 60 поселений, представленных в Прикаспии в I—VIII вв., более половины было расположено непосредственно на Приморской равнине. А к началу IX в. здесь сохранилось всего 10% их бывшего количества. Жизнь из разоренного арабскими походами Прикаспия переместилась в IX—XIV вв. в предгорья, и не случайно здесь в это время наблюдается и наибольшая концентрация памятников. Перемещение населения с равнины, где были представлены наиболее крупные города и многочисленные поселения, должно было отразиться и на характере дальнейшего развития социально-экономических отношений их обитателей в новых условиях. И на самом деле топография вновь возрождавшихся поселений в предгорьях Дагестана является не только выразительным указателем направления перемещения местного населения, но и свидетельством заметной трансформации социально-экономических отношений их обитателей. Эти изменения, связанные, очевидно, с резким сокращением прежней экономической базы региона, находят отражение не только в заметном уменьшении общего количества памятников, но и в их структурах. Качественные изменения проявляются в первую очередь в резком уменьшении размеров новых памятников. Если города Прикаспия раннесредневековой эпохи, широко известные на Кавказе, занимали 100—150 га (1, с. 45), то после арабо-хазарских войн наблюдается значительное сокращение их площадей. В качестве примера можно сослаться на хорошо известное и наиболее значительное по размерам Аркаское городище. Это наиболее крупное среди аналогичных памятников городище имело площадь около 26 га. По сравнению с предшествующей эпохой резко сокращаются не только размеры новых памятников, но и количество городов вообще. На фоне обширных по размерам и тщательно укрепленных городских центров раннесредневековой эпохи, когда в Прикаспии существовало более 20 крупных городов (1, с. 182), совершенно иную картину мы наблюдаем после IX века. Количество городов сокращается, резко уменьшаются их размеры. Уменьшение общего чис-

ла городов в Прикаспии является, очевидно, следствием и замедлившихся темпов урбанизации. Этот процесс, по всей вероятности, связанный с последствиями разрушения производительных сил региона, способствовал, очевидно, и снижению темпов социальной дифференциации общества. Отражением этого процесса может служить социальная структура новых городищ, которые в большинстве своем не имеют обособленные цитадели или городские посады. А в таких памятниках, как Исти-Су, Аркас, Юртлар-тюбе, сохранившиеся цитадели имеют столь незначительные размеры, что не могут быть сопоставлены с подобными сооружениями предшествующей эпохи. Однако важно отметить, что несмотря на незначительные размеры цитаделей новых памятников, они изолированы от остальной территории городищ специально сооруженными крепостными стенами. Более того, они занимают наиболее естественно защищенные и возвышающиеся участки городов. Подобная структура памятников IX—XIV вв. не оставляет сомнений в продолжавшемся процессе дифференциации их обитателей. Новые памятники свидетельствуют, что расслоение общества на классы, четко проследженное в предшествующую эпоху (1, с. 191), не было прервано и после арабо-хазарских войн. Хотя оно и не стало столь выразительным как прежде, тем не менее процесс расслоения общества продолжался, и правители новых поселений обособились в специально укрепленных дворцовых сооружениях.

Трансформация экономической структуры Дагестана после арабо-хазарских войн и связанное с ними разрушение производительных сил края находят непосредственное отражение и в характере остатков крепостного строительства.

Все исследованные здесь крепостные сооружения IX—XIV вв. довольно выразительно отражают качественные изменения в фортификационном строительстве по сравнению с предшествующей эпохой. Эти изменения находят отражение как в масштабах строительства, так и в решении отдельных элементов фортификации.

Существенные изменения в крепостном строительстве X—XIV вв. по сравнению с предшествовавшей раннесредневековой эпохой прослеживаются в значительном уменьшении толщины оборонительных сооружений, которая в среднем составляла около 1 м, а также в небольших размерах примыкающих к ним башен. Башни крепостных сооружений новых городов выступают за линию стен в среднем не более 1 м. Разумеется, подобные размеры башен не оправданы целями обороны, поскольку они исключали возможность сосредоточения на них защитников для фланкирования подступов к оборонительным стенам. Конструктивные особенности и незначительные размеры подобных башен позволяют предполагать, что они выполняли больше архитектурно-декоративные функции и служили в качестве контрфорсов, придав оборонительным стенам необходимую жесткость. Подобной ролью башен в системе обороны можно объяснить и то, что все они имеют заметный уклон с внешней стороны и связаны общей кладкой с остатками

оборонительных стен. Уменьшение массивности оборонительных сооружений наблюдается в это время не только у памятников Дагестана, но и повсеместно. В отличие от предшествующей эпохи уменьшается толщина стен, башни теряют свои оборонительные функции и приобретают декоративные. Вместе с тем на новом этапе развития фортификации резко возрастает, по сравнению с предшествующей эпохой, роль естественно-защитных данных окружающего рельефа. Топография расположения новых памятников свидетельствует об исключительной роли, которая уделялась удачному выбору места для них. Предпочтение отдавалось такому пункту для поселения, который исключал необходимость сооружения оборонительных стен с нескольких сторон. Наблюдается интересная картина, когда функции оборонительных сооружений новых городов как бы возлагались на естественно-защитные данные рельефа. Возрастание роли естественно-защитных факторов местности, очевидно, не случайно и связано с тем, что строительство крепостных сооружений в прежних масштабах было, очевидно, нецелесообразно и невозможно. Подобный характер новой фортификации свидетельствует о слабости вновь возрождавшихся объединений Дагестана, раздираемых междоусобицами.

Отмеченные особенности средневековой фортификации Дагестана, связанные, главным образом, с социально-экономическими и военными факторами, наблюдаются в крепостном строительстве повсеместно. Резкое уменьшение массивности стен в это время характерно для крепостных сооружений Закавказья (11, с. 51—58; 12, с. 135). На территории Апшерона изменения общего стиля крепостного строительства связаны с феодальными междоусобицами, которые способствовали возникновению здесь, как и в Дагестане, небольших феодальных замков (13, с. 13; 14, с. 69, 101).

Ярким примером качественных изменений средневековой фортификации в Закавказье могут служить остатки оборонительных сооружений Дманиси, датируемых XI—XIII вв. н. э. Его стены имеют 1,2 м толщины и подобно стенам дагестанских городищ снабжены лишь небольшими контрфорсами (15, с. 263—284). Подобная картина характерна и для заключительного этапа строительства крепости Ани (16, с. 114). Причем в Армении с X в. также прослеживается строительство крепостей, стены которых снабжены полуциркульными глухими башнями и достигают около 1,0 м толщины (17, с. 228, 276).

Процесс упадка фортификационного искусства в средневековую эпоху характерен также для Средней Азии, где оборонительные стены и башни начинают терять оборонительные значения (18, с. 96). Подобный процесс характерен и для монгольских городов (19, с. 138—139). Причем монголы на завоеванных территориях запрещали вообще строить укрепления вокруг городов. (20, с. 61—62).

И наконец, подобная картина наблюдается в крепостном строительстве Восточной Европы, где начиная с XI в. также отмечается упадок строительной техники (17, с. 398). Но вместе с тем

и здесь существенно возрастает роль защитных данных рельефа при выборе места для крепостей.

В целом средневековый этап развития фортификационного искусства Дагестана, как и предыдущий, тесно связан с уровнем развития производительных сил общества. На характер местной фортификации наложил отпечаток уровень социально-экономических отношений в средневековом Дагестане. Разорительные арабские завоевания и последующие нашествия подорвали, а местами и затормозили развивавшиеся здесь политические образования. Они разорили раннефеодальные государственные образования и бурно развивавшуюся городскую культуру Дагестана и этим основательно затормозили дальнейший поступательный прогресс производительных сил страны. Как и в предшествующие эпохи, характер средневековой фортификации обусловлен и уровнем развития военного и осадного искусства. Крепостные стены новых городов служили надежной защитой от конницы и пехоты. Вместе с тем они теряли былую эффективность в защите от стенобитных машин, редко применявшихся в средневековье.

1. Магомедов М. Г. Образование Хазарского каганата. М., 1982.
2. Атаев Д. М. Раскопки Аркаского городища // Материалы сесс., посвящ. итогам археол. и этногр. исслед. 1964 г. в СССР: (Тез. докл.). Баку, 1965. С. 128.
3. Атаев Д. М. Аркаское городище — памятник раннесредневекового Дагестана // РФ ИИЯЛ. Ф. 3. Д. 219. С. 6—11.
4. Канивец В. Н., Березанская С. С., Костюченко И. П., Савчук А. П. Отчет об археологических исследованиях в зоне строительства Чирюртовской ГЭС в 1955—1956 гг. // РФ ИИЯЛ. Ф. 3. Д. 16. С. 122.
5. Магомедов М. Г. Отчет о работе Верхнечирюртовской археологической экспедиции в 1974 г. // РФ ИИЯЛ. Ф. 3. Д. 346.
6. Смирнов К. Ф. Археологические исследования в Дагестане в 1948—1950 гг. // КСИИМК. 1952. Вып. 45. С. 91.
7. Магомедов М. Г. Исследования Агачкалинского могильника // АО—1980. М., 1981. С. 100.
8. Гмыря Л. Б. Раскопки Агачкалинского поселения // АО—1980. М., 1981. С. 99.
9. Гмыря Л. Б. Из истории ремесленного производства в раннесредневековом Дагестане: (По материалам раскопок Агачкалинского поселения) // Древние промыслы, ремесло и торговля в Дагестане. Махачкала, 1984. С. 73.
10. Магомедов М. Г. Отчет о работе Верхнечирюртовской археологической экспедиции в 1973 г. // РФ ИИЯЛ. Ф. 3. Д. 346.
11. Бретаницкий С. Л., Датиев С. И., Мамиконов Л. К., Мотие Д. А. Укрепление в Бакинской Бухте // КСИИМК. 1948. С. 51—58.
12. Щедрыкин И. П. Памятники Азербайджанского зодчества эпохи Низами (материалы). Баку, 1943. С. 135.
13. Бретаницкий С. Л. К изучению градостроительной культуры средневекового Азербайджана (XII—XV вв.) // Искусство Азербайджана. Баку, 1959. Вып. VII.

14. Бретаницкий С. Л. Архитектурные школы средневекового Азербайджана (XII—XV вв.) // Искусство Азербайджана. Баку, 1949. Вып. II. С. 69, 101.
15. Мухелишвили Л. Раскопки Дманиси // СА. 1940. № 6. С. 263—284.
16. Орбели Н. А. Избранные труды. Ереван, 1963. С. 114.
17. Всеобщая история архитектуры: Архитектура Восточной Европы (средние века). М.; Л., 1966. С. 228, 276.
18. Лавров В. А. Градостроительная культура Средней Азии. М., 1956. С. 96.
19. Кисилев С. В. и Евтюхов Л. А. Дворец Кара-Корума // Монгольские города. М., 1965. С. 138—139.
20. Кызласов Л. Р. Городище Ден-Терек // Там же: С. 61—62.

ЭПИГРАФИЧЕСКИЙ ОРНАМЕНТ В ДЕКОРАТИВНОЙ СИСТЕМЕ СРЕДНЕВЕКОВЫХ АРХИТЕКТУРНЫХ СООРУЖЕНИЙ сел. КУБАЧИ (XIV—XV вв.)

Народы Дагестана на протяжении многих веков создали богатое орнаментальное искусство, отличающееся яркой самобытностью и национальным своеобразием. В культурном наследии в ряду их лучших творений оно занимает одно из почетных мест.

В течение многих столетий дагестанский орнамент развивали, совершенствовали и обогащали мастера народных художественных промыслов — резчики по дереву и камню, златокузнецы и ковровщицы, гончары, костерезы, вышивальщицы и вязальщицы. Из поколения в поколение, от отца к сыну, от матери к дочери передавались различные орнаментальные мотивы, способы и правила составления узорных композиций. Последующее новое поколение мастеров совершенствовало и оттачивало эти приемы, обогащало орнамент новыми элементами и мотивами.

Современный дагестанский орнамент, отличающийся исключительно большим многообразием сюжетов и мотивов, изысканными композиционными схемами и рисунками, строгостью и четкостью построения, впитал богатые традиции орнаментального творчества прошлых исторических эпох.

Возникнув еще в недрах первобытно-общинного строя и пройдя ряд этапов своего развития и обогащения, орнамент в средние века получает широкое и повсеместное распространение. Невиданного ранее расцвета он достигает в период развитого, или зрелого, средневековья — в XII—XV вв. Им были пронизаны все виды художественного ремесла, он очень широко входит и в архитектурный декор. В это же время орнамент становится чрезвычайно богатым по форме и необычайно разнообразным по рисунку и композиционным схемам. По справедливому замечанию Л. А. Лелекова, «в культовом синтезе искусств средневековья его роль подчас превосходила значение живописи и скульптуры, причем не только на Востоке, но и, к примеру, во Владимиро-Суздальской Руси XII—XIII вв... Архитектурный орнамент занимал господствующее положение в орнаментальном искусстве стран Ближнего и Среднего Востока, Закавказья, Восточной и отчасти романской Европы» (1, с. 48).

В эпоху средневековья, особенно в XIV—XV вв., орнамент получил блестящее развитие в одном из крупных центров художест-

венного ремесла Дагестана в сел. Кубачи, где в то время сложилась своеобразная и самобытная каменная архитектура, которая имела ряд общих черт с архитектурой других горных селений Дагестана и Кавказа в целом в планировке, структуре, застройке и т. д. В то же время она отличалась ярким местным своеобразием и оригинальностью, не имея прямых аналогий в зодчестве других народов, особенно в архитектурном убранстве, в принципах использования растительного, эпиграфического и других типов орнамента в декоративной отделке жилых, культовых и общественных сооружений.

В камнерезном искусстве здесь сложилась местная школа, выработан «кубачинский» стиль орнаментальной резьбы. Подобный же локальный стиль складывается и в художественной трактовке арабского письма, очень широко использовавшего в декоративных целях.

Послемонгольский период в истории Кубачи, как и многих других областей, коснувшихся татаро-монгольских завоеваний, характеризуется существенными сдвигами в социально-экономическом прогрессе, развертыванием строительного дела, возрождением и дальнейшим развитием художественных ремесел. Это время широкого распространения арабского языка как языка международного общения, науки, поэзии, искусства, активного обмена практическими знаниями и художественным опытом в области архитектуры и художественных ремесел (2, с. 72).

В XIV—XV вв. в сел. Кубачи, как и во всем Дагестане, происходит укрепление позиции ислама, постепенно вытесняются доарабские народные языческие представления. С этим непосредственно связано развертывание строительства мусульманских культовых сооружений — мечетей, минаретов, медресе, нередко подвергнутых высокохудожественной декоративной отделке. В сел. Кубачи, по преданию, было семь мечетей — главная соборная Джума-мечеть (пятничная) и еще шесть квартальных мечетей. До сих пор стоят в различной степени сохранности пять зданий мечетей в разных местах старой части сел. Кубачи. Из них наиболее выразительной отделке была подвергнута Джума-мечеть, расположенная в средней части селения (рис. 1). В восточной стене мечети сохранились *in situ* резные камни, среди которых и рельеф (рис. 2), на котором высечена дата строительства мечети в 881 году хиджры, т. е. в 1476/1477 гг. (3, с. 82—83).

Мечеть в разные годы перестраивалась и неоднократно ремонтировалась, тем не менее многие рельефы с различными орнаментальными композициями, находящиеся в кладке стен мечети, можно считать предназначенными с самого начала их изготовления именно для этого здания.

Можно с уверенностью сказать, что ряд резных камней с эпиграфическим орнаментом (или надписями на арабском языке) и в кладке других зданий мечетей — т. н. женской, Кассадаглы, квартальной мечети в самой нижней части селения и др. были изготовлены специально для этих культовых сооружений.

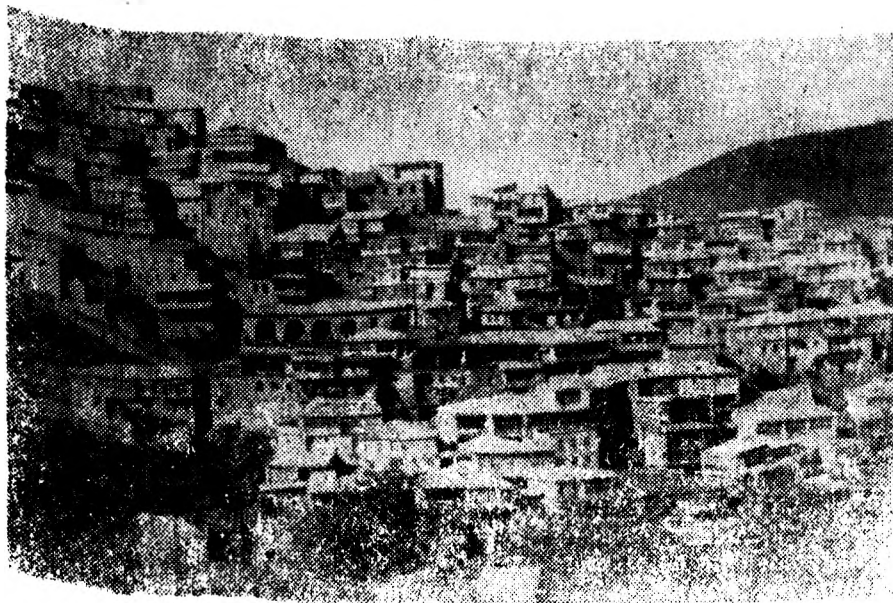

Рис. 1. Нижний квартал сел. Кубачи. На переднем плане здание Джума-мечети с арочным фасадом

Рис. 2. Резные камни в восточной стене Джума-мечети в сел. Кубачи. XV в. На четырехугольном камне слева — арабская надпись о строительстве мечети в 881 г. х. / 1476—1477 гг.

Богатой и выразительной отделке подвергались не только культовые сооружения, но и памятники гражданской архитектуры — общественные здания «Хала-хъулбе» (Большие дома)*, которые отличались совершенством архитектурных форм и выразительностью декоративной отделки рельефной фасадной скульптурой (4, с. 60). Наряду с ними декоративной скульптурой украшались и средневековые крепостные сооружения — оборонительные стены и башни (рис. 3).

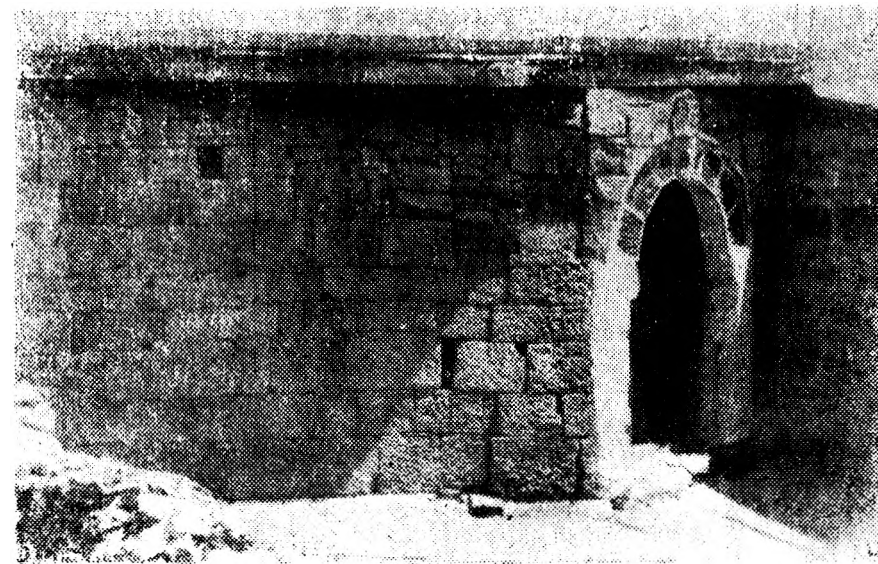

Рис. 3. Средневековая круглая оборонительная башня в нижнем квартале сел. Кубачи. Над арочным входом — рельеф с арабской надписью. XIV в.

Культовые постройки, общественные здания и крепостные сооружения являли собой яркий пример умения средневековых мастеров объединять в единое гармоничное целое архитектуру и рельефный пластический декор. Изучение их позволяет сделать вывод о том, что в XIV—XV вв. в сел. Кубачи складывается оригинальная и самобытная система архитектурного декоративного убранства, для которой характерен синтез рельефной фасадной скульптуры с формами архитектурных сооружений, в которых воплотились лучшие достижения местных зодчих и мастеров архитектурно-декоративных работ.

Одним из аспектов исследования средневекового архитектурного орнамента являются вопросы его классификации. Четкая классификация орнамента важна для его более полной характери-

* Большие дома представляли собой общественные сооружения органов местного самоуправления. О них см.: 42, с. 179—180.

стики, всестороннего анализа и раскрытия вопросов генезиса и особенностей стиля различных орнаментальных мотивов.

В специальной литературе вопросы классификации орнамента слабо разработаны. Единой общепринятой и исчерпывающей классификационной системы еще нет. При делении орнамента на виды или группы исследователи обычно исходят или из стиля, или из содержания (рисунка, или тематики), или функции орнамента (т. е. места, занимаемого им в здании), или, наконец, из семантики (5, с. 43, 53; 6, с. 106—108; 7, с. 10—12; 8, с. 24; 9; 10; 11, с. 183—193).

Существуют и более общие системы или принципы классификации орнамента, при этом основными классификационными признаками служат его происхождение, назначение и содержание (12, с. 14). Такая классификация орнамента представляется удачной при общей характеристике орнамента вообще, особенно для разработки вопросов его теории, но не для анализа отдельно взятого архитектурного орнамента.

Для классификации же архитектурного орнамента периода средневековья представляется наиболее приемлемым и удачным такой признак, как содержание орнамента (т. е. его рисунок или тематика). Именно такой признак положен В. Л. Ворониной в основу классификации средневекового архитектурного орнамента Средней Азии (11, с. 184 и сл.).

Исходя из указанного признака, т. е. содержания орнамента, средневековый архитектурный орнамент сел. Кубачи XIV—XV вв. можно подразделить на следующие виды: 1) растительный; 2) геометрический; 3) эпиграфический; 4) зооморфный. Каждый из этих видов орнамента, имея аналогии в орнаментике произведений прикладного искусства XIV—XV вв. (художественный металл, резное дерево, керамика и т. д.), в архитектурном декоре использовался как в виде самостоятельных композиций, так и в их различных сочетаниях. В данной статье рассматривается один из перечисленных видов орнамента — эпиграфический, определяется его место и роль в декоративной системе архитектурных сооружений сел. Кубачи XIV—XV вв.

В декоративном убранстве различных по своему назначению зданий эпиграфическому орнаменту придавалось особое значение. В средние века, когда «чувства масс вскормлены были исключительно религиозной пищей» (13, с. 314), когда все сферы духовной жизни населения были пронизаны религиозными идеями, арабские надписи и их подражания несли не только эстетическую функцию, но и служили для пропаганды в массах «слова божьего».

Архитектурный эпиграфический орнамент XIV—XV вв. сел. Кубачи представлен в виде различных панно, окантовок, обрамляющих полос, заполнений различных форм медальонов, розеток, квадратов и прямоугольников. Почерком надписей большей частью служил поздний «куфи», являвшийся основным видом декоративного почерка, применяемого и в художественной отделке резных

каменных надмогильных плит XIV—XV вв. Почерк «несх» особенно хорошо сочетающийся по характеру написания букв с растительным орнаментом, более широко использовался в декоративных целях с XV в. Эти два типа средневекового арабского письма в архитектурной эпиграфике и в декоре надмогильных памятников имеют разновидности своего начертания.

Иногда одни и те же буквенные формулы или надписи, с необычайным мастерством подвергнутые многообразной художественной отделке, приобретали яркую декоративность, нередко становились и замысловатыми, когда в надписи включались плетенки в виде т. н. «узлов счастья», или «узлов благоденствия», соединенных с буквенными стволами и образующими сплетения в виде сердечек, петель, колец и пр. (рис. 4, 7, 15). Такие надписи предназначались для длительного и внимательного рассмотрения.

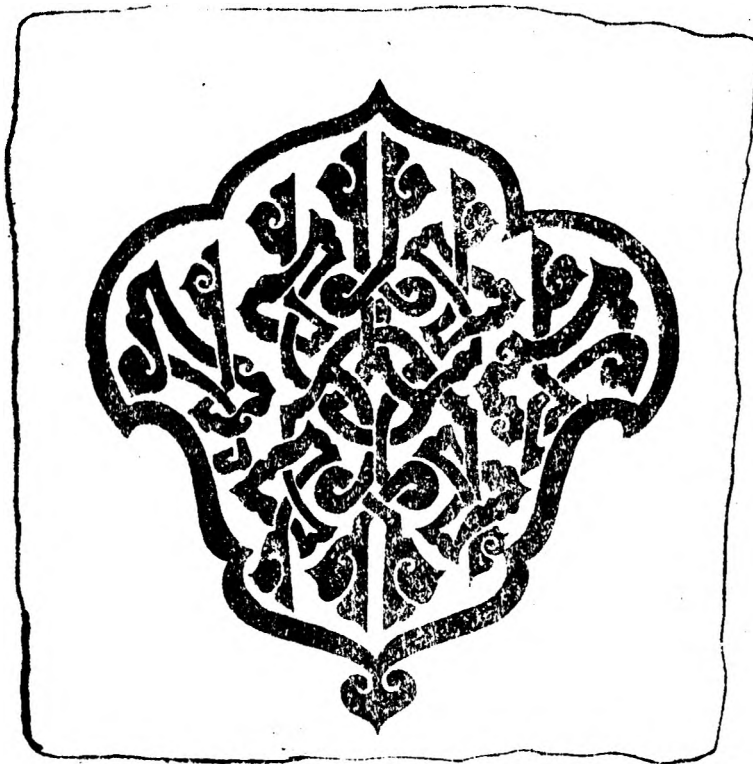

Рис. 4. Рельеф с арабской надписью — плетенкой. Кубачи. Джума-мечеть. XIV в.

По идейно-смысловому содержанию эпиграфический орнамент подразделяется на две категории.

А. Эпиграфический орнамент в виде арабских надписей, пред-

ставляющих собой коранические тексты, благопожелания, даты строительства зданий с именем мастера и т. д.

Б. Эпиграфический орнамент, выполненный арабскими буквами, представляющий собой имитацию надписей, которые не читаются (рис. 18).

Исполнен архитектурный эпиграфический орнамент в различной технике — в графической (врезные надписи) и рельефной с выбором фона вокруг букв, причем рельефный буквенный орнамент имеет варианты в технике исполнения — низкий и плоский рельеф, невысокий и высокий рельеф. В последней технике исполнен эпиграфический орнамент, высеченный, как правило, на крупного размера камнях — на тимпанах, а также на больших каменных блоках. Однако нередко и на таких блоках и тимпанах встречаются надписи, выполненные в низком плоском рельефе, например, тимпан 807 г. х. = 1404—1405 гг. с надписью о строительстве в Кубачи медресе (рис. 5).

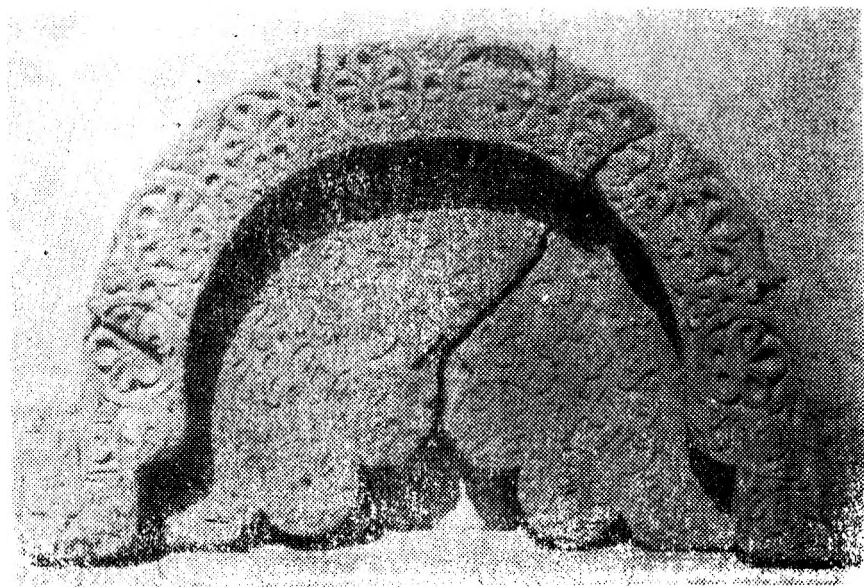

Рис. 5. Тимпан с арабскими надписями из сел. Кубачи. 807 г. х./1404—1405 гг. ДГОИАМ

Надписи на средневековых кубачинских памятниках эпиграфики выполнены в подавляющем большинстве на арабском языке. Но на отдельных памятниках имеются надписи благожелательного характера и на персидском языке — на арочке тимпана сер. XIV в. с борцами (14, с. 178, ил. 125), на могильной плите древнего кладбища на южном склоне в среднем квартале селения (14—А, с. 213—224, табл. V). Одна надпись XV в. — смешанная, арабо-персидская, нанесена на камень в стене мечети в нижней части Кубачи (14, с. 178).

Надписи содержат, кроме коранических текстов, басмалы, формулы единобожия, также благопожелания и, что очень важно и ценно для истории, имена строителей, писцов-каллиграфов, даты строительства мечетей, медресе и других зданий. А надписи на литых бронзовых котлах т. н. открытого типа (15, с. 347—361; 16, с. 30; 17, с. 96; 18, с. 25—26; 19, ил. 36—40; 20, с. 54—58; 21, с. 22—23; 22, с. 37—43; 23, с. 51—52; 24, с. 687—696; 25, с. 229—236), стилистически связанные с архитектурной эпиграфикой, содержат имена мастеров бронзового литья с нисбой (места, откуда они родом).

В средневековом архитектурном эпиграфическом орнаменте наблюдается определенная эволюция: по палеографическим особенностям — характеру начертания арабских букв, а также особенностям сочетания каллиграфии и растительного орнамента эпиграфические композиции сел. Кубачи XIV—XV вв. делятся на ранние и относительно поздние. На сравнительно ранних памятниках, таких как тимпан с изображением льва, напавшего на кабана (16, табл. III, 7; 17, рис. 49; 19, ил. 124; 26, табл. 71), тимпан с изображением припавшего на переднюю ногу оленя (голова сбита умышленно) (16, табл. IV, 5; 26, табл. 73) и других в арочных обрамлениях представлены подражания надписям (19, с. 178), выполненным почерком поздней кوفي. Фон этих псевдонадписей свободен от узора, сами они не содержат элементов растительного орнамента. По этим признакам и по характеру начертания букв упомянутые тимпаны и другие детали архитектурного декора прилегают к надмогильным памятникам сел. Кубачи ранней группы и датируются в пределах первой половины и середины XIV в. (19, с. 170 и сл.; 21, с. 22—23).

В последующее время среди букв арабских надписей появляются элементы растительного орнамента, а с середины XIV и в XV в. надписи даются уже на фоне узора в виде волнистого стебля, отходящие побеги которого скручены в спирали и оканчиваются трилистниками или пальметками, а сами буквы очень часто подвергаются изящной орнаментально-декоративной проработке. Однако даже в конце XIV и начале XV в. продолжали изготавливаться надмогильные памятники с арабскими надписями (в широкой эпиграфической полосе) с отдельными элементами орнамента наряду с изготовлением памятников с надписями, данными на фоне растительного орнамента.

Как ранние, так и относительно поздние архитектурные детали с эпиграфическим и растительным орнаментом по технике резьбы, стилю, палеографии надписей и их подражаний непосредственно связаны с резными надмогильными памятниками сел. Кубачи эпохи средневековья, а также с памятниками искусства резьбы по дереву (33, рис. 64, 99, с. 334—335). Надписи и буквенный орнамент являлись мотивами, придающими каменной резьбе наряду с растительным, зооморфным и геометрическим орнаментом большую выразительность, красочность и разнообразие. Как художественно-выразительные средства и как буквенный узор они использовались

мастерами-художниками с большим тактом, с учетом размера и формы архитектурной детали, места его обозрения и т. д.

Архитектурный эпиграфический орнамент выполняли каллиграфы, достигшие высокого совершенства в своем искусстве — красоты, изящества и тонкости письма. Они же являлись и превосходными орнаменталистами, умеющими составлять не только буквенный узор, но и сложные композиции, в которых гармонически сочетались растительный и эпиграфический орнамент.

Участие каллиграфов не только в создании архитектурной эпиграфики, но и архитектурного орнамента — растительного, геометрического и т. п. было характерным явлением для всего средневекового Востока (27, с. 182; 28, с. 19 и сл.).

В средневековом сел. Кубачи были специалисты-каллиграфы, для которых составление и переписывание книг, их художественное оформление, а также выполнение работ, связанных с эпиграфикой надмогильных памятников и деталей архитектурного декора были основным занятием. Об этом позволяет судить то обстоятельство, что в памятниках средневековой архитектурной эпиграфики Дагестана наряду с именами строителей, построивших то или иное здание, специально упоминаются имена писцов-каллиграфов — тех кто написал текст (29, с. 152 и сл.). В XIII—XIV вв., по данным памятников эпиграфики Дагестана, уже формируется категория обособленных специалистов-мастеров строителей, т. е. зодчих и мастеров архитектурно-декоративных работ (30, с. 128—129). Однако нередко высокопрофессиональные зодчие являлись одновременно и прекрасными резчиками, каллиграфами и орнаменталистами. Видимо, таким мастером каллиграфии и декоративного искусства, своего рода универсалом был уста Асад ибн Абу Бакр, который превосходно украсил камень (рис. 16) с растительным и эпиграфическим орнаментом и высек свое имя, а также дату 839 г. х. / 1435—1436 гг., (17, с. 140, рис. 86; 19, ил. 32). Камень этот ныне украшает восточную стену второго этажа т. н. женской мечети в нижнем квартале сел. Кубачи.

В рукописных книгах XIII—XV вв. упоминаются также имена каллиграфов, тех кто писал или переписал книги восточных авторов, при этом отмечается и его нисба — Зирехгерани (29, с. 346—347).

Виды узорно-эпиграфических композиций на кубачинских каменных рельефах — деталях архитектурного декора довольно многообразны. Их можно свести к следующим основным разновидностям:

- 1) собственно арабские надписи без узора;
- 2) эпиграфический орнамент с отдельными элементами растительного узора;
- 3) эпиграфический орнамент, данный на фоне растительных орнаментальных композиций;
- 4) эпиграфический орнамент в обрамлении растительного узора;

5) эпиграфический орнамент, построенный на принципе переменного чередования с растительным узором;

6) эпиграфический орнамент в сочетании с растительным и зооморфным орнаментом.

Такое деление эпиграфических композиций условное, так как в одной их конкретной разновидности иногда встречаются признаки или элементы, характерные и для другой. Кроме того, они имеют различия и в характере орнаментальной трактовки арабских букв, их дополнительной графической проработки и т. д.

К собственно арабским надписям без орнамента относятся: надпись на барельефном хорошо отшлифованном с лицевой стороны каменном диске, находящемся в кладке внутренней (северной)

Рис. 6. Рельеф с арабской надписью. Кубачи. Джума-мечеть 2-я пол. XIV в.

стены Джума-мечети в сел. Кубачи (рис. 6), датируемый второй половиной XIV в. (19, ил. 128—129). Плоскорельефная надпись построена по круговой композиции, все буквы в верхних и нижних концах изящно проработаны завитками, полупальметками и полутрилистинками, стволы отдельных букв отделаны линейно-графической резьбой. Фон надписи был раскрашен в ярко-красный цвет. Сам диск выступает от гладь стены, возведенной из четырехугольных каменных блоков, специально обработанных точечной техникой «бултун».

Иное композиционное решение эпиграфического узора представлено на другом барельефном диске XIV в., находящемся ныне в ДГОИАМ (инв. № 1859). Здесь рельефная надпись свободно и равномерно заполняет все поверхность диска (рис. 7). В центре

Рис. 7. Рельеф с арабской надписью из сел. Кубачи. XIV в. ДГОИАМ

се — плетенка в виде узла. Верхние окончания букв имеют утолщения и подвергнуты орнаментально-графической резьбе. Надпись обрамлена неширокой ленточной полоской. Она по выразительности и мастерству исполнения мало уступает надписи на диске XIV в. в кладке стены Джума-мечети. Та же надпись с плетенкой в виде узла в центре и той же орнаментально-графической раздел-

кой букв помещена на третьем диске XIV—XV вв. из с. Кубачи, хранящемся в ДГОИАМ (17, с. 138, рис. 84). Здесь надпись равномерно заполняет плоскость диска. Она обрамлена каймой растительного орнамента в виде двойных листьев, соединенных отрезками дужек, образующих цепочку. Наверху орнаментальная кайма завершается трилистником. Эпиграфический и растительный орнамент удивительно гармонируют между собой.

К собственно арабским надписям без узора относятся также надписи: на упомянутом выше четырехугольном отшлифованном с лицевой стороны камне, находящемся теперь в кладке 2-го этажа восточной стены Джума-мечети (рис. 2), на котором почерком «наск» высечена замысловатая вязь букв о дате о строительстве мечети в 881 г. х. (=1476/1477 гг.) (3, с. 84—85, рис. 3), на рельефно выступающем диске во внутренней кладке западной стены Джума-мечети (рис. 8). Надпись рельефная, которая довольно густо заполняет поле диска (или листовидного медальона). Аналогичные диски, или листовидные медальоны, заполненные внутри

Рис. 8. Рельеф с арабской надписью. Кубачи. Джума-мечеть. XIV—XV вв.

арабскими надписями или растительным узором, являются составными частями декоративного убранства верхней части центрального поля надмогильных памятников XIV—XV вв. (рис. 10, 11).

Арабские надписи без орнамента, использованные в декоративных целях, встречаются и на других архитектурных деталях. Такие надписи представлены и на надмогильных памятниках сел. Кубачи, Калакорейш (рис. 9, 10). Особенно выразительна в этом отно-

Рис. 9. Надмогильный памятник начала XIV в. из сел. Калакорейш

шении надмогильная плита начала XIV в. с закругленным верхом, стоящая у внутренней северной стены мечети в сел. Калакорейш (29, с. 145—146, рис. 50; 35, с. 111—112). Арабские надписи без узоров очень широко стали использовать в декоративных целях — для отделки надмогильных памятников в XV—XVII вв. в сел. Кумух (рис. 11) и близлежащих селениях. Исполненные графически

и рельефно надписи наносились на лицевые, нередко и на обратные стороны плит, а также на их боковые грани.

Следующая разновидность узорно-эпиграфических композиций — эпиграфический орнамент с элементами растительного узора — встречается также на относительно ранних (XIV в.) памятниках. На камне прямоугольной формы, вставленном во внешнюю кладку западной стены Джума-мечети, слева от входа во дворик, высечена надпись, заключенная в прямоугольную рамку в виде

Рис. 10. Надмогильный памятник из сел. Кубачи, XV в.

широкой ленты. Она рельефная, составленная из крупных арабских букв стиля поздний куфи (или переходный куфи), подвергнутых орнаментальной проработке и дополнительной графической резьбе (рис. 12). Правая половина надписи дана в одну строку, а левая — в две строки. Узорность букв и их графическая разделка, а также элементы орнамента среди букв придают надписи красоту и особую выразительность. Аналогичным образом орнаментально проработанные рельефные арабские надписи с элементами растительного орнамента в промежутках между буквами встречаются и на других архитектурных деталях — барельефных дисках, прямоугольниках и т. д. Такие же надписи очень широко использовались и в художественной отделке надмогильных памятников.

С элементами растительного орнамента в промежутках букв исполнена великолепная эпиграфическая орнаментация штукатурных рельефов XII—XIII вв. михраба мечети в сел. Калакорейш Дахадаевского района (29, с. 138—145; 31, с. 17 и сл., рис. 13—16), а также значительно более раннего времени штукатурный эпиграфи-

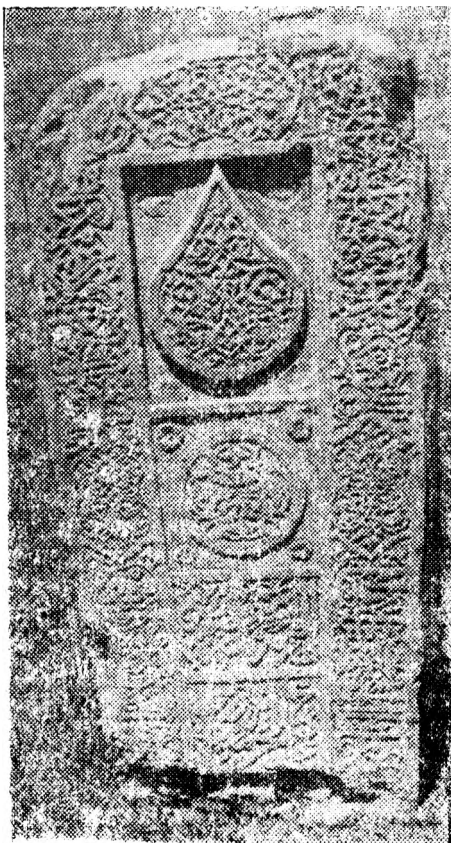

Рис. 11. Надмогильный памятник из сел. Кумух. Конец XV в.

ческий узор оснований (баз) опорных столбов X в. в мечети сел. Каракюре Ахтынского района (29, с. 96—114, рис. 37; 31, с. 14, рис. 5—9).

Куфические надписи в низком рельефе с растительными мотивами в промежутках являются составными частями декора средневековых литых бронзовых котлов т. н. открытого типа, относящихся к XII—XIV вв. (15—25). Надписи всегда помещаются на одном из четырех горизонтально отогнутых бортиков и представляют собой имена изготовивших котлы мастеров с нисбой (напр., «Сделал Абу Бакр бен Ахмад Марвази» или «Сделал Ахмад бен Махмуд ал-Марвази» — соответственно в собрании историко-этнографического музея ДГУ и ДГОИАМ).

Третья разновидность узорно-эпиграфических композиций — это эпиграфический орнамент, данный на фоне растительного орнамента. На фоне растительного узора в виде скрученного в спираль выходящего стебля с отходящими от него листьями, трилист-

Рис. 12. Рельеф с арабской надписью. Кубани. Джума-мечеть. XIV в.

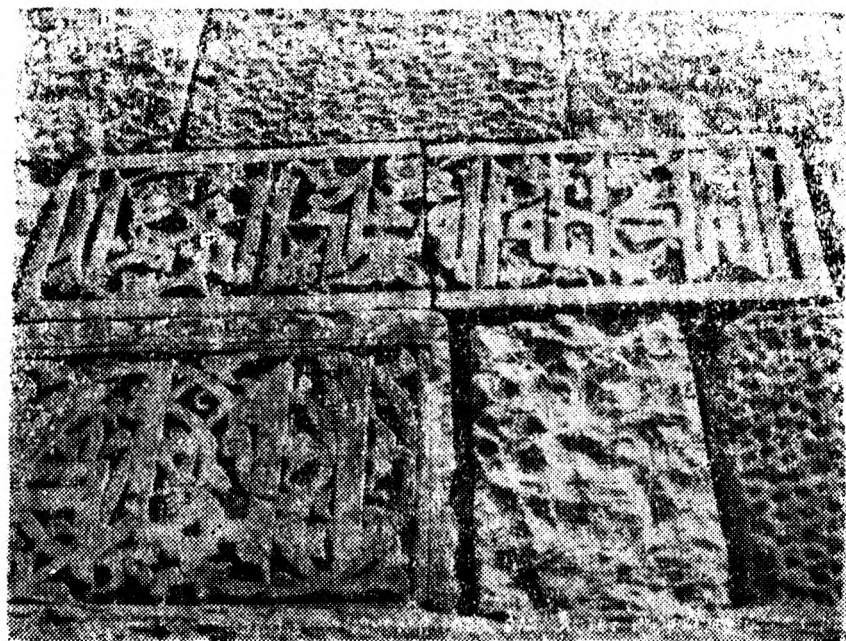
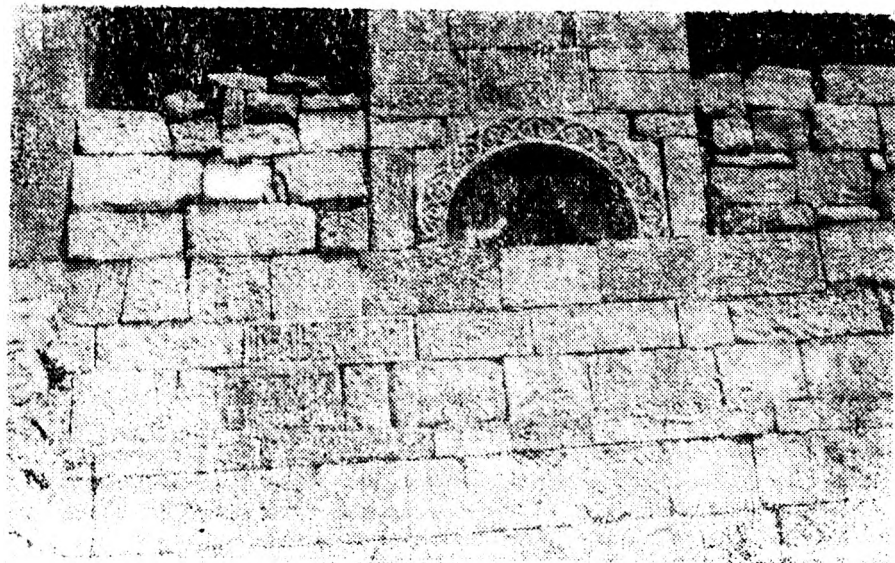

Рис. 13. Рельефы в южной стене бокового (восточного) помещения Джума-мечети в сел. Кубачи. XIV–XV вв. Камень с арабской надписью над арочкой 1325 г. х. / 1907 г. (а) и рельефы с арабскими надписями в южной стене бокового помещения Джума-мечети, сел. Кубачи. Начало XV в. (б)

Рис. 14. Рельеф с арабской надписью. Кубачи. Женская мечеть. Середина XV в.

никами, завитками высечены надписи почерком поздний куфи на прямоугольной формы камнях первой половины XV в., находящихся в кладке южной стены бокового помещения Джума-мечети (рис. 13, а, б).

Лицевая сторона камней хорошо отшлифована, фон раскрашен в красный цвет, буквы подвергнуты орнаментальной проработке, верхние окончания их, а также орнамент — пальметты, листья, завитки отделаны графической резьбой.

От них несколько отличается почерком и характером резьбы надпись, вырезанная на камне прямоугольной формы (рис. 14) первой половины XV в., находящемся в восточной стене женской мечети. Надпись, выполненная почерком «наسخ», заключена в рамочку. Она дана на фоне растительного орнамента в виде завитков, оканчивающихся листьями своеобразных форм, трилистниками, изогнутых и вытянутых очертаний крупных пятичастных пальметт. Растительный орнамент придает надписи некоторую замысловатость и цветистость, равномерно заполняя фон между буквами, уравнивает всю композицию.

Превосходным образом архитектурного эпиграфического орнамента, данного на фоне растительного узора, служит камень XIV—XV вв. в кладке южной стены основного помещения Джума-мечети (рис. 15). Он вставлен в кладку между средними арками и, вероятно, с самого начала предназначался для украшения здания мечети. Рельеф довольно высокий, фон всего декора ровный и глад-

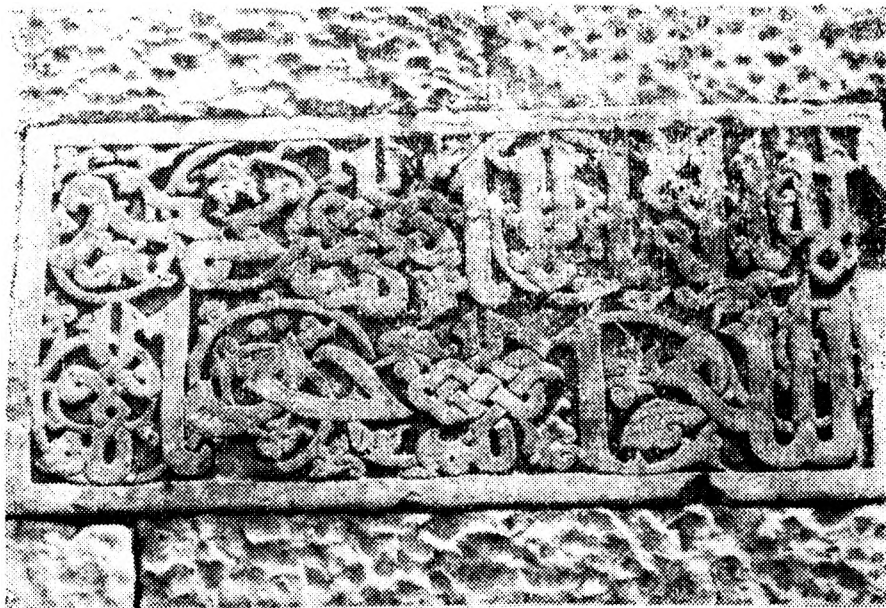

Рис. 15. Рельеф с арабской надписью. Кубачи. Джума-мечеть. Конец XIV или начало XV в.

кий, выбранный в одной плоскости. Надпись исполнена арабскими буквами в стиле «поздний куфи», в две строки. Она обрамлена неширокой ленточной рамкой. Верхние концы букв имеют орнаментальные окончания. Фон надписи составляет спирально скрученная спираль, от завитков которой отходят листья, трилистники и пальметты, равномерно заполняя промежутки между буквами. В трех местах путем сплетения срединных частей буквенных стволов образованы плетенки в виде «узлов счастья» двух типов, которые прекрасно гармонируют с растительным узором, но усиливают в целом замысловатость буквенно-орнаментальной вязи. Аналогичные плетенки в виде узлов встречаются, как было отмечено, и в декоративной отделке надмогильных памятников XIV—XV вв.

Тот же прием нанесения рельефного эпиграфического орнамента (арабских надписей) на фоне растительного узора развитого стиля применен в отделке резных вставок мимбара XV в. из с. Кубачи (33, рис. 335—6; 34, рис. 25), резного опорного столба XIV—XV вв. в сел. Шири Дахадаевского района (16, табл. IX, 3; 17, рис. 99; 33, рис. 64).

На фоне орнамента в виде динамично выходящего стебля со спирально свернутыми гибкими побегами с листьями на концах дана рельефная арабская надпись (благожелательного характера) на кубачинском бронзовом котле открытого типа, отлитом во второй половине XIV века (14, с. 181—182, ил. 36—38; 20, с. 54—57).

Аналогичные рельефные арабские надписи, выполненные крупными рельефными декоративно трактованными буквами, данными на фоне изящного растительного орнамента в виде гибкого выходящего стебля со скрученными в спираль побегами, оканчивающимися листьями-пальметками, трилистниками и др., украшают широкие эпиграфические полосы — П-образные или с закругленным верхом резных надмогильных памятников XIV—XV вв. сел. Кубачи Калакорейш, Шири и т. д. (17, рис. 92, 94; 19, ил. 127; 20, с. 56, рис. 2, б; 29, с. 77—81, 93, 136; 35, с. 144).

Следует отметить, что эпиграфический орнамент, данный на фоне растительного узора, относится к числу наиболее широко применяемых композиций в средневековом архитектурном декоре и в отделке различных произведений декоративно-прикладного искусства Дагестана, а также Закавказья (8, с. 42—45, табл. 63, 1; 36, с. 59, рис. 27, 38, 113), Средней Азии (5, с. 424 и сл.; 37, с. 141 и сл.; 38, ил. 69, 71, 88, 93, 96, 98—99) и других мусульманских стран Востока (28, с. 24 и сл.; 39, табл. 35, 1, 36, 8, 37).

Четвертый вид узорно-эпиграфических композиций — надписи в узорном обрамлении представлен несколькими дошедшими до нас резными камнями. Среди них в первую очередь отметим упомянутый выше четырехугольный камень (рис. 16) в восточной стене второго этажа женской мечети в Кубачи, на котором высечена имя мастера Асада ибн Абу Бакра и дата 839 г. х. (= 1435/1436 гг.). Центральное поле камня, отшлифованного с лицевой стороны, занимает рельефная арабская надпись, выполненная по-

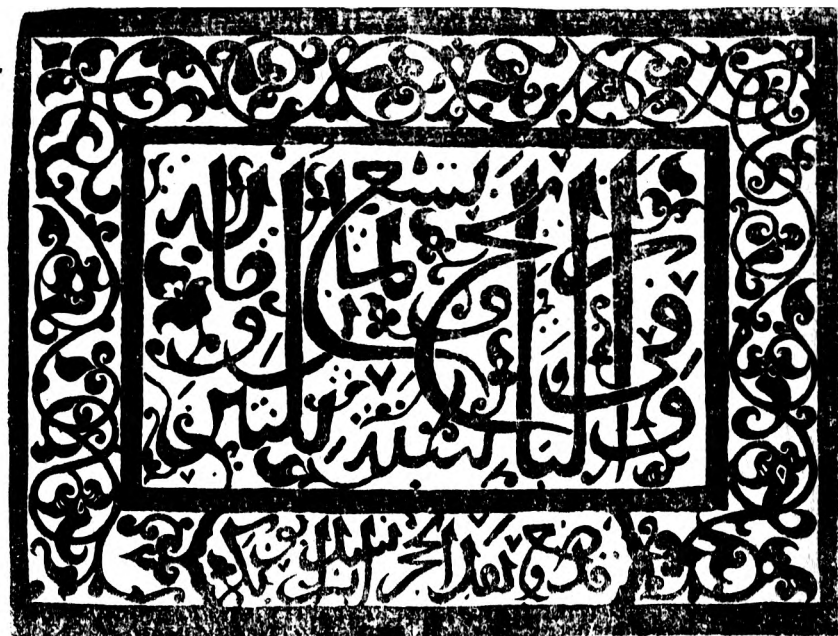

Рис. 16. Рельеф с арабской надписью и орнаментом. Женская мечеть в нижнем квартале сел. Кубачи. Мастер Асад ибн Абу Бакар. Дата 839 г. х. / 1435—1436 гг.

черком «наск» буквами крупных размеров с элементами растительного орнамента. В их промежутках имеются элементы растительного орнамента в виде различной величины трилистников. Надпись представляет собой довольно сложную буквенную вязь, рассчитанную на внимательное и длительное рассматривание, чтобы прочесть написанное. Надпись эту с ленточной каймой обрамляет широкая полоса растительного орнамента, образующая узорную рамку. Растительный орнамент представляет собой энергично выющийся стебель с отходящими от него завитками, оканчивающимися разных форм листьями, а также трилистниками, верхние концы которых пересекают стебли и завершаются завитками. Листья и трилистники отделаны тонкой гравировкой.

В нижней части орнаментальной рамки помещен фигурный картуш, заполненный рельефной арабской надписью из мелких букв с растительными элементами в их промежутках. Она хорошо согласуется с характером орнаментальной резьбы. Выполнив надпись на центральном поле крупными буквами, заключив ее в рамку, мастер акцентирует внимание зрителя на самой надписи, подчеркнуто выделяет ее. Именно она служит композиционным центром, а орнаментальное рамочное обрамление украшает ее, делает более художественно выразительной и красивой. Включенные в промежутки надписей элементы растительного узора связы-

вают и надпись, и рамочное обрамление в единую гармоничную композицию.

Другим выразительным образцом эпитафического орнамента, обрамленного растительным узором, служит отмеченный выше (при описании первой разновидности узорно-эпитафических композиций) барельефный диск, на котором высечена рельефная надпись с плетенкой в виде узла в середине (17, с. 138, рис. 84). По внешнему краю диск и вся надпись обрамлена растительным орнаментом.

Иное композиционное решение и иные художественно-стилистические приемы демонстрируют орнамент и надпись, высеченные на четырехугольном камне XV в., вставленном в кладку квартальной мечети в самой нижней части сел. Кубачи (34, рис. 20). На этом камне в самом центре высечен прямоугольник, заполненный внутри арабской надписью, выполненной крупными рельефными буквами. Прямоугольник обрамлен растительным орнаментом крупных форм в виде волнистого стебля, от которого отгибаются завитки, оканчивающиеся полупальметками и трилистниками. Сами завитки изогнуты в обратном направлении движению стебля таким образом, что пересекают и стебель, и предыдущий завиток. Листья отделаны графической резьбой в виде тройных дужков. В нижней части (или слева? Как был первоначально уложен камень в стену, сейчас судить трудно) имеется еще одна арабская надпись в одну строку на всю ширину камня, окантованная ленточной рамкой. Она рельефная, исполнена почерком «наск», более мелкими буквами, чем надпись в центре. И надпись и орнамент на данном камне исполнены мастерски, однако надпись в нижней части вносит некоторую дисгармонию в общую композицию.

Эпитафический орнамент в обрамлении растительного узора представлен и на отдельных деталях-вставках резного деревянного мимбара XV в. из сел. Кубачи. Особой замысловатостью и причудливостью буквенного узора среди этих деталей выделяется четырехугольной формы вставка (34, рис. 26), центральное четырехугольное поле которой занято буквенным панно в виде лабиринта, составленного своеобразным размещением геометризованных арабских букв. Узор из геометризованных арабских букв, образующих четырехугольное панно, окаймленное рамкой растительного орнамента, помещен и на верхнем участке центрального поля надмогильного памятника XVI в. в сел. Кумух Лакского района (32, рис. 101). Аналогичный буквенный орнамент широко представлен в средневековом архитектурном декоре Азербайджана (мавзолей XIII—XIV вв. в Барде, Ардебиле, в сел. Карабаглар, дворец ширваншахов в г. Баку и др.) (8, с. 13, табл. 5, 13, 64—65; 36, с. 127, ил. 59, 64—65; 40, с. 245—255), Средней Азии (мавзолей 1375 г. в Шах-Зинда в г. Самарканде, фасад медресе Улугбека нач. XV в., входной портик мавзолея Гур-Эмир XV в. в Самарканде и др.) (5, с. 430, рис. 137, 2, 3, 146, 6, 152, 197; 38, с. 210, ил. 215) и мусульманских стран Востока (минарет XIV в. в Исфахане и др.) (28, с. 24—25; 38, с. 62, ил. 59, 126). По поводу этого орна-

Рис. 17. Рельеф с арабской надписью и орнаментом из сел. Кубачи. XV в. ДГОИИАМ

мента Л. И. Ремпель справедливо отмечает, что «подобные лабиринты строятся на сетке квадратов и настолько запутаны, что вполне оправдывают свое наименование» (5, с. 430).

Следующая, пятая разновидность узорно-эпиграфических композиций построена по принципу чередования сверху вниз арабских надписей и растительного орнамента, которые обычно размещаются в две «строки». Надписи и орнамент разделяет горизонтальная черта в виде неширокой ленточной полосы.

Высеченный на четырехугольном камне XIV в. эрмитажного собрания (19, ил. 27) эпиграфический и растительный узор в низком рельефе построен в два «яруса» — верхний и нижний и показан в их контрастном сопоставлении. Однако четкие ритмы, единый стиль резьбы, одинаковая отделка окончаний букв надписи и завитков растительного орнамента (в нижнем ярусе) связывает все в единую гармоническую композицию и придает узору и надписи особую выразительность.

На контрастном сопоставлении эпиграфического и растительного орнамента построена композиция в две строки, высеченная на прямоугольном камне начала XV в., хранящемся в ДГОИИАМ (без инвентарного номера). На нем на верхней половине представлена рельефная арабская надпись с орнаментализированными буквами, а на нижней половине — замысловатый и довольно сложный рисунок растительного орнамента типа ислими, основанного на побеге динамично выходящего стебля, завитки которого, оканчивающиеся трилистниками, закручены в спираль так, что, возвращаясь назад, пересекают и стебель, и предыдущий завиток (рис. 17).

Густой насыщенный орнамент контрастирует с надписью, буквы которой размещены на плоскости равномерно, со значительным свободным фоном вокруг них. Однако и здесь противопоставление надписи и орнамента служит композиционным приемом, придающим всей резьбе камня особую прелесть и нарядность.

Шестая разновидность эпиграфических композиций отличается монументальностью форм, органическим сочетанием надписей (или псевдонадписей) с растительным и зооморфным орнаментом (рис. 18). Среди некоторых таких композиций представлены еще ленточный орнамент и элементы геометрического узора (на колонках тимпанов, хранящихся в ДГОИИАМ).

Наиболее ярко эти композиции представлены на ряде оконных и дверных тимпанов, опирающихся на резные каменные колонки (столбики), образующие проемы (15, табл. LV; 16, табл. III, 6, 7, 9, табл. IV, 5; 17, рис. 47—49, 64, 73; 19, ил. 124—125; 26, с. 52, табл. 9, 71).

С точки зрения палеографических особенностей надписей, их датировки и расшифровки, эти памятники исследователями рассмотрены достаточно подробно. Здесь мы отметим лишь, что органическое сочетание в единой композиции каллиграфии — художественно трактованного арабского письма, изобразительных сюжетов и растительного орнамента (иногда — ленточного), характерное для кубачинских тимпанов, вместе с подпиравшими их

Рис. 18. Тимпан с изображением оленя (голова сбита) из сел. Кубачи. XIV в. ДГОИАМ

столбиками, образующими в целом двойные проемы окон или дверей, было выражением эстетических представлений населения того времени, сходных во многих отношениях и по своей сути с такими же представлениями народов Востока, нашедших свое отражение в специальных «Трактатах» XV—XVI вв., посвященных каллиграфии, художникам и их искусству. Авторы трактатов Султан-Али Мешхеди, Дуст-Мухаммад, Кази-Ахмад Мир-Мунши аль-Хусайни, Садик-бек Афшар, «различая каллиграфию, орнамент и изображение как особые виды творчества, вместе с тем постоянно указывают, что тот или иной крупный художник владел всеми тремя или хотя бы двумя из этих специальностей» (28, с. 24).

Принцип гармоничного двуединства лежит в основе декора средневековых кубачинских надмогильных памятников, где органично сочетаются каллиграфия и растительный орнамент, исполненные на высоком художественном уровне.

На резных каменных надмогильных памятниках XIV—XV вв. общая схема декора как бы канонизирована, хотя вариации мотивов орнамента — и растительного и эпиграфического в пределах этой схемы весьма многообразны. Такой принцип декорирования обусловлен, с одной стороны, канонизированной формой самого надмогильного памятника в виде плоской плиты трапециевидной формы, а с другой стороны — догматика ортодоксального ислама не допускала вольностей и отступлений от общепринятых, устоявших-

ся правил художественного оформления памятника. Мастер-художник мог варьировать, совершенствовать, трактовать по-новому и доводить до очень высокого художественного уровня существующие общеизвестные орнаментальные схемы и каллиграфию надмогильных плит, но не допускалось ни менять саму форму памятника, ни изменять общую каноническую схему декора.

Вместе с тем мастера, направляя свои усилия на совершенствование сложившихся орнаментально-эпиграфических композиций, на поиски их новой оригинальной трактовки, на разнообразное варьирование и разработку новых элементов, значительно обогащали орнамент, вносили в его трактовку немало нового, делали его намного богатым по форме и многообразным по решению композиций.

Изучение средневековых надмогильных памятников сел. Кубачи позволяет считать, что в то время существовали определенные выработанные правила декоративной отделки этих памятников, в основе которых лежал принцип гармоничных пропорций: декор наносился, придерживаясь определенных соотношений между размером памятника, шириной эпиграфической полосы, размером букв надписей и размера растительного орнамента, а также с учетом соотношения центрального поля и орнаментально-эпиграфической полосы.

Специалисты, занимающиеся изучением восточных рукописных книг и арабской эпиграфики полагают, что само искусство письма было связано с широким распространением прикладной математики на средневековом Востоке, ибо каллиграфы считали, что «письмо — геометрия души» (27, с. 171).

Таким образом, эпиграфический орнамент в средневековом архитектурном декоре сел. Кубачи, наряду с растительным, геометрическим и зооморфным орнаментом, играл очень важную роль и являлся составной частью декоративного убранства культовых и гражданских сооружений. Исполненный на высоком художественном уровне эпиграфический орнамент, имея самые разнообразные композиционные решения и различную декоративную трактовку, служил не только в целях украшения зданий, но и для пропаганды в массах идей ислама, как это имело место и в других областях мусульманского мира (5, с. 428).

Значение эпиграфических памятников сел. Кубачи огромно, так как они выступают не только составными частями архитектурного декора или же художественного убранства надмогильных памятников, но и служат важным источником по истории и культуре (14, с. 165; 21, с. 22—23; 29, с. 137 и сл.; 35, с. 193, 199—200) средневекового Зирехгерана — Кубачи и близлежащих селений. Именно изучением памятников эпиграфики удалось исследователям уточнить вопрос о времени проникновения и утверждения ислама в Кубачи (35, с. 200; 43, с. 190—194) и связанное с этим строительство различных культовых сооружений — мечетей, медресе, подвергнутых декоративной отделке.

Эпиграфические памятники выступают и как показатели раз-

вития культуры, распространения грамотности и письма среди местного населения. Они помогают выяснению отдельных вопросов исторической географии Зирехгерана, формирования сел. Кубачи как крупного населенного пункта. Но под таким углом зрения эти памятники нуждаются в специальном исследовании.

Изучение памятников эпиграфики позволяет также путем палеографического анализа надписей уточнить вопросы хронологии памятников резьбы по камню, не содержащих даты. Точно датированных памятников в сел. Кубачи сравнительно мало, поэтому они служат эталонами для определения хронологии многих других, не содержащих точные даты памятников. А без определения их хронологии невозможно объективно осветить вопросы происхождения и развития искусства сел. Кубачи.

1. Лелеков Л. А. Семантический параллелизм в орнаментике Средней Азии, Закавказья и Древней Руси // Сообщ. ГМИНВ. М.: Наука, 1972. Вып. VI.
2. Валсев Ф. Х. Древнее и средневековое искусство Среднего Поволжья. Йошкар-Ола: Марийск. книж. изд-во, 1975.
3. Гюзальян Л. Т. Две строительные надписи из Кубачи // ЭВ. М.: Л.: Наука, 1963. Вып. XVI.
4. Маммаев М. М. Средневековые каменные рельефы-памятники архитектурного декора // РФ ИИЯЛ. Ф. 3. Оп. 8. Д. № 75 (7519).
5. Ремпель Л. И. Архитектурный орнамент Узбекистана. Ташкент: Гос. изд-во худож. лит. Узб. СССР, 1961.
6. Ахраров И., Ремпель Л. Резной штук Афраснаба. Ташкент: Изд-во лит. и искусства им. Г. Гуляма, 1971.
7. Денике Б. П. Архитектурный орнамент Средней Азии. М.: Л.: Изд-во АН СССР, 1939.
8. Аскерова Н. С. Архитектурный орнамент Азербайджана. Баку: Изд-во АН АзССР, 1961.
9. Прибыткова А. М. Архитектурный орнамент IX—X вв. Средней Азии // Архит. наследство. 1973. № 21.
10. Прибыткова А. М. Развитие орнамента в архитектуре Средней Азии // Там же. 1977. № 26.
11. Воронина В. Л. Архитектурный орнамент Средней Азии (вопросы классификации) // Там же. 1980. № 28.
12. Козлов В. Н. Основы художественного оформления текстильных изделий. М.: Лег. и швейн. пром-сть, 1981.
13. Энгельс Ф. Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Изд. 2-е. Т. 21. М.: Политиздат, 1961.
14. Иванов А. А. О датировке кубачинских памятников // Искусство Кубачи: Альбом Л.: Художник РСФСР, 1976.
15. А. Иванов А. Персидские надписи из Кубачи // Rivista studi orientali. Roma, 1987. Vol. LXIX. F. I—IV. P. 213—224. Pl. I—VIII.
16. Орбели Н. А. Албанские рельефы и бронзовые котлы XII—XIII вв. // Избр. труды. Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1963.

16. Кильчевская Э. В. Декоративное искусство аула Кубачи. М.: Госмест-промиздат, 1962.
17. Кильчевская Э. В. От изобразительности к орнаменту. М.: Наука, 1968.
18. Гюзальян Л. Т. О дагестанских (кубачинских) котлах открытого типа // Тез. докл. науч. сес., посвящ. итогам работы Гос. Эрмитажа за 1961 год. Л.: Изд-во ГЭ, 1962.
19. Искусство Кубачи: Альбом / Авт.-сост. А. Иванов. Л.: Художник РСФСР, 1976.
20. Иванов А. А. Кубачинский бронзовый котел XIV века // СГЭ. Л.: Аврора, 1977. Вып. XI.11.
21. Иванов А. А. Могильные камни из Кубачи как историко-культурный памятник // Кратк. содерж. докл. среднеаз.-кавказ. чтений. Л.: Наука, 1981.
22. Шихсаидов А. Р. Надписи рассказывают. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1969.

СОКРАЩЕНИЯ

ГМИНВ — Государственный музей искусств народов Востока
ГЭ — Государственный Эрмитаж
РАНИОН — Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук
РФ ИИЯЛ — Рукописный фонд Института истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР
СГЭ — Сообщения Государственного Эрмитажа
УЗ ИИЯЛ — Ученые записки Института истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР

instituteofhistory.ru

Т. М. Айтберов

О ДАТИРОВКЕ ДАРВАГСКОГО МИНАРЕТА

Одним из древних населенных пунктов Дагестана является сел. Дарваг¹ нынешнего Табасаранского района, расположенное на известном пути, по которому — через сел. Марага — можно было обойти г. Дербент с запада. В этом азербайджанском селении, входившем традиционно в состав Табасарана, имеется несколько памятников старины. В их числе: форт VIII в., входивший в систему Горной стены в качестве Главных ворот² и построенный по приказу арабского наместника Аррана Йазид ибн Усейда ас-Сулами; мечеть, в стене которой находится плита со следующей

Рис. 1.

¹ Орошим Вак, который является составной частью топонима Дарвак, известен с первой четверти VIII в.

² Арабы называли его на своем языке Баб Вак «Ворота Вака»; современное Дарвак (от персидского Дар-и Вак) имеет то же самое значение.

надписью: «Эту мечеть построили Султан-бек, сын Алибури-бека³ и мать его Шарфа-ханум ... В 1301/1883—84 году», и, наконец, стоящий рядом с мечетью минарет.

Дарвагский минарет возведен на известковом растворе, и поэтому кладка его стен переборке не подвергалась. Этот красивый издали видимый минарет уже давно так или иначе привлекает к себе внимание исследователей. Историк Р. М. Магомедов опубликовал даже надпись о его постройке в чтении и переводе дарвагца А. Хантемирова: «Завершено строительство этого минарета в святой месяц рамазан в эпоху Джамал ибн Куса-Али в 184 (800) г. хиджры» (см.: Магомедов Р. М. По аулам Дагестана. Махачкала, 1979. С. 55). Это чтение, однако, как мы увидим ниже, является не совсем верным, особенно чтение даты.

Осмотр минарета, произведенный нами совместно с научным сотрудником отдела востоковедения Института ИЯЛ им. Г. Цадасы Г. М.-Р. Оразаевым, показал, что надпись о строительстве дарвагского минарета вырезана на каменной плите, вставленной в самый низ названного сооружения в момент его постройки. В настоящее время в связи с возведением поблизости новых зданий эта плита, находящаяся в стене минарета, оказалась в узкой щели и ознакомление с ее текстом стало весьма затруднительным.

قَدْ وَقَعَ تَمَامُ هَذِهِ الْمَنَارَةِ فِي
... شَهْرِ رَمَضَانَ الْمُبَارَكِ
الْبَنَاءِ اصْغَرَ عِبَادِ اللَّهِ تَعَالَى
اِسْتَاد بُرْهَانَ بْنِ جَمَالٍ
الْبَاكِلَوِيِّ... سَبْعَةَ (سِتَّة؟)
سَبْعِينَ (?) وَثَمَانِ مِائَةِ الْهَجْرِيَّةِ

Рис. 2.

Надпись на стене выполнена почерком сульс, что в условиях Восточного Кавказа и в том числе дербентского культурного мик-

³ Алибури-бек являлся на 1866 г. владельцем Дарвага, а происходил он из рода кадиев Табасаранских, кладбище которых находится в соседнем сел. Зиль.

порегiona, является характерным для XIV—XV вв. По нашему мнению, здесь написано следующее:

Перевод:

«Закончен этот минарет в... благословенном месяце рамадан. Строитель (ал-банна) — мельчайший из рабов всевышнего Аллаха мастер (ушад) Бурхан, сын Джамала ал-Бак/уви/. Восемьсот семьдесят (?) седьмой (шестой?) год по хиджре».

Указанная дата соответствует то ли 1471/72 г., то ли 1472/73 г., что, в свою очередь, полностью подтверждается почерком, которым выполнена надпись на кладке минарета.

Следовательно, дарвагский минарет возведен в XV в., что несомненно, а строитель его, возможно, являлся выходцем из ширванского г. Баку. Нельзя здесь не отметить и то, что дарвагский минарет, возведенный на известковом растворе, является одним из редких для Дагестана старинных зданий, дошедших до нас, по сути дела, в своем первоначальном виде.

А. К. Аликберов

О НЕКОТОРЫХ СТРОИТЕЛЬНЫХ НАДПИСЯХ ЮЖНОГО ДАГЕСТАНА XI—XIII ВВ.

Для изучения средневековой архитектуры и строительного дела таких обществ, как Дагестан, где исторические сведения за редким исключением приходится черпать из исторических и географических сочинений других народов, как сопредельных, так и довольно отдаленных, строительные надписи имеют особое значение. Составляя неотъемлемую часть одного из самых надежных видов исторических источников — эпиграфики, они позволяют осветить многие очень важные вопросы социально-экономической, культурной и нередко политической истории средневекового Дагестана*. К некоторым из таких вопросов относится уточнение датировки архитектурных сооружений, выявление имен их строителей, владельцев или лиц, финансировавших строительные работы, а также профессиональной строительной терминологии, установление времени, характера и периодичности реставрационных и восстановительных работ, причин разрушения памятника и др. Часто из лапидарных текстов мы узнаем о тех строительных работах и архитектурных памятниках, которые погибли еще в средневековую эпоху, не сохранив после себя ни материальных следов, ни каких-либо известий в иных памятниках письма, кроме монументальных.

В настоящей статье рассматриваются некоторые наиболее интересные строительные надписи XI—XIII вв., которые были обнаружены нами в 1987 г., и уточняется чтение известной ахтынской надписи.

Анализ находок начнем с куфической надписи, высеченной на небольшом известняке темно-серого цвета с шероховатой поверхностью (размеры 24×16 см) (рис. 1). Камень находится в кладке стены одного из жилых домов поселения Уна Рутульского района.

Собственно текст занимает всего лишь две строки:

- 1) «Это работа С-х-на.
- 2) Владелец Мухаммед».

* Наиболее полно строительные надписи Дагестана представлены у Л. И. Лаврова и А. Р. Шихсаидова (1, 2 и др.).

Надпись отличается строгой геометричностью графических форм. Линейно передана даже буква лам в конечной позиции, начертание которой в куфических текстах содержит некоторую курсивность. Полное отсутствие диакритических знаков сближает надпись с эпиграфическими образцами X—XI вв. (2, с. 333). Любопытно округлое начертание буквы мим в начальной позиции в слове «малик»*. Как явствует из созданных А. Р. Шихсановым свод-

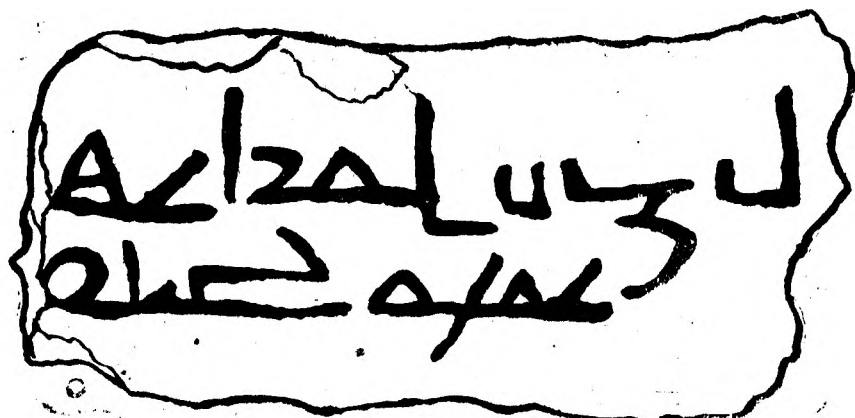

Рис. 1. Строительная надпись XI в. Поселение Уна

ных палеографических таблиц куфических надписей, такая особенность также характерна для граффити этого времени (2, с. 333, 334). В плане общих палеографических соответствий надпись почти точь-в-точь повторяет графические особенности известного куфического текста из сел. Ихрек, датированного 1016/7 г. (1, ч. I, с. 58, 265; 2, с. 8—10). Все эти обстоятельства дают нам веское основание датировать памятник XI веком.

Несмотря на отсутствие в надписи составных элементов арабографического письма — точек, возможности разночтений здесь минимальные и ограничиваются именем строителя, которое, как нам представляется, является немусульманским, языческим.

Надпись устанавливает приблизительное время функционирования данного поселения и называет нам имена строителя и владельца сооружения XI века.

Среди целой группы куфических строительных граффити из сел. Кала Рутульского района особый интерес привлекает арабоперсидская надпись, датируемая по палеографическим данным в пределах XII в. Она выбита на гладком известняке неправильной формы (размеры 26×15 см), вделанному в стену жилого дома (рис. 2). Буквы врезаны неглубоко, в двух местах неумелый

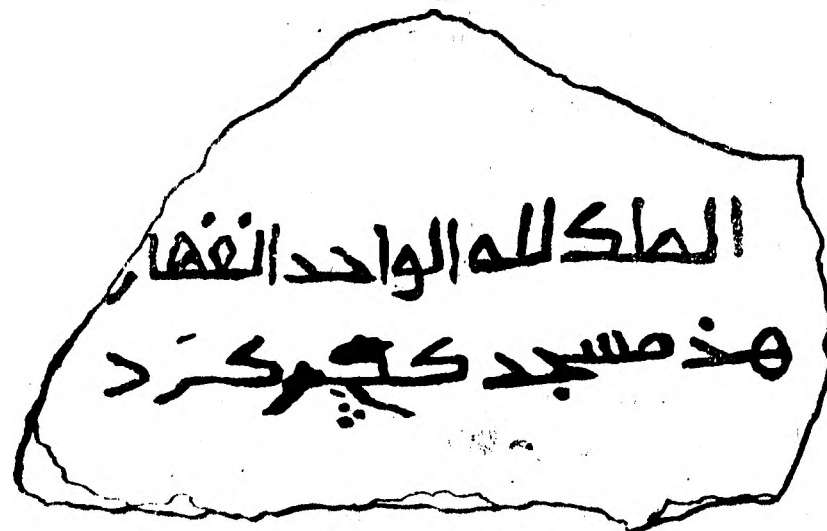

Рис. 2. Арабо-персидская надпись XII в. Сел. Кала

резчик повредил текст, но тем не менее он читается хорошо:

- 1) «Владычество принадлежит Аллаху, единому и всемогущему.
- 2) Эту мечеть построил К-к-ч-м /р/».

В палеографическом отношении надпись отличается от предыдущей прежде всего наличием диакритических точек и более ярко выраженным динамизмом линейно-угловатых форм графики. Буквы здесь более скомпонованы, фон чище, угловые величины ха, даль, заль одинаковы. Характерной особенностью надписи является то, что основа ее графического каркаса в строке не лежит на одной строго прямой линии, как того требует каллиграфия куфического стиля, а каждое слово имеет собственную линейную основу.

Приведенный выше текст сообщает нам о наличии в XII веке в ауле Кала мусульманского культового сооружения — мечети. Большое число посвяtitельных надписей этого периода, выбитых на десятке различных камней в селении, свидетельствует о прочном утверждении ислама среди местного населения еще в XII веке. Правда, многие арабские тексты сопровождаются врезными крестами, знаками Давида и другой условной символикой, заставляющей думать о некоторой доле достоверности распространенных здесь исторических преданий о том, что аул якобы был основан евреями (видимо, имеются в виду таты) и армянами, проповедовавшими свои религии.

Вместе с тем данная надпись является одним из самых ранних памятников новоперсидского языка на Северном Кавказе. Мы можем говорить о XI—XII вв. как о начальном периоде проникнове-

* В тексте «малик».

ния новоперсидского языка в письменные памятники Южного Дагестана, которое, однако, было ничтожно малым по сравнению с масштабами и интенсивностью распространения сферы влияния арабского языка.

Любопытно отметить, что на персидском языке передана информативная часть надписи, включая и имя строителя мечети, которое по фонетическим признакам можно считать персидским. Не исключено, что он был выходцем из Ирана. Как известно, еще Сасаниды широко практиковали переселение персоязычного элемента в Южный Дагестан в своих политических целях (3, с. 30, 31; 4, с. 147 и др.). Предположение о происхождении строителя мечети тем более вероятно, что среди основателей аула предания называют и татов.

Рис. 3. Арабская надпись XII в. Сел. Ахты

Будучи в сел. Ахты Ахтынского района, мы еще раз обследовали известную строительную надпись на стене жилого дома в старом квартале селения (рис. 3). Она была выявлена в прошлом веке Н. В. Ханыковым и опубликована им в виде рисунка без указания места находки (5, л. 42). В 1947 г. Л. И. Лавров установил местонахождение надписи и издавал ее трижды, по эстампу и фотографии (6, с. 261; 7, с. 374; 1, ч. I, с. 95, 279). Ученый прочитал надпись следующим образом: «Крепость сделали Ш-л-раха...». По Л. И. Лаврову, надпись относится ко времени не позднее XIII в. (1, ч. I, с. 95).

Были и другие, более удачные попытки чтения надписи. Так, А. Р. Шихсаидовым надпись использована в варианте: «Крепость построил Аш-л-раха» (8, с. 130; 9, с. 150), а Г. М.-Р. Оразаев предложил чтение имени строителя как Аштархан (10).

Тщательный палеографический и текстологический анализ надписи обнаруживает в чтении Л. И. Лаврова ряд неточностей. Можно не сомневаться, как отмечено и А. Р. Шихсаидовым, в ошибочности перевода глагола «строить» в форме двойственного числа, поскольку в тексте присутствует лишь одно имя. Отсюда следует, что алиф относится не к глаголу, а к имени. Буква, следующая за шин в имени, убедительнее читается как та, нежели как

лам. Последующая буква, которую исследователи читали как ра, обнаруживает большое сходство с некоторыми графическими вари-

антами йа периода XII—XIII вв. из палеографических таблиц А. Р. Шихсаидова (2, с. 334, 335). Эти уточнения позволяют прочитать имя как Аштиха.

Еще больше смысл текста раскрывается при учете морфологических и фонетических особенностей местного (лезгинского) языка, носителем которого был автор или писец-резчик. Именно под их влиянием, как нам кажется, в арабском тексте произошло невольное его искажение *ad libita librarii**. Известно, что в лезгинском языке арабское слово [кал' ат] «крепость», «укрепление» произносится и пишется как «к'бала», или «к'беле», т. е. происходит

выпадение конечной та марбуты. Писец так и написал это слово без последней буквы, хотя такое написание ошибочно с точки зрения арабской орфографии. Далее, по законам лезгинской фонетики в сложных собственных именах, образованных с помощью аффикса «-хан», конечный «н» вследствие редукции либо назализуется, либо полностью выпадает (11, с. 80, 81; 12, с. 247—249).

В надписи это отразилось отсутствием буквы нун в конце имени и наличием фатхи. Таким образом, имя Аштиха следует понимать как Аштихан. Переводим весь текст: «Крепость воздвиг Аштихан». Учитывая то, что глагол «амила» имеет еще значение «править», «управлять», можно предложить и другой вариант чтения: «Крепостью управляет Аштихан».

Возможно, Аштихан — это один из вариантов передачи имени ширваншаха Ахситана, правившего в Ширване в 1160—1196/7 гг. (13 с. 239) (Ахситан — у В. В. Бартольда, З. М. Буниятова и др. (13, с. 14, 15). Агсартан — в грузинских летописях (16, с. 397; 17, с. 44), а в отдельных работах ширваншах именуется Астиханом (18, с. 9). Правление его совпало с периодом расцвета династии ширваншахов, находившихся еще в политической зависимости от грузинских царей и считавшихся вассалами сельджукских правителей Ирака (14, с. 877). Еще отец Ахситана Манучехр вел активную экспансионистскую политику, направленную на распространение сферы своего влияния на земли Южного Дагестана. Приемник Манучехра в своих территориальных притязаниях дошел до Дербента, правитель которого был вынужден обратиться за помощью к русам**. Однако в 1175 г. при поддержке грузинского царя Георгия III Ахситану удалось победить флот русов и овладеть Дербентом (14, с. 877; 15, с. 425; 20, с. 983). Ширванский поэт XII века Хакани, восхваляя своего правителя за победу над флотом русов, хазарами и аланами, писал, что Ахситан «обратил Дербент в ад» и «ныне вызвал такое же смятение в Дербенте и среди русов, какое эти люди с сердцами собак раньше порождали в Ширване. Его мечом с помощью божьей завоеваны Дербент и Шаберан» (21, с. 127; 15, с. 425—426).

* По произволу переписчика — лат.

** Другую версию о русах даёт С. Б. Ашурбейли. См.: 19, с. 171.

В свете этих событий ахтынская эпиграфическая надпись, которую с полным основанием можно датировать XII веком, представляет несомненную ценность. Она, возможно, свидетельствует, что долина р. Самур во 2-й пол. XII в. входила в состав владений ширваншахов. Этот факт, но уже для XV века, подтверждается хорошо известной исследователям надписью из того же квартала селения * о том, что владельцем крепости (очевидно, той же самой) является «ширбан-шах Халилаллах», правивший, как известно, в 1417—1462 гг. (1, 4. 1, с. 141).

Историко-археографическая экспедиция ИИЯЛ 1987 года показала, что несмотря на сравнительную изученность лапидарного фонда сел. Рутул Рутульского района, он еще хранит в себе немало неизвестных науке надписей. В частности, в числе других эпиграфических находок здесь нами выявлена интересная строительная надпись XIII в. (рис. 4). Она высечена на прямоугольной песчаниковой плите размерами 50×20 см, вделанной в стену жилого

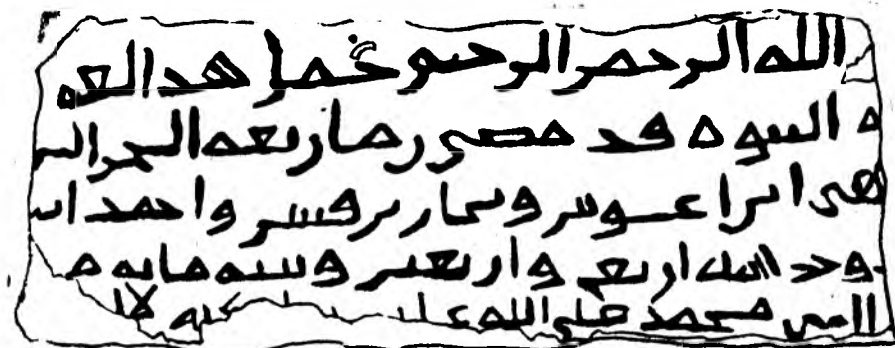

Рис. 4. Строительная надпись XIII в. Сел. Рутул

го дома в северо-восточном квартале Карх. К сожалению, плита эта представляет собой лишь сохранившуюся серединную часть цельного блока со сплошь исписанной поверхностью, края которого были отбиты современным строителем, когда он монтировал его в кладку этого дома. Вследствие такого отношения некоторая часть надписи безвозвратно утрачена, а последняя строка ее значительно повреждена. Коэффициент т. н. искажения образа материей очень мал, поскольку надпись врезана достаточно глубоко на гладкой поверхности; конъектуры же (т. е. частичные восстановления первоначального текста) возможны лишь в традиционных коранических формулах.

Перевод текста: «1/ [Во имя] Аллаха милостивого, милосердного. Построил это сооружение.../2/... пророчество. И прошло время

* В настоящее время камень с этой надписью экспонируется в Ахтынском краеведческом музее.

после разрушения.../3/... к/ф/-и сын А-'ав... и-хар сын К/ф/-с-р и Ахмед сын... /4/ [Аллах] един. Год четыре и сорок и шестьсот [от хиджры пророка].../5/... Аминь! Мухаммед. Да благословит Аллах их [всех и приветствует. Нет] бога, кроме А[ллаха].»

644 год хиджры начался 19 мая 1246 г. и закончился 8 мая 1247 г. нашего летоисчисления.

Диакритические знаки в надписи совершенно отсутствуют, что делает невозможным полное чтение языческих имен. Начертание графемы 'айн в виде ха в слове «'амила», так же как и точки над ней, является следствием ошибки резчика при копировке им текста с бумаги на камень.

Сохранившаяся часть слова в конце первой строки прочитана нами весьма неуверенно: «сооружение». Сомнения в чтении возникли из-за того, что предполагаемая нами буква мим не имеет ни долготы, ни даже окончного «хвостика», больше напоминая та марбуту. В той же мере сомнительно чтение слова как «купол»

ввиду совершеннейшего отсутствия зубца буквы ба в его графике.

В надписи определенно говорится о строительстве в Рутуле какого-то сооружения, которое до этого было разрушено или разрушилось по неясным пока причинам. Восстановительные работы, завершившиеся в 1246/7 г., производились целой группой строителей (в надписи сохранилось лишь три имени, причем одно из них является мусульманским — Ахмад, а другие языческими). Вероятнее всего, в фрагментарном тексте речь идет о застройке в Рутуле крупного культового сооружения, имеющего для местных жителей важное значение, либо о восстановлении религиозного учебного заведения — ханаки, которая была построена здесь по приказу 'Абу-с-Самада б. Налки еще в мухарраме 545 г. х. (мае 1150 г.) (1, ч. 1, с. 64, 176, 264, рис. 16).

В старой части сел. Хив Хивского района сохранился минарет, достигающий в высоту более 12 м. Это круглое в плане сооружение, сложенное из грубообработанного камня. Как памятник средневековой архитектуры в литературе минарет описывался не раз, однако считалось, что надписей на нем нет (22, с. 74, 75; 23, с. 255, 259 и др.).

Надпись высечена на глубоко врезанном центральном поле одной из доломитовых плит, составляющих своеобразный пояс сооружения на высоте 7—8 метров. К сожалению, детальную фотографию самой надписи сделать не удалось, поэтому мы переписали текст, пользуясь биноклем (рис. 5). Испещренность поверхности камня затрудняет уверенное чтение последних двух строк текста:

- 1) «Это работа
- 2) Давуда сына Али.
- 3) [Восстановил?] после разрушения
- 4) устат Али сын Ибрахима».

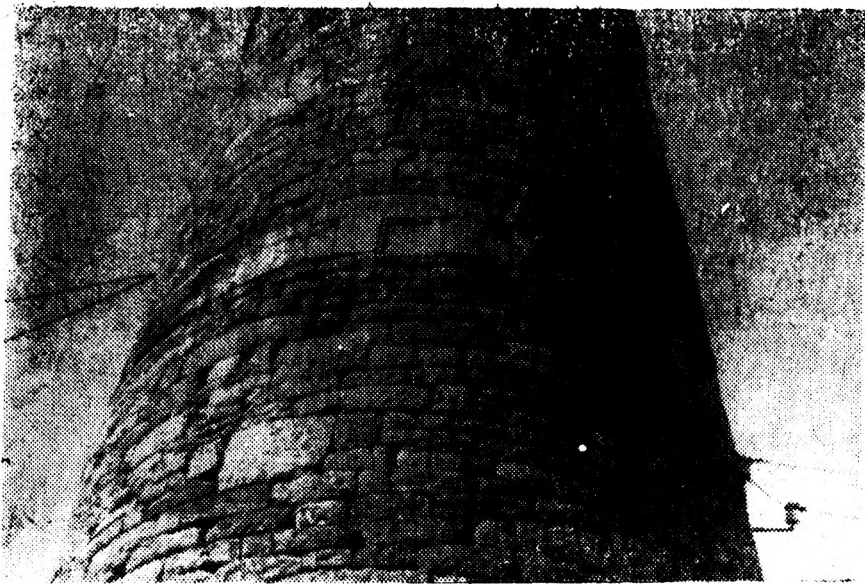

Рис. 5. Строительная надпись XIII в. на стене минарета. Сел. Хив

В почерке надписи преобладают дугообразные лигатуры, но элементы куфи во многом сохранились, что позволяет установить верхние границы ее палеографической датировки концом XIII в.

Минарет, как и сохранившиеся рядом с ним 17 доломитовых столбов разной высоты с рельефными рисунками в верхней части, являлся составной частью хивской соборной мечети, построенной в XII—XIII вв. по типу первых среднеазиатских мусульманских культовых сооружений (2, с. 189). На Арабском Востоке аналогичные по типу архитектурные образцы наибольшую популярность получают примерно с XI—XII вв. (24, с. 246—256).

Надпись называет нам имя строителя минарета Давуда сына Али, сообщает о его разрушении (причем глагол «разрушать», «разваливать», «опустошать» предполагает главным образом насильственное разрушение), а затем называет имя мастера, восстановившего минарет — Али сына Ибрахима.

Зададимся вопросом: какие же силы могли разрушить столь монументальное сооружение и когда это произошло? В некоторой степени заслуживают внимания записанные нами в сел. Хив историко-фольклорные данные, связывающие разрушение хивского минарета с монголо-татарами. Рассказывают, что во время монгольского нашествия часть местных жителей укрепились в минарете, продолжая оказывать завоевателям ожесточенное сопротивление. И когда у них кончились стрелы, они стали кидать в монголов камни из кладки башенных стен. Но силы были слишком неравны: в конце концов верхняя часть минарета разрушилась настолько,

что монголам удалось перебить всех защитников его без особых усилий*.

Вопрос о пребывании монголов в Дагестане был тщательно изучен А. Р. Шихсаидовым и другими исследователями (25, 26 и др.). По Южному Дагестану крупный отряд монгольских завоевателей прошел, как известно, в 1239 году. Установлен и маршрут этого отряда: Дербент — Касумкент — Хив — Рича и далее Кумух (25, с. 9). Исследователи указывали и на то, что из Касумкента в Рича возможен и второй, более благоприятный для передвижения войск маршрут «вдоль реки Курах» (25, с. 8).

Хивская строительная надпись выступает в пользу первой версии, выдвинутой А. Р. Шихсаидовым. Причем это основывается на следующих данных: 1) Хронологическое совпадение времени похода монголов со временем разрушения минарета, с одной стороны, и конкретные историко-фольклорные сведения, с другой, склоняют нас к мысли, что хивский минарет был разрушен именно монголами в 1239 г. 2) Первый путь (т. е. вдоль р. Чирах-чай) имеет местное название «мугъу дере», которое можно перевести как «монгольское ущелье» (25, с. 9). На втором пути не сохранилось ни одного топонима, указывающего на присутствие монголов.

Интересно, что в Хивском районе бытует еще одно историческое предание, имеющее непосредственное отношение к данному вопросу. Оно повествует о том, что монгольский отряд, утомившийся после долгого пути и частых военных столкновений, остановился передохнуть неподалеку от сел. Хоредж. Монголы расположились на вершине большого скалистого обрыва. Чтобы облегчить себе дальнейшее продвижение, они решили здесь освободиться от излишнего груза и пленных, которые были сброшены вниз с этого обрыва*.

В окрестностях сел. Хоредж такой обрыв действительно есть. Находится он на пути, ведущим в сел. Рича. Более того, упомянутая скала изучалась В. Г. Котовичем, обнаружившим на ее вершине остатки древних каменных строений. По его мнению, «здесь... находилась крепость типа замка, служившая одной из резиденций правителя... города Гердишена (город Гердишен отождествлялся В. Г. Котовичем с сел. Хив. — А. А.), где он творил суд» (27, с. 23). Обнаруженные в развалинах замка фрагменты розовоглиняной керамики он относит к предмонгольскому периоду (27, с. 21, 23).

Итак, уточним вопрос о времени строительства минарета. Построен он был, очевидно, вместе с мечетью в XII—XIII вв. В 1239 г. подвергся разрушению со стороны монголов. Восстановлен во второй пол. XIII или нач. XIV в.

Надпись на хивском минарете ценна и в другом отношении. Она впервые по времени в эпиграфике этого района зафиксировала профессиональное звание строителя — уstad. Вывод о «наличии

* Информатор Шамхалов Шихахмед, 110 лет, житель сел. Хив. Полевой материал 1985 г.

* Информатор он же.

в XI—XV вв. в Дагестане профессиональных мастеров-строителей» был сделан А. Р. Шихсаидовым, который установил также и профессиональное звание строителей — «банна или уstad» (28, с. 54, 55). Мы можем подтвердить, что по крайней мере с XIII в. в строительном деле данного района были заняты выделившиеся в особую ремесленную категорию устады, т. е. профессиональные строители.

На этом мы закончим рассмотрение новых строительных надписей Дагестана XI—XIII вв. Отметим, что значение их неизменно возрастает при комплексном изучении с другими видами источников, прежде всего с историческими и географическими сочинениями средневековых авторов, данными археологии, лингвистики, топонимики, этнографии.

1. Лавров Л. И. Эпиграфические памятники Северного Кавказа на арабском, персидском и турецком языках. Ч. I. М., 1966. Ч. II. М., 1967. Ч. III. М., 1980.
2. Шихсаидов А. Р. Эпиграфические памятники Дагестана X—XVII вв. как исторический источник. М., 1984.
3. Тарихи Дербенд-наме / Под ред. М. Алиханова-Аварского. Тифлис, 1898.
4. История Дагестана: В 4 т. Т. I. М., 1967.
5. Ханыков Н. В. Альбом рисунков с памятников и надписей города Дербента // Учен. арх. Всесоюз. геогр. о-ва (Ленинград). Разр. 52. Оп. 1. № 63.
6. Лавров Л. И. Археологические разведки в Дагестане 1947 и 1950 годов // СМАЭ. 1953. Т. XIV.
7. Лавров Л. И. Из эпиграфических находок Дагестанской экспедиции // СМАЭ. 1957. Т. XVII.
8. Шихсаидов А. Р. Распространение ислама в южном Дагестане в X—XV вв. // УЗ ИИЯЛ. 1959. Т. VI.
9. Шихсаидов А. Р. Новые памятники эпиграфики (материалы по истории поселений) // Древние и средневековые поселения Дагестана. Махачкала, 1983.
10. Оразов Г. М.-Р. Отчет о работе в историко-археографической экспедиции ИИЯЛ 1987 года (рукопись).
11. Мейланова У. А. Очерки лезгинской диалектологии. М., 1964.
12. Талибов Б. Б. Сравнительная фонетика лезгинских языков. М., 1980.
13. Буниятов З. М. Государство атабеков Азербайджана (1136—1225 годы). Баку, 1978.
14. Бартольд В. В. Ширваншах // Соч., М., 1963. Т. II. Ч. I.
15. Бартольд В. В. Дербент // Там же. 1965. Т. III.
16. Histoire de la Georgie. SPb., 1849. I.
17. Тебенков М. Древнейшие сношения Руси с прикаспийскими странами. Тифлис, 1896.
18. Гаджиев В. Г. Из истории великой дружбы // Вопр. истории Дагестана (досов. период). Махачкала, 1975. Т. II.
19. Ашурбейли С. Б. Два новых письма Хакани Ширвани как источник по политическим взаимоотношениям Ширвана и Грузии во второй половине XII века // Источниковедческие разыскания. 1982. Тбилиси, 1985.

20. Enzylopaedie des Islam: Geographisches, ethnographisches und biographisches Wörterbuch der muhammedanischen Völker. Leiden — Leipzig, 1913. Bd. 1.
21. Lettre de M. Khanykov à M. Dorn // MA. 1859. T. III.
22. Любимова Г. Н., Хан-Магомедов С. О. Народная архитектура Южного Дагестана. М., 1956.
23. Хан-Магомедов С. О. Дербент. Горная стена. Аулы Табасарана. М., 1979.
24. Architecture of the Islamic World: Its History and Social Meaning. London, 1978.
25. Шихсаидов А. Р. О пребывании монголов в Рича и Кумухе (1239—1240 гг.) // УЗ ИИЯЛ. Махачкала, 1958. Т. IV.
26. Айтберов Т. Еще раз о монгольском нашествии на Дагестан // Письмен. памятники и пробл. истории культуры народов Востока. М., 1977. Вып. 12. Ч. I.
27. Котович В. Г. Отчет о работе 3-го разведочного отряда ДАЭ в 1965 г. // РФ ИИЯЛ. Ф. 27. Оп. 3. Д. 24.
28. Шихсаидов А. Р. Дагестан в X—XIV вв. Махачкала, 1973.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Настоящий сборник дал возможность расширить и углубить наши представления о древней и средневековой архитектуре Дагестана, хотя не все исторические эпохи в нем представлены равномерно, большинство статей затрагивают лишь отдельные аспекты истории архитектуры. К настоящему времени достаточно хорошо изучены ранние этапы развития архитектуры Дагестана, накоплен значительный материал, характеризующий зодчество албанского времени, исследованы многие архитектурно-археологические памятники средневековой эпохи. Вместе с тем следует указать на недостаточную изученность архитектуры эпохи поздней бронзы и раннего железного века, что обусловлено крайне ограниченным количеством известных и исследованных памятников. Для получения полной картины необходимы как дальнейшие полевые работы по изучению известных и поиску новых объектов, так и новые серьезные исследования по научному осмыслению имеющихся материалов, изучению частных и общих вопросов истории архитектуры Дагестана различных исторических эпох. Необходим и новый подход к исследованию памятников, требующих их более детального изучения, вскрытия широких площадей для выяснения исторической топографии, планировки, характера застройки древних поселений и городищ. При этом история архитектуры должна рассматриваться в неразрывной связи с социально-экономической и политической историей народа.

М. С. Гаджиев.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ ПО ТЕМЕ

1. Абакаров А. И., Гаджиев М. Г. Нижнечуглинское городище // Древние и средневековые археологические памятники Дагестана. Махачкала, 1980.
2. Агларов М. А. Поселение и жилище андийской группы народов в XIX—начале XX в. // УЗ ИИЯЛ. 1966. Т. XVI. Сер. обществ. наук.
3. Амирханов Х. Чохское поселение. М., 1987.
4. Артамонов М. И. Древний Дербент // СА. 1946. № 8.
5. Бакланов Н. Б. Архитектурные памятники Дагестана. Л., 1935.
6. Гаджиев М. Г. Древнейшие поселения горного Дагестана // Древние и средневековые археологические памятники...
7. Гаджиев М. Г. Из истории культуры Дагестана в эпоху бронзы. Махачкала, 1969.
8. Гаджиев М. С. К вопросу о местоположении сасанидского города Шахристан-и Фезлигерд // Древние и средневековые археологические памятники...
9. Гамзатов Г. Г. Дворцовые комплексы XIV—XV и XVI—XVII вв. в Дербенте // Там же.
10. Гольдштейн А. Ф. Архитектурные памятники Кайтага. Махачкала, 1969.
11. Дебилов П. М. Архитектурная резьба Дагестана. М., 1966.
12. Дебилов П. М. Резьба по дереву в Дагестане. М., 1982.
13. Дебилов П. М. Резьба по камню в Дагестане. М., 1966.
14. Дебилов П. М. Резьба по стуку в средневековом Дагестане // УЗ ИИЯЛ. 1964. Т. XIV. Сер. ист.
15. Древние и средневековые поселения Дагестана. Махачкала, 1983.
16. Зодчество Дагестана: Сб. ст. Махачкала, 1974.
17. Исламгагомедов А. Некоторые вопросы эволюции аварского жилища в XIX—XX вв. // УЗ ИИЯЛ. 1966. Т. XVI. Сер. обществ. наук.
18. Исламгагомедов А. Поселение аварцев в XIX—XX вв. // Там же. 1964. Т. XII. Сер. ист.
19. Калоев Б. А. Поселение и жилище агулов // КСИЭ. 1955. Вып. XXIII.
20. Котович В. М. Анадинский замок // Древние и средневековые археологические памятники...
21. Котович В. М. Верхнегунибское поселение — памятник эпохи бронзы горного Дагестана. Махачкала, 1965.
22. Котович В. М. К истории дагестанского поселения и жилища на ранних этапах медно-бронзового века // УЗ ИИЯЛ. 1964. Т. XII. Сер. ист.
23. Кудрявцев А. А. Город, не подвластный векам. Махачкала, 1976.
24. Кудрявцев А. А. «Длинные стены» на Восточном Кавказе // Вопр. ист. 1979. № 11.
25. Кудрявцев А. А. Древний Дербент. М., 1982.
26. Кудрявцев А. А. Раскопки богатого средневекового здания в жилом квартале средневекового Дагестана. Махачкала, 1977.
27. Кудрявцев А. А. Резной штук средневекового Дербента // Художественная культура средневекового Дагестана. Махачкала, 1987.

28. Кудрявцев А. А. Сложение исторической топографии средневекового Дербента // Древние и средневековые археологические памятники ...
29. Магомедов М. Г. Древние и средневековые оборонительные сооружения Дагестана. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Махачкала, 1970.
30. Магомедов М. Г. Крепостные сооружения Хазарии // Древние и средневековые археологические памятники...
31. Магомедов М. Г. Новые раннесредневековые культовые памятники в Приморском Дагестане // Обряды и культы древнего и средневекового населения Дагестана. Махачкала, 1986.
32. Магомедов М. Г. Образование Хазарского каганата. М., 1983.
33. Магомедов М. Г. Раннесредневековые церкви Верхнего Чирюрта // СА. 1979. № 3.
34. Магомедов М. Г. Хазарские поселения в Дагестане // СА. 1975. № 3.
35. Марковин В. И. О христианизации горцев Северо-Восточного Кавказа и храме Датун в Дагестане // Художественная культура средневекового Дагестана...
36. Мовчан Г. Я. Дом общественной стражи Хала Бахсан в Кванате // Архит. наследство. 1972. № 20.
37. Мовчан Г. Я. Из архитектурного наследия аварского народа // СЭ. 1947. № 4.
38. Мовчан Г. Я. Камень и дерево в старинном жилище Аварии // Там же. 1969. № 3.
39. Мовчан Г. Я. Социологическая характеристика старого аварского жилища // Кавказский этнографический сборник. М., 1972. Т. V.
40. Мунчаев Р. М. Древнейшая культура Северо-Восточного Кавказа // МИА. 1960. № 100.
41. Никольская З. Из истории аварского жилища // СЭ. 1947. № 2.
42. Османов М.-З. О. Жилище цудахарцев // УЗ ИИЯЛ. 1961. Т. IX.
43. Османов М.-З. О. Поселения даргинцев в XIX—XX вв. // Там же. 1962. Т. X.
44. Пикуль М. И. Эпоха раннего железа в Дагестане. Махачкала, 1967.
45. Саркисов А. В., Иманов М. Н. Некоторые типы народного жилья Кубинского и Кусарского районов // Памятники архитектуры Азербайджана. М.; Баку, 1946.
46. Хан-Магомедов С. О. Арочные конструкции в народной архитектуре Дагестана // Архит. наследство. 1958. № 11.
47. Хан-Магомедов С. О. Архитектура народов лезгинской группы: (Южный Дагестан) // Традиции и современность. Махачкала, 1977.
48. Хан-Магомедов С. О. Архитектура цахуров // Архит. наследство. 1961. № 13.
49. Хан-Магомедов С. О. Архитектурная школа Южного Дагестана // Сообщ. Гос. музея истории народов Востока. 1972. Вып. XVI.
50. Хан-Магомедов С. О. Ворота Дербента // Архит. наследство. 1972. Вып. 20.
51. Хан-Магомедов С. О. Дербент. М., 1958.
52. Хан-Магомедов С. О. Джума-мечеть в Дербенте // СА. 1970. № 1.
53. Хан-Магомедов С. О. Жилище табасаран // СЭ. 1951. № 4.
54. Хан-Магомедов С. О. Лезгинское народное зодчество. М., 1969.
55. Хан-Магомедов С. О. Народная архитектура Дагестана // Архитектура СССР. 1954. № 4.
56. Хан-Магомедов С. О. Народное жилище Южного Дагестана // СЭ. 1951. № 1.
57. Хан-Магомедов С. О. Народное жилище Южного Дагестана и некоторые вопросы национальных особенностей советской архитектуры // Искусство Дагестана. Махачкала, 1964.
58. Хан-Магомедов С. О. Оборонительные сооружения Южного Дагестана // Архит. наследство. 1969. Вып. 18.
59. Хан-Магомедов С. О. Объемно-пространственные композиции башенных сооружений горных аулов Дагестана // Там же. 1974. № 22.
60. Хан-Магомедов С. О. Раннесредневековая Горная стена в Дагестане // СА. 1966. № 1.
61. Хан-Магомедов С. О. Стены и башни дербентской крепости // Архит. наследство. 1964. № 17.
62. Хан-Магомедов С. О. Ханский дворец в Дербенте // Памятники культуры. 1961. № 3.
63. Хан-Магомедов С. О., Любимова Г. Н. Народная архитектура Южного Дагестана: Табасаранская архитектура. М., 1956.
64. Шиллинг Е. М. Кубачинцы и их культура. М.; Л., 1949.
65. Шихсаидов А. Р. Эпиграфические памятники Дагестана X—XVII вв. как исторический источник. М., 1984.
66. Шмерлинг Р. О. Церковь в с. Датун в Дагестане // Машне. Тбилиси, 1968. № 2.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АО	— Археологические открытия
ВН	— Вопросы истории
КСИА	— Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии АН СССР
КСИИМК	— Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры
МАД	— Материалы по археологии Дагестана
МИА	— Материалы и исследования по археологии СССР
ОИА	— Общество обследования и изучения Азербайджана
ПИМК	— Проблемы истории материальной культуры
РФ ИИЯЛ	— Рукописный фонд Института истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР
СА	— Советская археология
САН	— Свод археологических источников
СМОМПК	— Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа
УЗ ИИЯЛ	— Ученые записки Института истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР
УЗ ЛГУ	— Ученые записки Ленинградского государственного университета
ЮТАКЭ	— Южно-Туркменистанская археологическая комплексная экспедиция
МА	— <i>Melanges Asiatique</i>
MDAFA	— <i>Mémoires de la Délégation archéologique française en Afghanistan</i>
JAIIAA	— <i>Journal of the American Institute for Iranian Art and Archaeology</i>

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Айтберов Т. М. — старший научный сотрудник отдела востоковедения Института ИЯЛ им. Г. Цадасы Дагфилнала АН СССР, канд. ист. наук.

Аликберов А. К. — аспирант восточного факультета Ленинградского государственного университета.

Гаджиев М. Г. — Заведующий отделом археологии Института ИЯЛ им. Г. Цадасы Дагфилнала АН СССР, д-р ист. наук.

Гаджиев М. С. — научный сотрудник отдела археологии Института ИЯЛ им. Г. Цадасы Дагфилнала АН СССР, канд. ист. наук.

Гмыря Л. Б. — научный сотрудник отдела археологии Института ИЯЛ им. Г. Цадасы Дагфилнала АН СССР, канд. ист. наук.

Давудов О. М. — старший научный сотрудник отдела археологии Института ИЯЛ им. Г. Цадасы Дагфилнала АН СССР, канд. ист. наук.

Кудрявцев А. А. — ведущий научный сотрудник отдела археологии Института ИЯЛ им. Г. Цадасы Дагфилнала АН СССР, д-р ист. наук.

Магомедов М. Г. — заведующий кафедрой истории Дагестана Даггосударственного университета им. В. И. Ленина, д-р ист. наук.

Маммаев М. М. — старший научный сотрудник отдела истории искусств Института ИЯЛ им. Г. Цадасы Дагфилнала АН СССР, канд. ист. наук.

Сагитова М. Д. — аспирант Института археологии АН СССР.

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН**

instituteofhistory.ru

СОДЕРЖАНИЕ

От составителя	7
Гаджиев М. Г. О жизненном и творческом пути В. Г. Котовича . . .	12
Гаджиев М. Г. Поселения и жилища Дагестана эпохи ранней брон- зы (к истории древней архитектуры)	23
Давудов О. М. Гапзирское поселение	47
Гаджиев М. С. Исследования сырцово-глиняной фортификации цитадели Дер- бента сасанидского времени (по материалам раскопок Р-ХІ и Р-ХІІІ) . .	61
Гмыря Л. Б. Бытовые и хозяйственные постройки Паласа-сыртского поселения	77
Кудрявцев А. А. К изучению архитектуры средневекового Дербента (VIII—XIII вв.)	98
Атаев Д. М., Гаджиев М. С., Сагитова М. Д. Культовые сооружения Аракса	114
Магомедов М. Г. Оборонительные сооружения Дагестана в X—XIV вв. .	125
Маммаев М. М. Эпиграфический орнамент в декоративной системе средневековых архитектурных сооружений сел. Кубачи (XIV—XV вв.) . .	140
Айтберов Т. М. О датировке дарвагского минарета	168
Алибберов А. К. О некоторых строительных надписях Южного Даге- стана XI—XIII вв.	171
Заключение	182
Список литературы по теме	183
Список сокращений	186
Сведения об авторах	187

instituteofhistory.ru

ДРЕВНЯЯ И СРЕДНЕВЕКОВАЯ АРХИТЕКТУРА ДАГЕСТАНА

Сборник статей

Редактор **Е. В. Спивак**

Художник **М. М. Малагитинов**

Технический редактор **Н. В. Жукова**

Сдано в набор 25.09.89. Подписано в печать 12.12.89.

Формат 60×90^{1/16}. Бумага типографская № 2.

Гарнитура «Литературная». Печать высокая.

Усл. п. л. 11,7. Уч.-изд. л. 10,1. Тираж 500 экз.

Заказ 946. Цена 80 коп.

Дагестанский филиал АН СССР

Махачкала, ул. М. Гаджиева, 45

Типография Дагестанского филиала АН СССР

Махачкала, 5-й жилгородок, корпус 10

Цена 80 коп.